

WILLIAM GIBSON

NEUROMANCER

Нейромант
Уильям Гибсон

Аннотация
Уильям Гибсон. НЕЙРОМАНТ
Часть первая. Чиба Сити блюз
1
2
Часть вторая. Экспедиция по магазинам
3
4
5
6
7
Часть третья. Полночь на Рю Жюль Верн
8
9
10
11
12
Часть четвертая. Набег на блуждающий огонек
13
14
15
16

17
18
19
20
21
22
23
КОДА. Отбытие и прибытие
24

Аннотация

ВНИМАНИЕ!

Существует по крайней мере два перевода романа У.Гибсона «Нейромант»: книжный, который, по-видимому, никогда не выкладывался в сеть, и сетевой, который, к сожалению, имеется на всех электронных ресурсах. Его можно отличить по названию «Нейромантик». В отличие от книжного, он содержит огромное количество грубых ошибок, сильно искажающих смысл книги, что и побудило меня сделать еще один, более правильный сетевой перевод.

Я не преследовал цель создать литературный перевод. Наоборот, я был готов даже допустить некоторые нарушения ("по-русски так не говорят"), чтобы сохранить оригинальный дух книги и донести ее содержание в минимально измененной форме, так как в случае с Гибсоном форма изложения сама по себе является неотъемлемой частью книги.

Из «Нейромантика» я позаимствовал довольно удачную расшифровку «БАМА», а из

книжного перевода — название "Муравейник".

Если вы читаете этот перевод, то он должен быть в формате Microsoft Word, для того чтобы были видны сноски. В сносках поясняется значение многих терминов.

Приятного чтения!

V2.3 20070507
перевод: dr.noise (dr_noise@mail.ru)
посвящается: Пи, которая сделала это нужным.

Уильям Гибсон
НЕЙРОМАНТ

Посвящается: Деб, которая сделала это возможным. С любовью.

Часть первая
Чиба Сити блюз

1

Небо над портом было цвета экрана телевизора, принимающего мертвый канал.

— Не то чтобы я подсел на это, — услышал чей-то голос Кейс, проталкиваясь сквозь толпу у дверей «Чата». — Просто у моего организма, типа, развилась острая наркотическая недостаточность.

Голос Муравейника и шутка Муравейника. "Чатсубо"[1] был баром профессиональных эмигрантов; вы могли бы пить там недели напролет, не услышав и двух слов на японском.

Барменом был Ратц. Его ручной протез монотонно подергивался, пока он наполнял поднос бокалов бочковым «Кирином». Он заметил Кейса и осклабился, его зубы — мешанина стали восточноевропейской работы и коричневого кариеса. Кейс нашел себе место за стойкой, между сомнительным загаром одной из шлюшек Лонни Зоуна и новенькой морской формой высокого афри-

---

[1] Примечания: 1

Тяцубо (яп.) — чайница. В переводе использована несколько искаженная транскрипция «Чатсубо», так как автор также использует сокращенное название «Чат», по-видимому имеющее второе значение (англ. "разговор"). Здесь и далее — примечания переводчика.

канца, чьи скулы были изборождены ровными рядами ритуальных шрамов.

— Уэйдж недавно заявлялся, с двумя бойцами, — обронил Ратц, здоровой рукой отправляя по стойке бокал бочкового. — Не по твою ли душу, Кейс?

Кейс пожал плечами. Девушка справа хихикнула и подтолкнула его локтем.

Лыба Ратца стала шире. О его уродливости ходили легенды. Жить во времена широкодоступной красоты и не иметь ее — было в этом нечто благородное. Древняя рука повизгивала, протягиваясь к очередной кружке. Это был русский военный протез, семифункциональный манипулятор с обратной связью, одетый в неряшливый розовый пластик.

— Вы слишком большой артист, герр Кейс, — хрюкнул Ратц, что обозначало смех. Он поскреб свисающее из-под белой футболки пузо розовой клешней. — Артист, знаете ли, комического жанра.

— Конечно, — ответил Кейс, и отхлебнул пива. — Кто-то ведь должен здесь зажигать. Ясен хуй, что не ты.

Хихиканье шлюхи поднялось на октаву.

— И не ты тоже, сеструха. Так что исчезни, лад-

но? Зоун — мой близкий друг.

Она посмотрела Кейсу в глаза и издала почти неслышный звук плевка, едва шевельнув губами. Но она ушла.

— Господи, — сказал Кейс, — что за бордель ты тут развел? Человеку не дадут спокойно выпить.

— Ха, — ответил Ратц, вытирая тряпкой исцарапанное дерево, — Зоун мне отстегивает проценты. А тебе я разрешаю работать здесь ради развлечения.

Кейс поднял бокал, и вдруг наступило одно из тех странных мгновений тишины, как будто одновременно пришли к паузе сотни не связанных между собой разговоров. Потом тишину разбило дурацкое, с оттенком истерики, хихиканье проститутки. Ратц хрюкнул.

— Ангел пролетел.

— Китаец, — проревел пьяный австралиец, — блядские китайцы, изобрели сращивание нервов. Я по этому делу, в любое время, только дай работу. Починю тебя что надо, друг…

— А вот это, — сказал Кейс своему бокалу, и вся его желчная горечь внезапно поднялась в нем, — это уже полное фуфло.

Японцы успели забыть в нейрохирургии больше, чем китайцы когда-либо знали. Подпольные

клиники Чибы находились на острие современности, целые массивы технологий обновлялись каждый месяц, и все же им не под силу было справиться с увечьем, нанесенным Кейсу в отеле "Мемфис".

Уже год здесь, и он все еще грезил киберпространством, надежда таяла с каждой ночью. Он успел везде, обошел все повороты, срезал все углы Ночного Города, и все еще видел во сне Матрицу, яркие решетки цифровой логики, раскидывающиеся над бесцветной пустотой… Муравейник был его теперь уже полузабытым домом далеко за Тихим океаном, и он больше не был консольщиком, не был кибер-ковбоем. Просто очередной шустрила, пытающийся пробиться наверх. Но видения приходили к нему японскими ночами, как электроток из оголенных проводов, как колдовство вуду, и он кричал от них, кричал во сне и просыпался в темноте и одиночестве, скрюченный в капсуле-саркофаге какого-нибудь отеля, сжимая ладонями матрац так, что темперлон вылезал между пальцев, пытаясь дотянуться до консоли, которой не было.

— Видел твою девушку прошлой ночью, — заметил Ратц, передавая Кейсу второй "Кирин".

— У меня нет девушки, — ответил Кейс и вы-

пил.

— Мисс Линда Ли.

Кейс покачал головой.

— Нет девушки? Ничего? Чисто биз[2], друг артист? Посвятил себя коммерции? — Маленькие карие глаза бармена гнездились глубоко в морщинистой плоти. — Мне кажется, с ней ты был лучше. Больше смеялся. А теперь, однажды ночью, ты чересчур заиграешься в артиста, и окажешься в клинических баках, в виде запчастей.

— Ты разбиваешь мое сердце, Ратц. — Он прикончил пиво, заплатил и ушел, сутуля высокие узкие плечи под нейлоновой, забрызганной дождем ветровкой цвета хаки.

Прокладывая свой путь сквозь столпотворения Нинсэя, он чувствовал запах собственного застарелого пота.

Кейсу было двадцать четыре. В двадцать два он был ковбоем-конокрадом, одним из лучших в Муравейнике. Его тренировали лучшие, МакКой Поли и Бобби Куайн, легенды биза. Он работал на почти постоянном адреналиновом подъеме, симбиоз юности и мастерства, подключенный к специальной киберпространственной консоли,

---

[2] Примечания: 2
биз (амер. разг. biz): от "бизнес".

которая проецировала его бестелесное сознание на согласованную галлюцинацию, называемую матрицей. Вор, он работал на других, более богатых воров, нанимателей, что снабжали его экзотическими программами для проникновения за яркие стены корпоративных систем, для открывания окон в плодородные поля данных.

Он сделал классическую ошибку — ту, которую поклялся никогда не делать. Он украл у своих нанимателей. Он придержал кое-что для себя и попытался толкнуть это через скупщика в Амстердаме. Он все еще не знал, как его раскрыли, да это уже и не имело значения. Он ожидал смерти, но они только улыбались. Конечно, он свободен, сказали они, свободен искать деньги. А деньги ему понадобятся очень скоро. Потому что — все еще улыбаясь — они намеревались сделать так, чтобы он уже никогда не смог работать.

Они повредили его нервную систему русским боевым микотоксином.

Притянутый ремнями к кровати в отеле «Мемфис», он галлюцинировал тридцать часов, в то время как его талант выжигался микрон за микроном. Повреждение было ничтожным, тончайшим и в высшей степени эффективным.

Для Кейса, жившего в бестелесном экстазе

киберпространства, это было низвержением с небес. В барах, которые он посещал, будучи лихим ковбоем, жизненные взгляды элиты всегда включали в себя определенное ленивое презрение к плоти. Тело было мясом. Кейс попал в тюрьму собственной плоти.

Его активы были быстро конвертированы в новые йены, толстые пачки старой бумажной валюты, бесконечно циркулирующие по замкнутому кругу мировых черных рынков, как ракушки тробриандских островитян[3]. В Муравейнике вести открытый бизнес с наличными было затруднительно; в Японии это было уже незаконно.

В Японии, он знал это с абсолютной и слепой уверенностью, он найдет исцеление. В зарегистрированной клинике или в сумеречной зоне подпольной медицины. Синоним имплантантов, сращивания нервов и микробионики, Чиба была магнитом для техно-криминальных субкультур Муравейника.

---

[3] Примечания: 3

Тробриандские о-ва — тж. о-ва Киривина, коралловая формация в Соломоновом море, поблизости от Новой Гвинеи. Известны сложной системой расчетов, использовавшейся островитянами. Ожерелья из красных ракушек циркулировали по часовой стрелке внутри замкнутой цепочки островов, в то время как браслеты из белых ракушек — против часовой стрелки.

В Чибе его новые йены растаяли после двухмесячной серии обследований и консультаций. Врачи подпольных клиник, его последняя надежда, восхищались знаниями, изувечившими его, и только медленно качали головами.

Теперь он спал в самых дешевых саркофагах, тех, что возле порта, под кварцево-галогеновыми прожекторами, освещавшими доки всю ночь наподобие огромной сцены; отсюда нельзя было видеть огни Токио из-за сияния телевизионного неба, затмевавшего даже вознесенный кверху голографический логотип "Фудзи Электрик", и Токийский залив был черным пространством, где чайки кружились над плавучими островками белого полистирола. За портом пролегает город, фабричные купола теряются среди громадных кубов корпоративных аркологий[4]. Порт и город разделены узкой полосой старых улиц, не имеющей названия. Ночной Город, и Нинсэй — его сердце.

Днем бары на Нинсэе закрыты и неприметны, неон мертв, а голограммы инертны, в ожидании, под отравленным серебристым небом.

---

[4] Примечания: 4

аркология (архитектура + экология): город, построенный по единому плану, под одним куполом.

Двумя кварталами западнее «Чата», в чайном домике под названием "Жарр дэ Тэ"[5], Кейс запил первую ночную таблетку двойным эспрессо. Плоский розовый восьмиугольник, мощная разновидность бразильского стимулятора-декса[6], куплен у одной из девочек Зоуна.

Стены «Жарра» были облицованы зеркалами, каждая панель в рамке красного неона.

Сначала, оказавшись в Чибе в одиночестве, с толикой денег и еще меньшей толикой надежды на лечение, он вступил в разновидность смертельной гонки, добывая свежий капитал с такой холодной интенсивностью, словно она принадлежала кому-то другому. В первый же месяц он убил двух мужчин и женщину из-за сумм, которые показались бы ему смехотворными год назад. Нинсэй износил его до такой степени, что сама улица стала казаться воплощением какой-то жажды смерти, каким-то тайным ядом, что присутствовал в нем помимо его знания.

Ночной Город напоминал сумбурный эксперимент по социальному дарвинизму, придуманный скучающим исследователем, который постоянно

---

[5] Примечания: 5
Jarre de The (фр.) — чайник.

[6] Примечания: 6
декс — сокр. от декстроамфетамин (декседрин).

держал палец на кнопке "перемотка вперед". Прекрати трепыхаться, и ты тут же утонешь без следа, но будь чуть ловче, и ты прорвешь тонкое поверхностное натяжение черного рынка; в любом случае, ты пропадешь, не оставив ничего, кроме некоторых туманных воспоминаний в памяти таких старожилов, как Ратц, хотя сердце, легкие или почки могут еще продолжить жизнь в клинических баках и послужить владельцам новых йен.

Биз был здесь постоянным подсознательным гулом, а смерть — заслуженным наказанием за лень, неосторожность, недостаток уважения, глухость к требованиям запутанных правил.

Одиноко сидя за столом в "Жарр дэ Тэ", когда начался приход от восьмиугольника и капельки пота выступили на ладонях, и неожиданно каждый дрожащий волосок на руках и груди дал о себе знать, Кейс осознал, что в какой-то момент начал игру с самим собой, очень древнюю игру без названия, последний пасьянс. Он больше не носил оружие, забыл об элементарной предосторожности. Он проворачивал самые быстрые, самые грязные уличные сделки, и у него была репутация человека, который может достать все. Какая-то его часть знала, что его нимб са-

моуничтожения был ослепительно очевиден его заказчикам, так что их количество быстро уменьшалось; однако он тешился оправданием, что это всего лишь временно. И та же его часть, самодовольно ожидающая смерти, более всего ненавидела мысль о Линде Ли.

Он нашел ее одной дождливой ночью в зале игральных автоматов. За яркими призраками, горящими сквозь сигаретный дым, голограммами "Замка Волшебника", "Танковой войны в Европе" и "Нью-Йоркского горизонта"... И теперь он помнил ее такой, с лицом, купающимся в неугомонном лазерном свете, черты сокращены до кода: скулы вспыхивают красным, когда горит Замок Волшебника, лоб заливается лазурью, когда Мюнхен гибнет в танковой войне, рот трогает расплавленное золото, в то время как скользящая стрелка самолета вышибает искры из каньона небоскребов. Он был на высоте в ту ночь, пакет кетамина Уэйджа шел к месту назначения — в Йокогаму, а деньги за работу уже лежали в кармане. Он ступил внутрь из теплого дождя, барабанившего по тротуарам Нинсэя, и каким-то образом выделил ее потерянное в игре лицо среди дюжин других, склонившихся над консолями. Такое же выражение он увидел на ее

спящем лице несколько часов спустя, в саркофаге припортового отеля, линия ее верхней губы напоминала детский рисунок летящей птицы.

Кейс пересек зал и встал за ее спиной, в эйфории от только что провернутого дела, и она оглянулась на него. Серые глаза обведены расплывшимся черным карандашом. Глаза животного, захваченные светом фар наезжающего автомобиля.

Их ночь вместе плавно перешла в утро, в билеты на ховер и его первое путешествие по заливу. Дождь все падал и падал на Харадзюку, усыпая бисером ее пластиковую куртку, токийские подростки в белых кроссовках и облегающих куртках гуляли мимо модных бутиков, а потом она стояла рядом с ним посреди полуночного грохота патинко[7] и держала его за руку, как дитя.

Через месяц наркотических дрязг эти вечно испуганные глаза превратились в колодцы рефлекторного желания. Он наблюдал, как ее личностная сущность дробится, раскалывается как айсберг, осколки уплывают прочь, и наконец остается чистое желание, голодный остов

[7] Примечания: 7

патинко — японское заведение с игровыми автоматами типа "пинбол".

физического привыкания. Сосредоточенность и концентрация, с которыми она вводила очередную дозу, напоминали ему о богомолах, что продаются в лавках на Сиге, рядом с аквариумами голубых карпов-мутантов и сверчками — узниками бамбуковых клеток.

Кейс уставился в кольцо кофейной гущи на дне своей чашки — под действием принятого «ускорителя» казалось, что оно дрожит. Коричневый ламинат стола был тусклым от патины мельчайших царапин. Ощущая подъем декса по позвоночнику, Кейс вдруг увидел все эти бесчисленные случайные тычки, необходимые для создания такой поверхности. «Жарр» был отделан в старом безымянном стиле прошлого века, неуклюжая смесь японских традиций и тусклого миланского пластика, но все, казалось, было покрыто тончайшей пленкой, как будто эмоции миллиона посетителей каким-то образом атаковали зеркала и некогда блестящий пластик, оставив каждую поверхность затуманенной чем-то, что уже нельзя стереть.

— Эй. Кейс, дружочек…

Он поднял взгляд и встретил серые глаза, обведенные карандашом. Она носила выцветшие французские орбитальные штаны и новые белые

кроссовки.

— Я искала тебя.

Она заняло место напротив него и оперлась локтями на стол. Рукава голубой куртки на молнии были оторваны у плеч; он машинально проверил ее руки на следы дермов или иглы.

— Хочешь сигарету? — Она извлекла из кармана на лодыжке мятую пачку «Ехэюань» с фильтром и предложила Кейсу одну. Он взял сигарету и прикурил от протянутой Линдой красной пластиковой зажигалки.

— Ты хорошо спишь, Кейс? У тебя усталый вид.

Ее акцент выдавал ее происхождение из южной части Муравейника, ближе к Атланте. Кожа под глазами была дряблой и нездоровой, но тело все еще оставалось гладким и крепким. Ей было двадцать, а все новые морщинки боли начинали прорезаться в углах ее рта. Темные волосы отброшены назад и перехвачены лентой набивного шелка. Орнамент мог изображать микросхему, или карту города.

— Нет, если не забываю пить свои таблетки, — ответил он, буквально осязая, как тоска накатила на него, и одиночество и вожделение, подхваченные амфетаминовой волной. Он вспомнил запах ее кожи в перегретой темноте саркофага у

порта, и ее, обхватившую его спину. Это все мясо, подумал он, и это все, чего оно хочет.

— Уэйдж, — сказала она, прищурившись. — Он хочет продырявить тебе голову. — Она закурила свою сигарету.

— Кто сообщил? Ратц? Ты говорила с Ратцем?

— Нет. Мона. Ее новый хахаль — один из бойцов Уэйджа.

— Я ему не так уж много должен. А прикончит меня — денег все равно не получит.

Кейс пожал плечами.

— Слишком многие должны ему сейчас, Кейс. Может быть, он хочет устроить показательную расправу. Серьезно, глядел бы ты лучше в оба.

— Обязательно. А у тебя как дела, Линда? Есть где спать?

— Спать… — Она покачала головой. — Конечно, Кейс.

Она поежилась, и сгорбившись, наклонилась над столом. Ее лицо было покрыто потом.

— Вот, — сказал он, и порывшись в кармане ветровки, вытащил мятые полсотни. Автоматически разгладив бумажку под столом, он сложил ее вчетверо и передал Линде.

— Тебе это нужно, милый. Лучше отдай Уэйджу. — В этих серых глазах теперь было нечто

такое, чего он не мог понять, что-то, чего он никогда раньше не видел.

— Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. У меня скоро будут деньги, — соврал он, наблюдая, как его новые йены исчезают в кармане на молнии.

— Достань деньги, Кейс, и найди Уэйджа побыстрей.

— Увидимся, Линда, — сказал он, вставая.

— Обязательно. — По миллиметру белка виднелось под каждым ее расширенным до предела зрачком. Санпаку[8].

— Следи за собой, Кейс.

Он кивнул, торопясь уйти.

Когда пластиковая дверь захлопнулась за ним, он оглянулся и увидел ее глаза, отраженные в клетке из красного неона.

Пятница, ночь, Нинсэй.

Он шел мимо навесов якиторий и массажных салонов, кофейной франшизы «Красавица», электронного грома игральных автоматов. Усту-

[8] Примечания: 8

санпаку (яп. букв. "три белых"): смещение радужной оболочки глаза вверх или вниз, так, что белок обнажается с трех сторон — признак психофизического расстройства, также считающийся знаком смерти.

пая дорогу сарариману[9] в темном костюме, он заметил логотип «Мицубиси-Генентек», вытатуированный на правой руке человека.

Неужели настоящий? Если да, то этот человек здесь нарывается на неприятности. Если нет — то и поделом ему. Сотрудникам М-Г выше определенного ранга вживлялись микропроцессоры, которые отслеживали мутагенные уровни в крови. С оборудованием вроде этого в Ночном Городе можно и загреметь, прямиком в подпольную клинику.

Сарариман был японцем, но толпа Нинсэя была толпой гайдзинов[10]. Группы портовых моряков, возбужденные туристы-дикари в поисках развлечений, не указанных в путеводителях, бандиты из Муравейника, предлагающие пересадочный материал и имплантанты, и еще дюжина разных типов дельцов, роящиеся на улицах в замысловатом танце вожделения и коммерции.

Существовало бесчисленное множество теорий относительно того, почему Чиба сити терпел

---

[9] Примечания: 9

сарариман (яп., от иск. англ. "salary man"): преданный служащий корпорации.

[10] Примечания: 10

гайдзин (яп. букв. "чужой человек"): название всех иностранцев в Японии.

существование на своей территории Ночного Города, однако Кейс склонялся к идее, что якудза могли сохранить это место наподобие исторического заповедника, как напоминание об их скромном происхождении. Он также находил определенный смысл в мнении, что развивающиеся технологии требуют наличия криминальных зон, так что Ночной Город был не домом своих обитателей, а намеренно созданным неконтролируемым испытательным полигоном самих технологий.

Интересно, правду ли говорила Линда, спросил он сам себя, всматриваясь в огни наверху. Убьет ли его Уэйдж в пример другим? Это не имело особого смысла, однако Уэйдж работал в основном с запрещенными биологическими материалами, а говорят, что для этого надо быть настоящим психом. Линда же сказала, что Уэйдж хочет убить его. Главное, что Кейс вынес из уличных сделок — в действительности он не нужен ни продавцу, ни покупателю. Задача посредника — сделать себя неизбежным злом. Та сомнительная ниша, которую Кейс вырезал себе в криминальной экологии Ночного Города, была вырублена ложью и выскоблена каждой ночью предательства. Теперь, чувствуя, что ее стены начали рушиться, он

ощутил себя на пороге странной эйфории.

Неделю тому назад он задержал переправку синтетического железистого экстракта, распродавая его в розницу сверх обычной меры. Он знал, что Уэйджу это не понравилось. Уэйдж был его главным поставщиком, за девять лет в Чибе он стал одним из немногих дилеров-гайдзинов, которым удалось наладить связи с жестко ранжированной преступной организацией за границами Ночного Города. Генетические материалы и гормоны стекались на Нинсэй через запутанные цепочки парадных и черных входов. Каким-то образом Уэйдж однажды ухитрился проследить обратный путь одной из поставок, и теперь в его распоряжении были постоянные каналы в дюжине городов.

Кейс очнулся и понял, что смотрит сквозь витринное стекло. Здесь продавались разные блестящие безделушки для моряков. Часы, ножи-бабочки, зажигалки, карманные видеокамеры, симстим-деки, тяжелые цепи "манрики"[11] и сюрикены. Сюрикены всегда пленяли его, стальные звезды с остро заточенными концами. Одни были хромированные, другие черные, третьи с

[11] Примечания: 11

манрики (яп. букв. "десять тысяч сил"): цепь с утяжелителями на концах, традиционное оружие ниндзя.

радужной поверхностью, напоминающей разводы нефти на воде. Его взгляд остановился на хромированных. Они были прикреплены к алой замше почти невидимыми петлями нейлоновой лески, в центре каждого — дракон или символ «инь-ян». Они ловили уличный неон и отдавали назад уже искаженным, и Кейсу подумалось, что это его путеводные звезды — его судьба была предначертана в созвездии дешевого металла.

— Джули, — сказал он своим звездам. — Пора проведать старичка Джули. Он знает все.

Джулиусу Диану было сто тридцать пять лет, его метаболизм регулярно и прилежно корректировался недельным набором сывороток и гормонов. Но основной преградой старости были ежегодные паломничества в Токио, где генетические хирурги подправляли код его ДНК — операция, невозможная в Чибе. После этого он летел в Гонконг и закупал себе костюмы и рубашки на год вперед. Пожалуй, единственное наслаждение это бесполое и нечеловечески терпеливое существо находило в почти эзотерическом поклонении портняжному мастерству. Кейс никогда не видел его в одном и том же костюме, причем гардероб старика состоял сплошь из придирчиво реконструированных одежд прошлого века. Джулиус

щеголял рецептурными линзами в золотой паутинчатой оправе, выточенными из тонких пластин розового синтетического кварца со скошенными гранями, как у зеркал в викторианском кукольном домике. Его офис располагался за Нинсэем, на складе, часть которого несколько лет лет назад была скудно обставлена случайными предметами европейской мебели, как будто Диан однажды вознамерился использовать это место как свой дом. Книжные полки неоацтекского стиля собирали пыль вдоль одной из стен помещения, где ждал Кейс. Пара головастых настольных ламп в диснеевском стиле неуклюже нависала над низеньким кофейным столиком из алой лакированной стали а-ля Кандинский[12]. На стене между книжными полками висели часы в стиле Дали, перекошенный циферблат стекал вниз на голый бетонный пол. Стрелки были голограммами, которые изменяли форму в соответствии с искривлениями циферблата по мере вращения, но часы никогда не показывали правильное время. Комната была заставлена белыми стеклопластиковыми контейнерами,

[12] Примечания: 12

Василий Кандинский (1866–1944) — русский художник-авангардист, один из первых создателей чистой абстракции в современной живописи.

испускавшими резкий запах консервированного имбиря.

— Похоже, ты чист, сынок, — произнес бестелесный голос Диана. — Давай заходи.

Слева от книжных полок магнитные запоры с глухим лязгом вышли из пазов вокруг массивной двери с покрытием под розовое дерево. ДЖУЛИУС ДИАН ИМПОРТ ЭКСПОРТ — гласили отслоившиеся от пластика буквы из самоклеющейся пленки. Если мебель, разбросанная в подсобной-приемной Диана, символизировала собой конец прошлого века, то сам офис принадлежал его началу.

Холеное розовое лицо Диана смотрела на Кейса из освещенного пятна, создаваемого древней медной лампой с четырехугольным абажуром из темно-зеленого стекла. Импортер был надежно загорожен огромным письменным столом из крашеной стали, фланги прикрывали высокие шкафы, сделанные из какого-то блеклого дерева. Наверное, подумал Кейс, раньше в них хранили какие-то рукописные документы. Стол загромождали кассеты, рулоны пожелтевших распечаток, и различные части механизма печатной машинки, которую Диан все никак не мог починить.

— С чем пожаловал, малец? — спросил Диан,

предлагая Кейсу узкий леденец в бело-синей клетчатой обертке. — Попробуй-ка. Тин Тин Дья[13], самое лучшее.

Кейс отказался от имбиря, сел в бездонное деревянное кресло-качалку, и провел большим пальцем по выцветшему шву на своих черных джинсах.

— Джули. Я слышал, что Уэйдж хочет меня сделать.

— А. Вот оно что. И где ты это слышал, позволь спросить?

— От людей.

— Людей, — повторил Диан, перекатывая во рту имбирный леденец. — Что за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

— Не всегда легко понять, кто твои друзья, да?

— Я должен ему немного бабла, Диан. Он тебе что-нибудь говорил?

— Давненько не общался с ним.

Потом он вздохнул.

— Даже если бы я что и знал, не факт, что сказал бы тебе. Дела должны идти так, как идут, ты понимаешь.

— Дела?

---

[13] Примечания: 13

Ting Ting Jahe — имбирные леденцы производства индонезийской компании Uwajimaya.

— Он мой важный канал, Кейс.

— Ну да. Так он хочет меня убить, Джули?

— Не то чтобы я знаю. — Диан пожал плечами. С таким же успехом они могли бы обсуждать цены на имбирь. — Если это окажется пустой сплетней, сынок, ты вернешься через неделю или вроде того, и я тебе покажу кое-что из Сингапура.

— Из отеля Нан Хай, улица Бенкулин?

— Прикуси язык, сынок! — ощерился Диан. Его стол был утыкан скопищем противожучковых устройств.

— Увидимся, Джули. Я передам привет Уэйджу.

Пальцы Диана поднялись и погладили идеальный узел светлого шелкового галстука.

Он был менее чем в квартале от офиса Диана, когда его внезапно, на клеточном уровне, пробило предчувствие, что кто-то сел ему на хвост, и очень плотно.

Лелеяние особой, ручной паранойи пошло Кейсу на пользу. Уловка состояла в том, чтобы не дать ей выйти из-под контроля. Но после стопки восьмиугольных таблеток это стало очень непросто. Он поборол адреналиновый всплеск и придал своей узкой фигуре скучающе-бездельный вид, как бы будучи влеком толпой. Улучив момент, он остановился перед темной витриной. Она при-

надлежала хирургическому бутику, закрытому на обновление. Засунув руки в карманы куртки, он всматривался сквозь стекло в плоский лоскут искусственно выращенной плоти, что лежал на резном пьедестале "под нефрит". Цвет кожи этого куска мяса напомнил Кейсу одну из шлюх Зоуна; туда был вживлен светящийся цифровой дисплей, присоединенный к подкожному чипу. Зачем связываться с хирургией, подумал Кейс, ощущая стекающий по ребрам пот, когда можно просто носить этот приборчик в кармане?

Не поворачивая головы, он поднял глаза и вгляделся в отражение текущей позади него толпы.

Там.

За матросами, одетыми в хаки с короткими рукавами. Темные волосы, зеркальные очки, темная одежда, стройный…

Исчез.

Кейс бежал, низко пригнувшись, метаясь между прохожими.

— Позаимствуешь мне пушку, Син?

Мальчик улыбнулся.

— Два часа.

Они стояли вдвоем среди запаха свежевыловленной морской живности в заднем дворе суси-бара на Сиге.

— Приходи через два часа.

— Мне нужен ствол сейчас. Есть что-нибудь прямо сейчас?

Син порылся среди пустых двухлитровых банок из-под порошкового хрена, и достал тонкий пакет, обернутый серым пластиком.

— Тасер. Двадцать новых йен в час, тридцать — задаток.

— Черт. На хрен мне это? Мне нужна пушка. Как будто я хочу застрелить кого-то, понимаешь?

Официант пожал плечами и спрятал тасер за банками из-под хрена.

— Два часа.

Он зашел в магазин, даже не взглянув на витрину с сюрикенами. Он в жизни не бросал ни одного. Он купил две пачки «Ехэюань» по кредитке Мицубиси банк, используя имя Чарльз Дерек Мэй. В паспорте же он числился как Трумэн Старр — лучшее, что удалось сделать.

Японка за терминалом выглядела будто на несколько лет старше Диана, но не пользовалась достижениями науки. Он вынул из кармана тонкий сверток новых йен и показал ей.

— Я хочу купить оружие.

Она указала ему на ящик, полный ножей.

— Нет, — сказал он, — Я не люблю ножи.

Она достала из-под кассы продолговатый ящик с крышкой из плотного желтого картона, на которой было напечатано грубое изображение свернувшейся кобры с раздутым клобуком. Внутри находились восемь одинаковых, завернутых в промасленную бумагу цилиндров. Он наблюдал, как коричневые крапчатые пальцы разворачивают один из них. Она показала ему тусклую стальную трубку с кожаной петлей на одном конце и маленькой бронзовой пирамидкой на другом. Она взяла трубку в одну руку, зажала пирамидку между большим и указательным пальцем другой руки, и потянула. Три масляных, телескопических сегмента туго скрученной стальной ленты выскользнули наружу и защелкнулись.

— Кобра, — сказала она.

Над неоновым дрожанием Нинсэя небо было того цвета, что называется оттенком серого. Воздух сделался хуже; сегодня у него будто выросли зубы, и половина толпы носила фильтрующие маски. Кейс провел в туалете десять минут, пытаясь найти удобный способ скрытного ношения «кобры»; в конце концов он удовлетворился тем, что заткнул петлю за ремень джинсов, расположив трубку наискось через живот. Пирамидка

ударного наконечника пролегала между его грудной клеткой и подкладкой ветровки. Вся конструкция угрожала выпасть на тротуар при следующем же шаге, но все равно Кейс почувствовал себя уверенней.

"Чат" не был настоящим баром для сделок, но по вечерам рабочих дней он привлекал соответствующую клиентуру. По пятницам и субботам все было по-другому. Большинство завсегдатаев были на своих местах, но они растворялись в приливе моряков и мошенников, обиравших этих моряков. Едва войдя в двери, Кейс поискал Ратца, но бармена не было видно. Лонни Зоун, местный сутенер, следил с пристальным отеческим интересом, как одна из его девушек пошла обрабатывать молоденького моряка. Зоун постоянно употреблял галлюциноген, который японцы называют "Танцы в облаках". Поймав взгляд сутенера, Кейс поманил его к стойке. Зоун замедленно проплыл сквозь толпу, его длинное лицо было вялым и безмятежным.

— Видел сегодня Уэйджа, Лонни?

Зоун рассмотрел Кейса с обычной невозмутимостью и покачал головой.

— Уверен?

— Может быть, в Намбане. Может быть, два

часа назад.

— Кто-нибудь из бойцов был с ним? Один из них тонкий, темноволосый, может быть, в черной куртке?

— Нет, — наконец ответил Зоун, его гладкий лоб наморщился, демонстрируя усилия вспомнить такие бесполезные детали.

— Большие ребята. Качки. — Глаза Зоуна почти не имели белков и совсем немного радужки; из-под сползающих век смотрели ненормально расширенные зрачки. Он долго смотрел на лицо Кейса, потом поникнул взглядом и заметил, что под курткой топорщится стальной цилиндр.

— Кобра, — сказал он и поднял бровь. — Хочешь кого-то ёбнуть?

— Пока, Лонни. — сказал Кейс и вышел из бара.

Ему снова сели на хвост. Он был в этом уверен. Он почувствовал, как возбуждение от восьмиугольников и адреналина смешивается с чем-то еще. Тебе это нравится, подумал он; ты псих.

Потому что, очень приблизительно и очень странно, это было похоже на гонку в матрице. Просто надо лишь выжать себя до капли, попасть в какую-нибудь безвыходную, нежданную переделку, и можно представить Нинсэй как поле

данных, так же как матрица однажды напомнила ему молекулы белков, соединенные в разной последовательности для разных типов клеток. И после этого ты можешь бросить себя в скоростное течение и скольжение, полностью погрузившись, но в то же время оставаясь в стороне от всего, и все вокруг тебя — танец биза, взаимодействие информации, плоть, созданная из цифр в лабиринтах черного рынка…

Давай, Кейс, сказал он себе. Наколи их. Они ведь ожидают этого меньше всего. Он находился за полквартала от зала игральных автоматов, где впервые повстречал Линду Ли.

Он бросился вперед по Нинсэю, растолкав группу прогуливающихся моряков. Один из них заорал вслед Кейсу что-то на испанском. Кейс уже забегал внутрь зала, и грохот обрушился на него подобно прибою, ударяя сверхнизкими басами в дно живота. Кто-то взорвал десять мегатонн в "Европейской Танковой Войне", симуляция ударной волны утопила зал в белом шуме, и огненная голограмма атомного гриба поднялась над головами. Кейс свернул направо и в несколько прыжков поднялся по лестничному пролету, сделанному из неокрашенных древесностружечных плит. Однажды он был здесь с Уэйджем, они обсуждали

одно дело насчет нелегальных гормональных катализаторов с человеком по имени Мацуга. Он вспомнил коридор, грязную ковровую дорожку, ряд одинаковых дверей, ведущих в крошечные кубические офисы. Одна дверь сейчас была открыта. Девушка-японка в черной футболке без рукавов подняла взгляд из-за белого терминала, за ее спиной — греческий туристический постер, синева Эгейского моря, перечеркнутая яркими стремительными иероглифами.

— Позови сюда охрану, — сказал Кейс.

После этого он пустился дальше по коридору, долой с ее глаз. Последние две двери были закрыты, и как он заключил, заперты. Он развернулся и с силой всадил подошву своего нейлонового кеда в покрытую голубым лаком дверь в дальнем конце. Дверь вылетела, дешевый крепеж посыпался из разбитого косяка. Внутри была темень, в которой проглядывался лишь изогнутый белый контур кожуха терминала. Он перешел к двери справа и схватился обеими руками за прозрачную пластиковую ручку, налегая изо всех сил. Что-то треснуло, и он вошел. Здесь он и Уэйдж встречались с Мацугой, но та липовая компания, от лица которой работал Мацуга, давно уже съехала. Ни терминала, ничего. Только свет, пробивающийся

из аллеи позади здания сквозь закопченный пластик. Он различил свернувшиеся змеиными кольцами оптоволоконные кабели, свисающие из розетки в стене, груду использованных пищевых контейнеров, и гондолу электровентилятора без лопастей.

Окно представляло собой один лист дешевого пластика. Кейс стряхнул с себя куртку, намотал на правый кулак и ударил. Окно треснуло, и следующие два удара выбили его из рамы.

Поверх приглушенного игрового хаоса завыла сирена, разбуженная не то разбитым окном, не то девушкой в начале коридора.

Кейс развернулся, натянул куртку и раскрыл «кобру» на полную длину.

Он стоял за закрытой дверью и надеялся на то, что его преследователи решат, будто он сбежал через дальнюю дверь, наполовину сорванную с петель. Бронзовая пирамидка «кобры» начала слегка раскачиваться, стальная пружина подхватила и усилила пульс Кейса.

Ничего не случилось. Только завывала сирена, громыхали игры, колотилось его сердце. Пришел страх, похожий на полузабытого друга. Не холодный быстрый механизм декс-паранойи, а простой животный ужас. Кейс так долго жил с

постоянным ощущением тревоги, что почти уже забыл, каким бывает настоящий страх.

В таких офисах умирают люди. Он тоже мог умереть здесь. У них наверняка есть стволы…

Треск из дальнего конца коридора. Мужской голос кричит что-то на японском. Пронзительный вопль ужаса. Снова треск.

Неспешно приближающиеся шаги.

Мимо его закрытой двери. Остановка на три быстрых удара его сердца. И шаги назад. Раз, два, три. Каблук ботинка шаркнул по ковровой дорожке.

Последние остатки внушенной восьмиугольником храбрости растаяли. Кейс сложил «кобру» назад в трубку и полез на подоконник, ослепленный ужасом, его нервы вопили. Он поднялся, вывалился из окна и упал, даже не успев осознать, что делает. Тупая боль от удара о тротуар прошибла голени. Узкий клин света из-под приоткрытой служебной створки выхватывал из темноты кучу использованных оптоволоконных кабелей и остовов выброшенных консолей. Он свалился лицом вниз на сырую древесностружечную плиту и перекатился в тень за консолями. Окно офиса виднелось квадратом слабого света. Сирена все не умолкала, здесь она был слышна

громче, задняя стена приглушала рев игр.

В оконной раме появилась голова, темная на фоне света из коридора, и исчезла. Потом снова появилась, но Кейс все равно не мог разглядеть черты лица. Отблеск серебра на глазах.

— Дерьмо, — сказал кто-то, женщина, с акцентом северного Муравейника.

Голова исчезла. Кейс пролежал под консолями, считая до двадцати, потом встал. Стальная «кобра» все еще была у него в руке, и он потратил несколько секунд, вспоминая, что это такое. Прихрамывая и потирая левую лодыжку, он побрел прочь по аллее.

Пистолет Сина был пятидесятилетней вьетнамской имитацией южноамериканской копии "Вальтера ППК", полицейская модель, самовзвод после первого выстрела, с очень тугим спусковым крючком. Магазин был расточен под винтовочный малокалиберный патрон, хотя Кейс предпочел бы азидовые заряды с центральным воспламенением, нежели простые китайские, с полым наконечником, которые продал ему Син. Но все-таки это был уже настоящий пистолет с девятью патронами, и направляясь по Сиге от суси-бара, Кейс баюкал его в кармане куртки. Для лучшего хвата рукоятка имела вставки из ярко-

красного пластика, с рельефом в виде парящего дракона — чтобы удобней было нащупывать его большим пальцем в темноте. Он перепоручил «кобру» мусорному баку на Сиге[14] и всухую проглотил еще один восьмиугольник.

Таблетка вернула ему энергию, и он на подъеме поспешил с Сиги на Нинсэй и далее к Байицу. Его хвост, как он решил, исчез, и это было хорошо. Ему нужно было позвонить в несколько мест, продвинуть сделки, и все это не могло ждать. Кварталом дальше Байицу, ближе к порту, стояло неприметное офисное здание из уродливого желтого кирпича. Сейчас его окна были темны, но если вывернуть шею, можно заметить слабое свечение над крышей. Неработающая неоновая вывеска у главного входа гласила "Дешевый Отель" под гроздью иероглифов. Если у этого места и было другое имя, то Кейс все равно не знал его; оно всегда называлось "Дешевым Отелем". Сюда приходили по аллее на выходе с Байицу, и лифт ждал в основании прозрачной шахты. Лифт был поздней пристройкой и крепился на здании при помощи бамбука и эпоксидки. Кейс забрался в пластиковую кабину и запустил ее

[14] Примечания: 14

в оригинале было на Нинсэе, но очевидно, это ошибка автора, так как Кейс направлялся с Сиги на Нинсэй.

своим ключом — немаркированным обрезком жесткой магнитной ленты.

С самого своего прибытия в Чибу Кейс снимал здесь саркофаг с понедельной оплатой, но никогда не спал в нем. Он спал в более дешевых местах.

Лифт пропах духами и дымом сигарет; стены кабины исцарапаны и захватаны пальцами. Проезжая пятый этаж, Кейс увидел огни Нинсэя. Он побарабанил пальцами по рукоятке пистолета, пока кабина останавливалась с затихающим шипением. Как всегда, полная остановка сопровождалась жестоким толчком, но Кейс был готов к этому. Он вышел во дворик, который служил одновременно и вестибюлем и лужайкой.

В середине квадратного покрытия из зеленого искуственного дерна за С-образной консолью сидел японский подросток и читал книгу.

Белые стеклопластиковые саркофаги были уложены в решетки промышленных строительных лесов. Шесть ярусов по 10 саркофагов с каждой стороны.

Кейс кивнул в направлении мальчика и проковылял по пластиковой траве к ближайшей лестнице. Все сооружение было накрыто дешевым ламинатом, дребезжавшим на сильном

ветру и протекавшим в дождь, но сами саркофаги были сделаны добротно и открыть их без ключа было весьма затруднительно.

Решетчатый карниз дрожал под его весом, пока он шел по краю третьего яруса к номеру 92. Саркофаги имели три метра в длину, овальные люки шириной метр, и чуть менее полутора метров в высоту. Он вставил свой ключ в приемник и дождался, пока бортовой компьютер сверит его данные. Магнитные запоры ободряюще лязгнули, и люк со скрипом пружин поднялся в вертикальное положение. Заморгали флюоресцентные лампы, он вполз, захлопнул за собой люк и шлепнул по панели, которая переключала замок на ручной режим.

В номере 92 не было ничего, кроме стандартного карманного компьютера «Хитачи» и маленькой холодильной камеры из белого пенополистирола. Холодильник содержал остатки трех десятикилограммовых плиток сухого льда, тщательно завернутые в бумагу для замедления испарения, и выгнутую алюминиевую лабораторную флягу. Скрючившись на коричневом темперлоновом матрасе, который являлся и полом, и постелью, Кейс достал из кармана пушку Сина и положил ее на холодильник, потом снял куртку. Терминал

саркофага был встроен в одну из вогнутых стенок, напротив панели со списком правил проживания на семи языках. Кейс вынул из подставки розовую трубку и вызвал из памяти гонконгский номер. Подождав пять гудков, он прервал вызов. Покупатель трех мегабайтов горяченьких данных в его «Хитачи» сейчас не отвечал на звонки.

Он набрал токийский номер в Синдзюку.

Ответила женщина, что-то на японском.

— Змей на месте?

— Очень рад слышать тебя, — сказал Змей с добавочного номера. — Я ждал твоего звонка.

— Я достал тебе музыку — произнес Кейс, мельком глянув на холодильник.

— Очень рад слышать это. Сейчас у нас проблемы с оборотом наличности. Можешь подождать?

— Слушай, мне в натуре срочно нужны деньги…

Змей повесил трубку.

— Говно, — ответил Кейс гудящему радио. Взгляд его перешел на маленький дешевый пистолет.

— Неопределенно, — сказал он, — Все очень неопределенно сегодня.

Кейс зашел в «Чат» за час до рассвета, держа обе руки в карманах куртки; одна сжимала пистолет,

другая — алюминиевую флягу.

Ратц сидел за дальним столом и пил воду «Аполлонарис» из пивного кувшина. Сто двадцать килограмм его рыхлого тела на скрипящем стуле подпирали стену. Бразильский пацан по имени Курт обслуживал за стойкой тихую горстку пьянчуг. Пластиковая рука Ратца жужжала, когда он поднимал кувшин и пил. Его бритая лысина блестела потом.

— Плохо выглядишь, дружище артист, — сказал Ратц, блеснув влажными руинами зубов.

— Со мной все в порядке, — ответил Кейс и улыбнулся оскалом черепа. — Просто супер.

Он плюхнулся на стул напротив Ратца, не вынимая рук из карманов.

— Угу, так ты и ходишь туда-сюда в своем переносном бомбоубежище из бухла и марафета. Хорошая защита от депрессии, да?

— Отвалил бы ты уже, Ратц. Видел Уэйджа?

— Защита от страха и одиночества, — продолжал бармен. — Прислушайся к страху. Он может оказаться твоим другом.

— Ты что-нибудь слышал про разборку в игровом зале сегодня ночью, Ратц? Никого не прибили?

— Какой-то псих порезал охранника. — Ратц

пожал плечами. — Говорят, девка.

— Слушай, Ратц, мне нужно поговорить с Уэйджем, я…

— А. — губы Ратца сжались в тонкую линию. Он смотрел за спину Кейсу, в направлении входа. — Вот сейчас и поговоришь.

Кейс внезапно, как вспышку, увидел сюрикены в витрине. Стимулятор звенел в голове. Пистолет в руке был скользким от пота.

— Герр Уэйдж, — сказал Ратц, медленно вытягивая розовый манипулятор, как будто для рукопожатия. — Какая честь. Нечасто вы радуете нас своими посещениями.

Кейс повернул голову и посмотрел в лицо Уэйджа. Оно было загорелой незапоминающейся маской. Глаза — искуственно выращенные трансплантанты «Никон» цвета морской волны. Уэйдж носил шелковый костюм стального цвета и простые платиновые браслеты на каждом запястье. По сторонам от него стояли бойцы, плечи и руки которых бугрились пересаженными мускулами.

— Как дела, Кейс?

— Джентльмены, — позвал Ратц и своей пластиковой клешней поднял со стола пепельницу с горой окурков. — Мне здесь проблемы не нужны.

Пепельница была сделана из толстого уда-

ропрочного пластика и рекламировала пиво «Циньтао». Ратц без усилий раздавил ее, окурки и осколки зеленого пластика посыпались на стол.

— Вам понятно?

— Эй, милашка, — сказал один из бойцов, — может, попробуешь эту штуку на мне?

— Курт, можешь не целиться в ноги, — спокойно сказал Ратц, как будто беседуя.

Кейс пробежал глазами по залу и увидел бразильца за стойкой, который целился в трио из ружья "Смит и Вессон", предназначенного для подавления мятежей. Ствол этого устройства, изготовленный из тонкого как бумага сплава и обмотанный километром стекловолокна, свободно вмещал кулак. Сквозь проволочный магазин виднелись пять толстых оранжевых патронов с инфразвуковым оглушающим гелем.

— Технически несмертельно, — прокомментировал Ратц.

— Ратц, — сказал Кейс, — я твой должник.

Бармен пожал плечами.

— Ты мне ничего не должен. А они, — он бросил сердитый взгляд на Уэйджа и его парней, — должны хорошо усвоить, что никто никого не убирает в Чатсубо.

Уэйдж кашлянул.

— А кто собирался кого-то убирать? Мы хотим только обсудить дела. Кейс и я, мы работаем вместе.

Кейс выхватил пистолет из кармана и навел Уэйджу на промежность.

— Я слышал, ты хочешь меня сделать. — Розовая клешня Ратца замкнулась на пистолете, и Кейс ослабил руку.

— Слушай, Кейс, скажи, что за хуйня происходит с тобой, у тебя крыша поехала или что? Что это за фуфло, на хрен мне убивать тебя? — Уэйдж повернулся к бойцу слева от него. — Вы оба возвращайтесь в Намбан и ждите меня.

Кейс смотрел, как они пересекают бар, уже покинутый всеми, кроме Курта и пьяного моряка в хаки, свернувшегося у подножия стула возле стойки. Дуло "Смит и Вессона" проводило двоих до двери, затем метнулось назад к Уэйджу. Магазин из пистолета Кейса брякнулся на стол. Ратц зажал пистолет в клешне и выбросил патрон из патронника.

— Кто тебе сказал, что я собираюсь тебя убить, Кейс? — спросил Уэйдж.

Линда.

— Кто тебе сказал, а? Кто-то пытается тебя подставить?

Моряк застонал и его взрывообразно вырвало.

— Выкинь его отсюда, — сказал Ратц Курту, который сидел теперь на краю стойки со "Смитом и Вессоном" на коленях и зажигал сигарету.

Кейс почувствовал, как вся тяжесть ночи спускается на него, словно мешок сырого песка всыпали за веки. Он достал из кармана флягу и передал ее Уэйджу.

— Все что есть. Гипофизы. Если быстро толкнешь, получишь пять сотен. Остальное было в кое-какой памяти, но сейчас ее уже нет.

— Кейс, с тобой все в порядке? — Фляга уже скрылась за серо-стальным лацканом. — Я имею в виду, отлично, ты возвращаешь долг, но ты плохо выглядишь. Как размолоченное говно. Ты бы лучше пошел поспал.

— Ага. — Он встал и почувствовал, как «Чат» раскачивается вокруг него. — Ну, у меня еще был полтинник, но я его кому-то дал.

Он хихикнул и подобрал магазин с патроном и бросил их в карман, положив пистолет в другой.

— Мне надо к Сину, забрать залог.

— Иди домой, — сказал Ратц, ерзая на скрипучем стуле с некоторым замешательством. — Артист, блин. Иди домой.

Кейс перешел через зал и толкнул плечом пла-

стиковые двери, чувствуя на себе взгляды.

— Блядь, — сказал он розовому оттенку над Сигой. Голограммы исчезали как призраки вдоль всего Нинсэя, и почти весь неон был уже холоден и мертв. Он сидел в уличном кафе, пил крепкий черный кофе из крошечной пенопластовой чашки и наблюдал, как восходит солнце.

— Улетай, милая. Такие города, как этот — для людей, кому нравится катиться вниз.

Но на самом деле все было не так, и ему все трудней и трудней было поддерживать чувство предательства. Ей просто нужен был билет домой, и эта память в его «Хитачи» могла бы оплатить его, если бы только она нашла правильного скупщика. И эта сцена с полтинником: она же почти отказалась от денег, зная, что собирается обчистить его до нитки.

Когда он выбрался из лифта, все тот же мальчик сидел за консолью, только с другой книгой.

— Ну, приятель, — позвал его Кейс через пластиковый дерн, — не надо мне ничего говорить. Я и так знаю. Красивая леди пришла меня навестить, сказала, что у нее есть мой ключ. Небольшие чаевые для тебя, дай-ка угадаю, пятьдесят новых?

Мальчик отложил книгу.

— Женщина, — сказал Кейс, и провел большим

пальцем линию через лоб. — Шелк.

Кейс широко улыбнулся. Мальчик улыбнулся в ответ и кивнул.

— Спасибо, жопа, — ответил Кейс.

Он замешкался на карнизе — замок заело. Она что-то испортила в нем, пока открывала. Новичок. Кейс знал, где можно заполучить черный ящик, который откроет все в "Дешевом отеле". Пока он вползал внутрь, заморгали флюоресцентные лампы.

— Закрой люк, очень медленно, друг. У тебя все еще с собой фирменное блюдо, которое ты заказал у официанта в субботу?

Она сидела, откинувшись спиной на стенку, в дальнем конце саркофага. Запястья покоятся на задранных коленях, в руке виднеется игломет с напоминающим перечницу дулом.

— Это ты была в игровом зале? — Он закрыл люк. — Где Линда?

— Нажми на блокиратор замка.

Он нажал.

— Это твоя девушка? Линда?

Он кивнул.

— Она ушла. Взяла твой Хитачи. Очень нервное дитя. Так что насчет пушки, а?

Она была в зеркальных очках и одета во все

черное, каблуки ботинок утопали в темперлоне.

— Я вернул ее Сину, забрал свой залог. Продал ему его же патроны за полцены. Тебе нужны деньги?

— Нет.

— Может, немного сухого льда? Все, что у меня сейчас есть.

— Что на тебя нашло сегодня вечером? Зачем устроил дебош в игровом зале? Мне пришлось покалечить охранника, он погнался за мной с нунчаками.

— Линда сказала, что ты собираешься меня убить.

— Линда сказала? Я никогда ее не видела, пока не пришла сюда.

— Ты что, не от Уэйджа?

Она покачала головой. Он рассмотрел, что стекла очков были хирургически вмонтированы в глазные впадины. Серебристые линзы, казалось, росли прямо из гладкой бледной кожи над ее скулами, резко и неровно очерченными темной прической. Пальцы, держащие игломет, были тонкими, белыми, с полированными ногтями цвета бургунди. Ногти создавали впечатление искусственных.

— Мне кажется, у тебя крыша едет, Кейс. Я по-

явилась, и ты сразу вписал меня в картину своей реальности.

— Так что вам надо, леди? — Кейс откинулся спиной на люк.

— Ты. Живое тело, одна штука, и мозги, если они еще сохранились. Молли, Кейс. Меня зовут Молли. Я охочусь на тебя для одного человека, на которого я работаю. Он хочет просто поговорить, и все. Никто тебя не тронет.

— Это хорошо.

— Хотя я часто делаю людям больно, Кейс. Наверное, я так прошита.

На ней были надеты черные облегающие джинсы из тонкой перчаточной кожи и черная «дутая» куртка из какой-то матовой, вроде бы поглощающей свет, ткани.

— Если я уберу этот игломет, ты не будешь дергаться, Кейс? Ты, похоже, любишь делать глупости.

— Эй, да я спокоен. Я полный лох, нет проблем.

— Отлично, парень. — Игломет исчез в черной куртке. — Потому что если начнешь хуйней страдать, это будет самая большая глупость всей твоей жизни.

Она подняла ладони, слегка растопырила белые пальцы, и с едва слышным щелчком десять

обоюдоострых, четырехсантиметровых скальпельных лезвий выскользнули из-под ногтей цвета бургунди. Она улыбнулась. Лезвия медленно втянулись.

2

После года, проведенного в саркофагах, комната на двадцать пятом этаже отеля "Чиба Хилтон" казалась громадной. Десять на восемь метров, половина люкс-номера. Белая кофеварка «Браун» испускала пар на низеньком столике возле раздвижных стеклянных панелей, выходящих на узкий балкон.

— Влей в себя немного кофе. Похоже, тебе это не помешает.

Молли сняла свою черную куртку, игломет висел под ее рукой в черной нейлоновой перевязи. Она осталась в серой безрукавке с простыми застежками на стальных молниях вокруг каждого плеча. Пуленепробиваемый материал, решил Кейс, наплескивая кофе в ярко-красную кружку. Его руки и ноги будто одеревенели.

— Кейс.

Он посмотрел вверх, только сейчас заметив человека.

— Меня зовут Армитаж.

Темный халат распахнут до пояса, широкая и безволосая мускулистая грудь, твердый плоский

живот. Голубые глаза, такие светлые, что Кейс подумал про отбеливатель.

— Солнце взошло, Кейс. Солнце твоего счастливого дня, мальчик.

Кейс взмахнул рукой, и человек легко уклонился от потока обжигающего кофе. Коричневая клякса потекла по стене, имитирующей рисовую бумагу. Кейс заметил угловатое золотое кольцо в левой мочке человека. Спецназ. Человек улыбнулся.

— Выпей кофе, Кейс, — сказала Молли. — Все нормально, но ты никуда не уйдешь, пока Армитаж не скажет то, что хочет.

Она уселась, перекрестив ноги, на шелковую подушку-футон и принялась разбирать и собирать свой игломет, не глядя на него. Взгляд двух зеркал сопровождал Кейса, пока он шел к столу и заново наполнял свою кружку.

— Ты слишком молод, чтобы помнить войну, да, Кейс? — Армитаж запустил большую ладонь в свою густую коричневую шевелюру. На запястье мелькнул тяжелый золотой браслет. — Ленинград, Киев, Сибирь. Мы придумали вас в Сибири, Кейс.

— Что бы это значило?

— Операция Кричащий Кулак, Кейс. Ты слы-

шал о ней.

— Какая-то атака, да? Пытались спалить вирусами ту русскую сеть. Да, я про это слышал. Никто не выбрался.

Он почувствовал внезапную напряженность. Армитаж прошел к окну и окинул взглядом Токийский залив.

— Это не так. Один экипаж вернулся в Хельсинки, Кейс.

Кейс пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Ты консольщик, ковбой. Прототипы программ, которыми вы взламываете промышленные банки, были разработаны для операции Кричащий Кулак. Для нападения на компьютерную сеть Киренска. Каждый экипаж состоял из сверхлегкого самолета "Ночное крыло", пилота, деки для доступа в матрицу, и жокея-оператора. Мы запускали вирус, названный «Крот». Серия «Крот» была первым поколением настоящих программ вторжения.

— Ледоколы, — сказал Кейс поверх ободка красной кружки.

—

Лед происходит от ICE, intrusion countermeasures

electronics[15].

— Проблема в том, мистер, что я больше не жокей, так что я, наверное, пойду…

— Я был там, Кейс; я был там, когда придумали вас.

— Тебе нечего ловить со мной и такими как я, приятель. У тебя хватает денег нанимать дорогих девочек с бритвами, чтобы притащить сюда мою задницу, но это все. Я больше никогда не смогу стучать по клавишам, ни для тебя, ни для кого другого. — Он прошел к окну и посмотрел вниз. — Вот где я теперь живу.

— В полученной нами характеристике говорится, что ты пытаешься подставиться, чтобы улица убила тебя.

— Характеристика?

— Мы построили детальную модель. Купили историю твоих действий под всеми именами и пропустили данные через кое-какую военную программу. У тебя суицидальные наклонности, Кейс. По модели тебе остается месяц жизни. А медицинский прогноз говорит, что в течении года тебе понадобится новая поджелудочная железа.

— Мы. — Он взглянул в бледно-голубые гла-

---

[15] Примечания: 15
(англ.) электронные средства противодействия вторжению.

за. — Мы — это кто?

— Что бы ты сказал, если бы мы предложили вылечить твои нервы, Кейс?

Неожиданно Армитаж показался Кейсу выточенным из куска металла — инертным, невозможно тяжелым. Статуя. Теперь он знал, что видит сон, и скоро проснется. Армитаж больше не заговорит. Сны Кейса всегда кончались таким остановленным кадром, кончился и этот.

— Что бы ты сказал, Кейс?

Кейс смотрел на залив и дрожал.

— Я бы сказал, что это полное фуфло.

Армитаж кивнул.

— А потом я бы спросил, какие ваши условия.

— Не сильно отличаются от тех, к которым ты привык, Кейс.

— Дай человеку поспать, Армитаж, — сказала Молли со своей подушки, детали игломета были разложены на шелку, как дорогостоящая головоломка. — Он расползается по швам.

— Условия, — повторил Кейс. — И сейчас. Немедленно.

Он все еще дрожал. Он не мог остановить дрожь.

Безымянная клиника для состоятельных пациентов, прилизанные павильоны разделены

маленькими формальными садами. Он помнил это место со времени обхода клиник, сделанного им в первый месяц пребывания в Чибе.

— Боишься, Кейс. Ты сильно боишься.

Был воскресный полдень, и он стоял вместе с Молли в подобии дворика. Белые валуны, зеленая бамбуковая рощица, черный гравий, уложенный ровными волнами. Робот-садовник, похожий на металлического краба, ухаживал за бамбуком.

— Все получится, Кейс. Ты даже понятия не имеешь, что есть у Армитажа. Он даст этим нейро-парням программу, которой будут лечить тебя, а заплатит он им инструкциями к этой программе. Они станут вне конкуренции на три года. Ты хоть прикидываешь, сколько это стоит?

Она просунула большие пальцы в ременные петли своих кожаных джинсов и качнулась на лакированных каблуках вишневых ковбойских сапожек. Узкие носки были отделаны ярким мексиканским серебром. Линзы, наполненные ртутной пустотой, смотрели на него с бесстрастием насекомого.

— Ты уличный самурай, — сказал Кейс. — Как долго ты на него работаешь?

— Пару месяцев.

— А до того?

— На кого-то другого. Занятая девушка, ты понимаешь?

Он кивнул.

— Забавно, Кейс.

— Что забавно?

— Я как бы знаю тебя. Эта характеристика. Я знаю, как ты прошит.

— Ты не знаешь меня, сестрица.

— Да ты нормальный, Кейс. Что с тобой происходит, это просто невезуха.

— А как насчет него? Он нормальный, Молли?

Краб двинулся к ним, тщательно выбирая путь по гребням гравия. Его бронзовый панцирь мог иметь тысячелетний возраст. В метре от ног Молли робот испустил луч света и замер на мгновение, анализируя полученную информацию.

— О чем я всегда думаю в первую очередь, Кейс, это о моей сладенькой попке.

Краб изменил курс в обход ее ног, но она пнула его точно рассчитанным ударом, серебряный носок звякнул о панцирь. Робот опрокинулся на спину, но бронзовые лапки вскоре выправили его.

Кейс присел на один из валунов, носками ботинок разрушая симметрию волн гравия. Он похлопал по карманам в поисках сигарет.

— В твоей рубашке, — сказала она.

— Так ты ответишь на мой вопрос? — Он выудил сморщенную «Ехэюань» из пачки, и она дала ему прикурить от тонкой зажигалки из немецкой стали, которая казалась инструментом с операционного стола.

— Ладно, скажу тебе, этот тип явно чем-то управляет. У него сейчас большие деньги, раньше он никогда их не имел, и получает все больше и больше, постоянно. — Кейс заметил некоторое напряжение вокруг ее рта. — Или, может быть, может быть, что-то управляет им…

Она пожала плечами.

— Что это значит?

— Я точно не знаю. Я знаю, что я не знаю, на кого или на что мы в действительности работаем.

Он вгляделся в два зеркала. Покинув «Хилтон» субботним утром, он вернулся в "дешевый отель" и спал десять часов. Потом он долго и бесцельно бродил по охранному периметру порта, созерцая чаек, кружащих за бонами[16]. Если она и следила за ним, то делала это мастерски. Он избегал Ночного Города. Он ждал в саркофаге звонка от Армитажа. И вот теперь, этот тихий дворик, вос-

---

[16] Примечания: 16
боны: цепные ограждения на пирсах.

кресный день, и эта девушка с телом гимнастки и руками фокусника.

— Если вы зайдете сейчас, сэр, анестезиолог ждет встречи с вами. — Лаборант поклонился, повернулся и зашел в клинику, не дожидаясь, пока Кейс последует за ним.

Запах холодной стали. Лед ласкает его позвоночник. Потерянный, такой маленький посреди темноты, руки холодеют, изображение тела меркнет в коридорах телевизионного неба.

Голоса.

И черный огонь нисходит на разветвления нервов, и боль за пределами всего, чему дано имя боли…

Замри. Не двигайся.

И Ратц был там, и Линда Ли, Уэйдж и Лонни Зоун, сотни лиц из неонового леса, моряки и шустрилы и шлюхи, там, где небо отравлено серебром, за бонами и тюрьмой черепа.

Проклятье, да не дергайся же ты.

Где шипящая статика неба растворилась в бесцветии матрицы, и мелькнули сюрикены, его звезды.

— Прекрати, Кейс, мне нужно попасть в вену! — Она оседлала его грудь с синим пластиковым шприцем в руке. — Не будешь лежать смирно — перережу тебе горло к ебеням. Ты же еще накачан эндорфиновыми ингибиторами.

Он проснулся и обнаружил ее растянувшейся рядом с ним в темноте. Его шея ощущалась как тонкий ломкий прутик. Где-то в середине позвоночника непрерывно пульсировала боль. Образы собирались и пересобирались: мелькающий монтаж башен Муравейника и потрепанных куполов Фуллера[17], неясные фигуры движутся ему навстречу под тенью моста или эстакады…

— Кейс? Уже среда, Кейс. — Она пошевелилась, переворачиваясь, и потянулась через него. Грудь задела руку. Он услышал, как рвется фольга — она открыла бутылку с водой и отпила.

— На. — Она сунула бутылку в его руку. — Я вижу в темноте. Микроканальные усилители изображения в моих линзах.

— Спина болит.

— Это там, где тебе заменили спинномозговую

[17] Примечания: 17

Ричард Фуллер (Richard Fuller, 1895–1983): американский инженер, разработавший геодезические купола; знаменит утверждением, что все человеческие нужды можно удовлетворить технологией и планированием.

жидкость. Кровь тоже поменяли. Кровь, потому что теперь у тебя новая поджелудочная. И еще вшили какие-то новые ткани в печень. Насчет нервов не знаю. Много инъекций. Они не раскрывают всех подробностей до начала главного шоу.

Она снова улеглась рядом с ним.

— Сейчас 2:43:12 утра, Кейс. Индикатор в моем глазном нерве.

Он привстал и попытался отпить из бутылки. Поперхнулся, закашлялся, теплая вода забрызгала его грудь и бедра.

— Я должен подключить деку, — услышал он собственный голос. Он шарил в поисках одежды. — Я должен узнать…

Она засмеялась. Маленькие сильные ладони схватили его за плечи.

— Извини, герой. Подождешь восемь дней. Твоя нервная система выпадет из тебя на пол, если попробуешь подключиться сейчас. Приказ доктора. Между прочим, они думают, что у них получилось. Проверят тебя через день или вроде того.

Он снова лег.

— Где мы?

— Дома. Дешевый Отель.

— Где Армитаж?

— В Хилтоне, продает бисер аборигенам или

еще что-нибудь. Мы скоро сваливаем отсюда, парень. Амстердам, Париж, потом обратно в Муравейник. — Она тронула его плечо. — Перевернись. Я хорошо делаю массаж.

Он лег на живот, вытянув вперед руки и уперев кончики пальцев в стену саркофага. Она уселась на его спине, уперевшись коленями в темперлон, прохлада кожаных джинсов на его коже.

Ее пальцы погладили его шею.

— Как вышло, что ты не в Хилтоне?

Вместо ответа она протянула руку назад, между его ног, и мягко погладила мошонку большим и указательным пальцем. Так продолжалось около минуты, она возвышалась над ним в темноте, держа другую руку на его шее. Кожа джинсов слегка поскрипывала при движении. Кейс заерзал, чувствуя, что начинает упираться в темперлон. Голова пульсировала, но ломкость в шее, похоже, отступила. Он приподнялся на локте, перевернулся, откинулся на темперлон, увлекая ее вниз, целуя ее груди, маленькие твердые соски влажно скользили по его щекам. Он нащупал молнию на ее джинсах и расстегнул ее.

— Дай-ка я, — сказала она, — мне видней.

Звук стаскиваемых джинсов. Она брыкалась возле него, пока не скинула прочь джинсы. Она

закинула на него ногу, и он дотронулся до ее лица. Неожиданная твердость имплантированных линз. — Нельзя, — сказала она, — Отпечатки пальцев.

Она снова оседлала его, взяла его руку и закрыла ею себя, большой палец вдоль впадины между ягодицами, остальные пальцы поверх лобка. Когда она начала понижаться, вернулись пульсирующие образы, лица, фрагменты неона, приходящие и уходящие. Она скользнула вниз на нем, и его спина конвульсивно выгнулась. Она удерживала его так, пронзая себя, опускаясь на него снова и снова, пока они оба не кончили, его оргазм вспыхнул голубым в безвременном пространстве, в безграничности матрицы, где лица были разорваны и унесены прочь ураганом в коридорах, и ее бедра изнутри были сильные и влажные, поверх него.

На Нинсэе толклась и танцевала поредевшая разновидность толпы для рабочих дней. Волны шума разливались из игральных залов и патинко. Кейс заглянул в «Чат» и в теплых, пахнущих пивом сумерках нашел Зоуна, присматривающего за своими девочками. За стойкой был Ратц.

— Ты не видел Уэйджа, Ратц?

— Сегодня нет. — Ратц недоуменно поднял

бровь на Молли.

— Увидишь, скажи, что я достал ему деньги.

— Жизнь налаживается, мой артист?

— Рано говорить.

— Короче, мне надо увидеться с этим парнем, — сказал Кейс, глядя на свое отражение в очках. — Есть дела, которые нужно закрыть.

— Армитажу не понравится, если я спущу с тебя глаза. — Она стояла под расплавленными часами Диана, положив руки на бока.

— Он не станет со мной говорить, если ты останешься здесь. На Диана мне насрать два раза. Он сам о себе позаботится. Но есть другие люди, которые пойдут на дно, если я просто так уеду из Чибы. Это мои люди, понимаешь?

Ее рот затвердел, и она покачала головой.

— У меня люди в Сингапуре, токийские каналы в Синдзюку и Асакудза, и все накроется, понимаешь? — он врал, положив руку на ее плечо в черной куртке. — Ну пять. Пять минут. По твоим часам, ладно?

— Мне за это не платят.

— За что тебе платят, это одно. А если я позволю своим близким друзьям умереть просто потому что ты слишком буквально соблюдаешь инструкции — это кое-что другое.

— Гонишь. Какие в жопу близкие друзья. Ты идешь туда, чтобы проверить нас по базе своего контрабандиста.

Она водрузила ногу в ботинке на покрытый пылью кофейный столик а-ля Кандинский.

— Аа, Кейс, дружок, похоже что твой компаньон серьезно вооружен, не считая большого количества кремния в голове. Объясни подробно, зачем?

Призрачный кашель Диана как будто висел в воздухе между ними.

— Погоди, Джули. По-любому, я зайду только один.

— Можешь быть уверен, сынок. По-другому никак и не получится.

— Ладно, — сказала она. — Иди. Пять минут. Задержишься — я войду и успокою твоего близкого друга навечно. А пока ты там, постарайся кое-что понять.

— Что?

— Почему я делаю тебе такое одолжение.

Она повернулась и отошла за сложенные белые коробки консервированного имбиря.

— Что, Кейс, теперь у тебя еще более странная компания, чем обычно? — спросил Джули.

— Джули, она ушла. Ты дашь мне войти? Пожа-

луйста, Джули?

Сработали запоры.

— Медленно, Кейс, — сказал голос.

— Включи свои штучки, Джули, все, что есть на столе, — сказал Кейс, устраиваясь в кресле-качалке.

— Они включены все время, — мягко сказал Диан, доставая из-за разобранной печатной машинки пистолет и тщательно нацеливая его на Кейса. Это был наган, револьвер «Магнум» с коротко спиленным пеньком ствола. Предохранительная скоба вокруг спускового крючка была выломана спереди, а рукоятка обмотана чем-то вроде старой изоленты. Кейс подумал, что этот пистолет очень странно смотрится в наманикюренной розовой руке Диана.

— Просто забочусь о безопасности, ты же понимаешь. Ничего личного. Теперь рассказывай, чего хочешь.

— Мне нужен урок истории, Джули. И досье на кое-кого.

— Что-то двигается, сынок? — Рубашка Диана была из полосатого хлопка леденцовых расцветок, с белым жестким воротником, будто бы сделанным из фарфора.

— Я, Джули. Я ухожу. Исчезаю. Но сделай мне

одолжение, ладно?

— На кого нужно досье, сынок?

— Гайдзин, зовут Армитаж, снимает номер в Хилтоне.

Диан отложил пистолет.

— Сиди ровно, Кейс.

Он напечатал что-то на терминале, лежащем у него на коленях.

— Похоже, что ты знаешь столько же, сколько знает моя сеть, Кейс. Джентльмен, судя по всему, имеет временный контракт с якудза, а сыны неоновой хризантемы умеют скрывать своих сообщников от таких, как я. Не могу больше ничего сделать. Теперь история. Ты говорил про историю.

Он снова поднял пистолет и навел его на Кейса.

— Что за история?

— Война. Ты знаешь о войне, Джули?

— О войне? Что там знать? Длилась две недели.

— Кричащий кулак.

— Знаменито. Что, в наши дни уже не учат истории? Большой блядский послевоенный поли-

тический футбол, вот что это было. Уотергейт[18] до самого ада и обратно. Ваше начальство, Кейс, ваше начальство из Муравейника, где оно было, в Маклине? Отсиживалось в бункерах, и все такое… Большой скандал. Ну потратили немножко патриотического молодого мяса для проверки новых технологий. Они знали про русские оборонительные силы, это всплыло потом. Знали про ЭМП, электромагнитные пушки. И все равно послали этих ребят, просто чтобы посмотреть. — Диан пожал плечами. — Для иванов это был просто тир.

— Кто-нибудь из парней выбрался?

— Господи, — сказал Диан, — прошла куча лет… Хотя кажется, кое-кому удалось. Одному экипажу. Захватили советскую боевую вертушку. Ну, вертолет. Привели его в Финляндию. Конечно, не имели кодов доступа, и по ходу расстреляли уйму финских оборонных подразделений. Специальных подразделений. — Диан тяжело вздохнул. — Кровавая баня.

Кейс кивнул. Запах консервированного имбиря становился невыносимым.

— Во время войны я был в Лиссабоне, знаешь, —

---

[18] Примечания: 18

Уотергейт (англ. Watergate): от названия правительственного корпуса в Вашингтоне; символическое название политических скандалов, связанных с обманом и коррупцией, с 1972 года.

сказал Диан, откладывая пистолет. — Замечательное место, Лиссабон.

— Ты служил, Джули?

— Едва ли. Хотя я видел все в действии. — Диан улыбнулся своей розовой улыбкой. — Удивительно, насколько война может повлиять на чьи-то рынки.

— Спасибо, Джули. Я твой должник.

— Едва ли, Кейс. И прощай.

Позже он понял, что вечер в «Сэмми» пошел не так с самого начала, что еще когда он следовал за Молли по тому коридору, разметая ногами обрывки билетов и полистироловые стаканы, он уже чувствовал смерть Линды, ожидающую…

После его свидания с Дианом они пошли в Намбан и выплатили его долг Уэйджу пачкой новых йен Армитажа. Уэйдж остался доволен, его бойцы расстроились, а Молли стояла рядом с Кейсом и хищно улыбалась, явно желая, чтобы один из них сделал неверное движение. Потом он повел ее в Чат промочить горло.

— Зря теряешь время, ковбой, — сказала Молли, когда Кейс достал восьмиугольник из кармана куртки.

— Как это так? Хочешь тоже? — Он протянул ей таблетку.

— Твоя новая поджелудочная, Кейс, и заплатки в твоей печени. Армитаж сделал так, чтобы они пропускали это дерьмо. — Она постучала по восьмиугольнику ногтем цвета бургунди. — Ты биохимически неспособен оприходоваться амфетаминами или кокаином.

— Блядь, — ругнулся он и посмотрел на восьмиугольник, потом на нее.

— Съешь. Съешь хоть дюжину. Ничего не случится.

Он съел. Ничего не случилось. Спустя три пива она узнавала у Ратца о боях.

— У Сэмми, — сказал Ратц.

— Я пас, — сказал Кейс. — Я слышал, они там убивают друг друга.

Часом позже она покупала билеты у худого тайца в белой футболке и мешковатых регбистских шортах.

"Сэмми" был надувным куполом за портовым складом, упругая серая ткань усилена сеткой тонких стальных тросов. Коридор с дверями на обоих концах служил грубым подобием шлюза, сохраняющего разность давлений, за счет чего поддерживался купол. Кольцеобразные флуоресцентные светильники были прикручены к фанерному потолку через равные промежутки,

однако большая их часть была разбита. Спертый влажный воздух пах бетоном и потом.

Ничто из этого не подготовило его к самой арене, к толпе, к напряженной тишине, к высоким, сделанным из света фигурам под куполом. Бетон ярусами спускался вниз, к подобию центрального ринга, круговому возвышению, огороженному сверкающим лесом проекционного оборудования. Единственным источником света были голограммы, что двигались и мелькали над рингом, воспроизводя движения двух человек внизу. Наслоения сигаретного дыма поднимались от ярусов, все выше, где их разбивали потоки воздуха из компрессоров, накачивающих купол. Безмолвие нарушалось только приглушенным урчанием вентиляторов и усиленным динамиками дыханием бойцов.

Мужчины ходили по кругу, отраженные цвета плыли в линзах Молли. Голограммы имели десятикратное увеличение, при этом ножи, которые держали бойцы, были почти метровой длины. Хватка бойца на ножах такая же, как хватка фехтовальщика, вспомнил Кейс, пальцы согнуты, большой палец вдоль лезвия. Казалось, что ножи движутся сами по себе, скользя с ритуальной неспешностью через дуги и пассажи своего тан-

ца, от точки к точке, пока бойцы выжидали, когда соперник откроется. Задранное лицо Молли было безмятежно спокойным, наблюдающим.

— Я пойду поищу нам еды, — сказал Кейс. Она кивнула, поглощенная созерцанием танца на ринге.

Ему не нравилось это место. Он повернулся и ушел в назад в тень. Слишком темно. Слишком тихо. Толпа, как он заметил, состояла в основном из японцев. Не из Ночного Города. Жители аркологий. Он предположил, что арена имела разрешение от какого-нибудь корпоративного комитета по отдыху и развлечениям. Ему стало немного интересно, каково это — работать всю жизнь на дзайбацу[19]. Корпоративный дом, корпоративный гимн, корпоративные похороны. Он почти полностью обошел купол, прежде чем нашел закусочную. Он купил якитори[20] на шпажках и два пива в высоких пакетах из вощеного картона. Взглянув вверх, на голограммы, он увидел, что кровавая полоса перечеркнула грудь одной из фигур. Густой коричневый соус стекал по шпажкам на костяшки его пальцев. Семь дней,

---

[19] Примечания: 19
дзайбацу (яп. букв. "деньги-власть"): промышленная корпорация.

[20] Примечания: 20
якитори (яп.): куриный шашлык.

и он подключится. Он уже видел матрицу, когда закрывал глаза.

Кружились в танце голограммы, кривились тени. Вдруг узел страха зашевелился между его плеч. Холодная струйка пота стекла вниз по его ребрам. Операция не удалась. Он все еще был здесь, все еще мясо, и Молли не ждала его, не отводя глаз от кружащихся ножей, и Армитаж не ждал его в «Хилтоне» с билетами и новым паспортом и деньгами. Это все был сон, какая-то наивная фантазия… Горячие слезы застили глаза. Фонтан крови из яремной вены, красным пятном света. И теперь толпа кричала, стоя, кричала, пока падала одна из фигур, голограмма моргала и гасла… Рвота подступила к горлу. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул, открыл, и увидел Линду Ли, она прошла мимо него, и ее серые глаза были ослеплены страхом. На ней были все те же французские штаны. И она исчезла. В тени.

Голый безмозглый рефлекс: он бросил цыплят и пиво и ринулся за ней. Возможно, он выкрикивал ее имя, но в этом он не мог быть уверен. Застрявшее в глазу изображение тонкой как волос нити красного света. Шершавый бетон сквозь тонкие подошвы кед. Ее белые кроссовки мелькали уже возле изогнутой стены, и снова призрачный луч

лазера отпечатался в глазу, раскачиваясь в поле его зрения, пока он бежал.

Кто-то сделал ему подножку. Бетон разорвал ладони.

Он перекатился и ударил ногой в воздух, не попав в цель. Тонкий паренек, острые белые пряди его прически подсвечены сзади радужным нимбом, наклонился над ним. Над сценой, фигура поднимает нож, принимая одобрение толпы. Паренек улыбнулся и достал что-то из своего рукава. Бритва, сверкнувшая красным, когда третий луч прошел мимо них в темноту. Бритва клонилась к горлу Кейса, как рамка в руках лозоходца.

Лицо парня стерлось в жужжащем облаке микроскопических взрывов. Иглы Молли, двадцать выстрелов в секунду. Парень конвульсивно кашлянул, единственный раз, и повалился поперек ног Кейса.

Кейс встал и отошел в сторону закусочной, в тень. Наклонив голову, он ожидал увидеть рубиновый луч на своей груди. Ничего.

Он нашел ее. Она лежала, отброшенная к подножию бетонной опоры, глаза закрыты. Пахло жареным мясом. Толпа скандировала имя победителя. Продавец разливного пива протирал краны темной тряпкой. Один белый кроссовок

каким-то образом слетел с ноги и лежал возле ее головы. Иди вдоль стены. Бетонный изгиб. Руки в карманах. Не останавливайся. Мимо отвернувшихся лиц, все глаза подняты к изображению победителя над рингом. Танцующий огонь зажженной спички осветил лицо одного европейца, губы сомкнуты на коротком мундштуке металлической трубки. Острый запах гашиша. Кейс продолжал идти, ничего не чувствуя.

— Кейс. — Ее зеркала появились из глубокой тени. — Ты в порядке?

Что-то хныкало и булькало в темноте позади нее. Он помотал головой.

— Бой окончен, Кейс. Пора домой.

Он попытался шагнуть за нее, в темноту, где что-то умирало. Она остановила его, положив ладонь ему на грудь.

— Друзья твоего близкого друга. Убили твою девушку за тебя. В этом городе у тебя не очень получилось с друзьями, нет? Когда мы гонялись за тобой, парень, мы добыли частичную характеристику для того старого ублюдка. Он поджарит любого за несколько новых йен. То, что лежит там, сказало, что они вышли на нее, когда она пыталась сбыть твою память. Было дешевле убить ее и забрать чип. Небольшая экономия…

Я заставила того, с лазером, рассказать мне все. Просто совпадение, что мы оказались здесь, но я хотела убедиться.

Ее рот был твердым, губы сжаты в тонкую линию. Кейс почувствовал, что его мозги выворачивает наизнанку.

— Кто, — спросил он, — кто послал их?

Она передала ему запятнанный кровью мешочек консервированного имбиря. Он увидел, что ее руки липки от крови. Позади, в темноте, кто-то издал хлюпающие звуки и умер.

После проверки в клинике Молли забрала его в порт. Армитаж уже ждал. Он нанял ховер. Последним видом Чибы для Кейса стали темные углы аркологий. Потом туман сомкнулся над черной водой и плавучими островками мусора.

Часть вторая
Экспедиция по магазинам

3

Дома.

Домом был БАМА, или Муравейник, Бостон-Атлантский Мегаполис-Агломерат. Запрограммируйте визуальную карту потоков данных, каждая тысяча мегабайт — один пиксел на очень большом экране. Манхэттэн и Атланта горят сплошным белым цветом. Потом они начинают пульсировать, трафик угрожает перегрузкой вашей имитационной модели. Ваша карта готова стать сверхновой. Остудите ее. Увеличьте масштаб. Каждый пиксел — миллион мегабайт. При ста миллионах мегабайт в секунду вы начинаете различать отдельные блоки в центре Манхэттэна, очертания столетних промышленных застроек вокруг старого центра Атланты…

Кейс очнулся от видений аэропортов, Молли в черной коже, идущей впереди через вестибюли Нариты, Схипола, Орли… Он видел себя покупающим плоский пластиковый флакон датской водки в каком-то киоске, за час до рассвета.

Где-то у железобетонных корней Муравейника поезд выдавил колонну застоялого воздуха

из туннеля. Сам по себе поезд был бесшумным, скользя на магнитной подушке, но смещаемый воздух заставлял туннель петь, басом, достигающим инфразвука. Вибрация достигла комнаты, где лежал Кейс, и подняла пыль из трещин рассохшегося паркетного пола.

Открыв глаза, он увидел Молли, обнаженную, на расстоянии руки, на очень новом розовом темперлоне. Солнечный свет просачивался над головой сквозь закопченную решетку стеклянной панели в крыше. Один полуметровый квадрат стекла был заменен древесностружечной плитой, толстый серый кабель свисал с нее и качался в нескольких сантиметрах от пола.

Он лежал на своей половине кровати и смотрел, как Молли дышит, на ее груди, на изгиб бока, очерченный с функциональной элегантностью фюзеляжа военного самолета. Ее тело было подтянутым и складным, с мускулами танцора.

Он сел. Комната была большой и пустой, за исключением широкого розового матраса и двух нейлоновых сумок, новых и одинаковых, что лежали возле него. Чистые стены без окон, единственная стальная пожарная дверь, окрашенная в белый цвет. Стены покрыты бесчисленными слоями белой латексной краски. Производствен-

ное помещение. Он знал такие комнаты, такие постройки; их обитатели работали в той области, где искусство еще не было преступлением, а преступление еще не было искусством.

Он был дома.

Кейс опустил ноги на пол, сделанный из маленьких блоков древесины — некоторые отсутствовали, остальные расшатались. Болела голова. Он вспомнил Амстердам, другую комнату, в старой части города, где здания стояли уже века. Молли принесла с берега канала яйца и апельсиновый сок. Армитаж ушел в какую-то секретную вылазку, и они гуляли только вдвоем, мимо Дам Сквера к известному ей бару на проспекте Дамрак. Париж остался размытым сном. Покупки. Она брала его с собой в магазины.

Он встал, натянул мятую пару новых черных джинсов, что лежала у его ног, и присел над сумками. Первая открытая им принадлежала Молли: аккуратно сложенная одежда и маленькие, на вид дорогие, причиндалы. Вторая сумка была набита вещами, которых он не помнил среди покупок: книги, магнитоленты, симстим-дека, одежда с итальянскими и французскими ярлыками. Под зеленой футболкой он нашел плоский пакетик, завернутый на манер оригами в япон-

скую переработанную бумагу.

Он поднял его, и бумага прорвалась; яркая девятиконечная звезда выпала и воткнулась в щель между паркетинами.

— Сувенир, — сказала Молли. — Я заметила, что ты постоянно на них глазеешь. — Он обернулся и увидел, что она сидит скрестив ноги на кровати, сонно почесывая живот бургундскими ногтями.

— Кое-кто потом придет сюда для установки сигнализации. — сказал Армитаж. Он стоял в дверном проеме со старомодным магнитным ключом в руке. Молли готовила кофе на крохотной немецкой печке, взятой из сумки.

— Я могу и сама это сделать, — сказала она. — У меня достаточно аппаратуры. Инфрасканный периметр, кричалки…

— Нет, — ответил он, закрывая дверь. — Мне надо, чтобы все было туго.

— Ну как хочешь.

На ней была надета темная сетчатая футболка, заправленная в мешковатые шорты из черного хлопка.

— Вы были полицейским, мистер Армитаж? — спросил Кейс со своего места, прислонившись спиной к стене.

Армитаж был не выше Кейса, но его широкие

плечи и военная выправка создавали впечатление, что он едва помещается в дверной проем. Он носил мрачный итальянский костюм; в правой руке он держал портфель из мягкой черной кожи. Кольцо спецназа исчезло. Правильные, невыразительные черты лица являли собой шаблонную красоту косметических бутиков, консервативную смесь ведущих медиа-лиц прошлого десятилетия. Тусклый блеск его глаз лишь усиливал сходство с маской. Кейс начал жалеть, что спросил.

— Ну, я имею в виду, что многие военные в конце концов становятся полицейскими. Или корпоративной охраной, — неловко добавил Кейс. Молли передала ему кружку дымящегося кофе. — Тот трюк, что вы приказали им проделать с моей поджелудочной — обычно так работают полицейские.

Армитаж закрыл дверь и перешел через комнату, встав перед Кейсом.

— Ты везунчик, Кейс. Тебе следовало бы сказать мне спасибо.

— Следовало бы? — Кейс шумно подул на кофе.

— Тебе нужна была новая поджелудочная. Та, что мы тебе купили, освобождает тебя от опасной зависимости.

— Спасибо, но мне нравилась эта зависимость.

— Это хорошо, потому что теперь у тебя есть другая.

— Как так? — Кейс поднял взгляд от кофе. Армитаж улыбался.

— В тебе находятся пятнадцать токсиновых капсул, внутри разных основных артерий, Кейс. Они растворяются. Очень медленно, но однозначно они растворяются. Каждая содержит микотоксин. Ты уже знаком с его эффектом. Такой же тебе ввели твои бывшие наниматели в Мемфисе.

Кейс смотрел на улыбающуюся маску и моргал.

— У тебя есть время, чтобы сделать то, для чего я тебя нанял, Кейс, и не больше. Сделаешь работу — получишь инъекцию энзима, который открепит капсулы без их вскрытия. После этого тебе понадобится полное переливание крови. В противном случае, капсулы тают и ты оказываешься там, где я тебя нашел. Так что видишь, Кейс, мы нужны тебе. Мы нужны тебе так же сильно, как и раньше, когда мы выскребли тебя из грязи.

Кейс взглянул на Молли. Она пожала плечами.

— Теперь спустись к грузовому лифту и принеси чемоданы, которые там найдешь. — Армитаж дал ему магнитный ключ. — Давай иди. Тебе понравится, Кейс. Как рожденственское утро.

Лето в Муравейнике, уличные толпы раскачиваются, как трава под ветром, как поле плоти, прорезаемое внезапными водоворотами потребностей и удовольствия.

Он сидел рядом с Молли в легкой тени на бетонном кольце пересохшего фонтана, наблюдая, как бесконечный поток лиц оживляет стадии его собственной жизни. Сначала ребенок, с прикрытыми глазами, уличный пацан, руки свисают по бокам в расслабленной готовности; потом подросток, с ровным загадочным лицом под красными очками. Кейс вспомнил драку на крыше в семнадцать лет, молчаливый бой в рассветном розовом свечении геодезиков.

Он подвинулся на бетоне, чувствуя его прохладную шероховатость сквозь тонкую черную ткань джинсов. Ничто здесь не было похоже на электрический танец Нинсэя. Здесь была другая коммерция, другой ритм, здесь пахло едой на скорую руку и духами и свежим летним потом. И его дека дожидалась его там, на чердаке, "Оно-Сэндай Киберспейс-7".

Они оставили помещение усеянным абстрактными белыми формами упаковочной пены, мятой пластиковой пленкой и сотнями крошечных шариков пенопласта. «Оно-Сэндай»; самый

дорогой компьютер будущего года «Хосака»; монитор «Сони»; дюжина дисков с льдом корпоративного класса; кофеварка «Браун». Армитаж только дождался одобрения Кейса по каждому предмету.

— Куда он делся? — спросил Кейс у Молли.

— Он любит отели. Большие. Рядом с аэропортами, если получается. Давай пойдем на улицу.

Она застегнула на молнию старый разгрузочный жилет с дюжиной карманов странной формы и надела громадные солнцезащитные очки из черного пластика, полностью скрыв свои зеркальные имплантанты.

— Ты знала про это говно с токсинами раньше? — спросил он ее у фонтана.

Она покачала головой.

— Думаешь, это правда?

— Может быть, а может и нет. В любом случае, это действует.

— Не знаешь, как можно это выяснить?

— Нет, — ответила она, и ее правая рука поднялась в жесте молчания. — Эти закладки слишком маленькие, сканер их не найдет. — Ее пальцы снова двинулись: подожди. — Да забей на это. Я видела, как ты гладишь тот Сэндай; парень, это была порнография.

Она засмеялась.

— Ну а тебе он что зашил? Как посадил на крючок занятую девушку?

— Профессиональная гордость, малыш, вот и все. — И снова знак молчания. — Давай позавтракаем, а? Яйца, натуральный бекон. Наверное, это тебя убьет — ты слишком долго питался синтетическим крилем в Чибе. Короче, пошли, съездим по трубе в Манхэттэн и устроим себе настоящий завтрак.

Безжизненная неоновая вывеска МЕТРО ГОЛОГРАФИКА, пыльные заглавные буквы из стеклянных трубок. Кейс выковырял волокно бекона, застрявшее между передними зубами. Он устал спрашивать ее, куда они идут и зачем; в ответ он неизменно получал тычки в ребра и знак молчания. Она болтала о моде в этом сезоне, о спорте, о политическом скандале в Калифорнии — Кейс никогда не слышал о нем.

Он оглядел пустынный тупик. Лист новостной распечатки покатился к перекрестку как колесо. Больные ветры в восточном районе; что-то связанное с конвекцией и пересечением куполов. Кейс вгляделся в окно под мертвой вывеской. Ее Муравейник не был его Муравейником, решил он. Она провела его через дюжину баров и клубов,

в которых он никогда не был, там она делала свои дела, часто обходясь простым кивком. Поддержка связей.

Что-то шевельнулось в тени под МЕТРО ГОЛОГРАФИКА.

Дверь была куском рифленого кровельного железа. Руки Молли обозначили перед ней сложную серию жестов, за которой Кейс не мог поспеть. Он уловил знак денег, большой палец потирает кончик указательного. Дверь открылась вовнутрь, и Молли повела Кейса в запах пыли. Они стояли в проходе, плотные скопления мусора возвышались с обеих сторон у стен, уставленных полками с трухлявыми книгами в мягкой обложке. Мусор выглядел так, как будто он вырос здесь, плесень из покореженного металла и пластика. Он мог различить отдельные предметы, но потом они снова сливались с массой: начинка очень древнего телевизора, утыканная стеклянными пеньками вакуумных ламп, треснувшая тарелка антенны, коричневая фибровая коробка, набитая ржавыми обрезками металлических труб. Гигантская куча старых журналов осыпалась на пол, тела прошедших летних сезонов слепо глядели вверх, пока Кейс следовал за Молли по узкому каньону спрессованного хлама. Он услышал, как

дверь за ними закрылась. Он не оглянулся.

Туннель закончился старым армейским одеялом, прибитым над дверным проемом. Белый свет разлился из-под него, когда Молли проскользнула внутрь. Четыре квадратных стены чистого белого пластика, такой же потолок, пол выстлан белой больничной плиткой с нескользким рельефом в виде маленьких выступающих дисков. В центре стояли квадратный, выкрашенный белой краской деревянный стол и четыре белых складных стула.

Человек, который сейчас стоял, моргая, в дверном проеме сзади них, с одеялом на одном плече наподобие плаща, казалось, был спроектирован в аэродинамической трубе. Его уши были очень маленькими, плотно прижатыми к узкому черепу, а большие передние зубы, обнаженные в не совсем улыбке, были сильно скошены назад. Он был одет в древний твидовый пиджак и держал в левой руке какой-то пистолет. Он рассмотрел их, моргнул и бросил пистолет в карман пиджака. Он сделал жест Кейсу, указав на лист белого пластика, прислоненный к стене недалеко от входа. Кейс подошел к нему и увидел, что это многослойная электронная плата, почти в сантиметр толщиной. Он помог человеку поднять ее и

установить в дверном проеме. Быстрые пальцы с никотиновыми пятнами закрепили плату по периметру белой липучкой. Заурчал скрытый вентилятор.

— Время, — сказал человек, выпрямляясь, — и счетчик. Ты знаешь тариф, Молли.

— Нам нужно сканирование, Финн. На имплантанты.

— Ну так встань туда между стойками. На ленту. Выпрямись, так. Теперь повернись, на все триста шестьдесят.

Кейс смотрел, как она поворачивается между двумя хрупко выглядящими стойками, утыканными сенсорами. Человек вынул из кармана маленький монитор и скосился на него.

— Что-то новое в твоей голове, ага. Кремний. Пиролитическое углеродное покрытие. Часы, правильно? Твои стекляшки дают те же показания, что и всегда, низкотемпературный изотропический углерод. Пиролитики лучше сочетаются с биологическими тканями, но это твое дело, верно? С твоими когтями тоже все по-прежнему.

— Иди сюда, Кейс. — Он увидел потертое черное перекрестье на белом полу. — Повернись. Медленно.

— Парень целка.- Человек пожал плечами. — Несколько дешевых зубных пломб, вот и все.

— Ты ищешь биологию? — Молли расстегнула свой зеленый жилет и сняла темные очки.

— Ты думаешь, здесь Майо[21]? Забирайся на стол, пацан, мы отрежем от тебя кусочек на анализ. — Он засмеялся, показав еще больше желтых зубов. — Неа. Слово Финна, поросеночек, у тебя нет ни маленьких жучков, ни мозговых бомб. Ну что, вырубать экранирование?

— Только на то время, пока ты уйдешь, Финн. Потом нам будет нужно экранирование на столько, на сколько мы захотим.

— Эй, Финну это подходит, Молл. Только ты платишь посекундно.

Они запечатали за ним дверь, Молли развернула один стул и уселась на него, положив подбородок на скрещенные руки.

— Теперь поговорим. Здесь настолько безопасно, насколько я могу устроить.

— Поговорим о чем?

— О том, что мы делаем.

— И что мы делаем?

— Работаем на Армитажа.

---

[21] Примечания: 21

Майо (Мауо) — знаменитая семья врачей в США, основавшая клинику Майо.

— И ты говоришь, что это не ради его выгоды?

— Да. Я видела твою характеристику, Кейс. И я также видела список остальных. Ты вообще работаешь с мертвецами?

— Нет. — Он смотрел на свое отражение в ее очках. — Но мне кажется, я смог бы. Если я что-то делаю, я делаю это хорошо.

Глагол в настоящем времени нервировал его.

— Ты знаешь, что Дикси Флэтлайн[22] мертв?

Он кивнул.

— Что-то с сердцем, я слышал.

— Ты будешь работать с его конструктом. — Она улыбнулась. — Он научил тебя делу, да? Он и Куайн. Я знаю Куайна, кстати. Настоящий мудак.

— Кто-то заполучил запись мозга МакКоя Пол-ли? Кто? — Кейс сел и облокотился на стол. — Я не понимаю. Он никогда не сумел бы посидеть спокойно для этого.

— Сенс/Нет. Заплатили ему миллионы, клянусь задницей.

— Куайн тоже умер?

— С ним не так повезло. Сейчас он в Европе и в наше дело не ввяжется.

---

[22] Примечания: 22

Дикси Флэтлайн (анг. букв. "котелок — прямая линия"): возможно, под «котелком» понимается голова, "прямая линия" — электроэнцефалограмма.

— Ладно, если мы получим Флэтлайна, у нас будет открытая дорога. Он был лучшим. Ты знаешь, что его мозг умирал три раза?

Она кивнула.

— Прямая линия на ЭЭГ[23]. Он показывал мне записи. "Блин, я был жмурик."

— Слушай, Кейс, я пыталась разузнать, кто стоит за Армитажем, с самого начала как я подписалась. Но это непохоже на дзайбацу, правительство или якудза. Армитаж получает приказы. Как будто что-то говорит ему поехать в Чибу, найти торчка, завершающего последний оборот своей догорающей жизни, и поменять программу на операцию, которая вылечит его. За продажу этой программы на рынке мы могли бы купить двадцать ковбоев мирового класса. Ты был хорош, но не настолько…

Она почесала свой нос сбоку.

— Явно имеет для кого-то значение, — сказал Кейс. — Для кого-то большого.

— Не хочу тебя огорчать. — Она ухмыльнулась. — Мы собираемся устроить крутой набег, Кейс, просто чтобы захватить конструкт Флэтлайна. Сенс/Нет держит его в библиотечном

---

[23] Примечания: 23

ЭЭГ — электроэнцефалограмма.

хранилище на окраине города. Угорь узкожопый — и тот не проскользнет. Смотри дальше, Кейс. Сенс/Нет хранит все новые материалы осеннего сезона там же. Украсть их — и у нас денег как говна будет. Но нет, мы должны забрать только Флэтлайна и ничего больше. Странно.

— Да все это странно. Ты странная, эта дыра странная, и кто этот маленький странный суслик за дверью?

— С Финном я давно связана. Он в основном скупщик. Программы. Побочно оказывает услуги по обеспечению приватности. Но я знаю, что Армитаж собирается назначить его нашим технарем, поэтому когда он у нас появится, ты его не видел. Усек?

— Так что там Армитаж растворяет внутри тебя?

— Со мной все просто. — Она улыбнулась. — Каждый, кто хорош в своем деле, делает это для себя, верно? Тебе нужно подключаться, а мне нужно драться.

Он пристально посмотрел на нее.

— Теперь расскажи мне, что ты знаешь об Армитаже.

— Для начала, никто по имени Армитаж не участвовал в операции Кричащий Кулак. Я прове-

ряла. Но это мало что значит. Он не похож ни на одну из фотографий ребят, которые спаслись. — Она пожала плечами. — Вот и все, что у меня есть. — Она побарабанила ногтями по спинке стула. — Но ты же ковбой, да? Я имею в виду, ты мог бы поглядеть, что да как. — Она улыбнулась.

— Он убьет меня за это.

— Может быть. А может, и нет. Я думаю, что ты ему нужен, Кейс, и нужен очень сильно. Ну и к тому же, ты вроде умный парень, нет? Ты можешь обойти его, точно.

— Что еще в том списке?

— Игрушки. В основном для тебя. И один конченый психопат по имени Питер Ривьера. Настоящий урод.

— Где он?

— Не знаю. Но он больной уёбок, не шучу. Я видела его характеристику. — Она скривилась. — Отвратительно.

Она встала и по-кошачьи потянулась.

— Ну так у нас будет союз, парень? Мы вместе? Партнеры?

Кейс посмотрел на нее.

— У меня большой выбор, что ли?

Она засмеялась.

— Ты понятливый, ковбой.

"Матрица уходит корнями в примитивные аркадные игры," сказал закадровый голос, "в ранние графических программы и военные эксперименты с мозговыми контактами." Двумерная космическая война на экране «Сони» плавно сменилась лесом математически сгенерированных папоротников, демонстрирующих пространственные возможности логарифмических спиралей, сквозь них проступили холодно-голубоватые военные кадры, подопытные животные подсоединены проводами к испытательным системам, шлемы, подключенные к схемам управления стрельбой в танках и самолетах. "Киберпространство. Упорядоченная чувственная галлюцинация, которую каждый день испытывают миллиарды законных операторов всех наций, дети, обучаемые математическим концепциям… Графическое представление информации, хранимой в каждом компьютере человеческого общества. Немыслимая сложность. Линии света, выстроенные в воображении ума, гроздья и созвездия информации. Как огни большого города, удаляющиеся…"

— Что это было? — спросила Молли, когда он переключил канал.

— Детская передача.

Рваный поток изображений сопровождал пере-

ключения каналов.

— Выключи, — сказал он "Хосаке".

— Хочешь попробовать сейчас, Кейс?

Вторник. Восемь дней после пробуждения в Дешевом Отеле рядом с Молли.

— Хочешь, я выйду, Кейс? Может быть, тебе будет легче одному…

Он покачал головой.

— Нет. Останься, мне все равно.

Он надвинул на лоб черную махровую повязку, старясь не потревожить плоские дерматроды от «Сэндая». Он уставился на деку на своих коленях, но видел не ее, а витрину магазина на Нинсэе, хромированный сюрикен горит отраженным неоном. Кейс взглянул вверх; на стене, прямо над «Сони», он повесил ее подарок, приколов его булавкой с желтой головкой сквозь отверстие в центре.

Закрыл глаза.

Нащупал шероховатую панель выключателя.

И в кроваво-красной тьме за веками серебристые отсветы вскипели на краю поля зрения, гипнотические изображения замелькали мимо него как фильм, собранный из случайных кадров. Символы, фигуры, лица, смазанная, фрагментированная мандала зрительной информации.

Пожалуйста, молил он, сейчас -

Серый диск, цвета неба Чибы.
Сейчас -

Диск начинает вращаться, все быстрее, превращаясь в бледно-серую сферу. Расширяется — и течет, расцветает для него цветком-оригами из жидкого неона, распахивая его дом, который всегда рядом, его страну, прозрачную трехмерную шахматную доску, простирающуюся в бесконечность. Внутреннему глазу открывается алая уступчатая пирамида Ядерного Управления Восточного Побережья, горящая за зелеными кубами "Мицубиси банк оф Америка", и вверху и очень далеко он увидел спиральные ветки вечно недоступных военных систем.

И где-то на белом чердаке он смеялся, далекие пальцы ласкали деку, слезы освобождения текли по лицу.

Когда он снял троды, Молли не было, и весь чердак был темным. Он посмотрел на часы. Он провел в киберпространстве пять часов. Он отнес «Оно-Сэндай» на один из новых рабочих столов и свернулся на матрасе, натянув на голову спальную шапочку Молли из черного шелка.

Охранная система, прикрепленная скотчем на

стальной пожарной двери, дважды пискнула.

— Запрашивается разрешение на вход, — произнесла она. — Субъект имеет допуск в соответствии с моей программой.

— Ну так впусти его. — Кейс сдернул с лица шелк и сел, ожидая увидеть за открывающейся дверью Молли или Армитажа.

— Господи, — сказал хриплый голос, — Я знаю, что эта сука видит в темноте…

Коренастая фигура шагнула внутрь и закрыла дверь.

— Включи свет, ладно?

Кейс сполз с матраса и нащупал старомодный выключатель.

— Я Финн, — сказал Финн, состроив предупреждающую гримасу для Кейса.

— Кейс.

— Рад познакомиться. Я, значит, делаю кое-какое оборудование для твоего босса.

Финн выудил из кармана пачку «Партагаса» и закурил. Запах кубинского табака наполнил комнату. Он подошел к рабочему столу и взглянул на "Оно-Сэндай".

— Похоже, базовый комплект. Скоро доработаем. Но твоя проблема здесь, парень.

Он вынул из-за пазухи конверт из грязной обер-

точной бумаги, стряхнул пепел на пол, и достал из конверта неприметный черный прямоугольник.

— Чертовы фабричные прототипы, — сказал он, бросая штуковину на стол. — Отливают их в блок поликарбона, вскрыть лазером нельзя — начинка изжарится. Саморазрушаются от рентгеновских лучей, ультразвукового сканирования, бог знает чего еще. Мы доберемся до нее, но ведь это только начало, так?

Он тщательно сложил конверт и убрал во внутренний карман.

— Что это такое?

— В сущности, это переключатель состояний. Цепляешь к своему Сэндаю здесь, и имеешь доступ к живым или записанным сессиям симстима, не отключаясь от матрицы.

— Для чего?

— Без малейшего понятия. Знаю, однако, что экипировал Молл трансляционным оборудованием, так что возможно, что это к ее сенсориуму ты будешь иметь доступ. — Финн почесал подбородок. — Так что теперь ты узнаешь, насколько ей тесны джинсы, а?

4

Кейс сидел на чердаке с дерматродами, прикрепленными ко лбу, и наблюдал за мотыльками, танцующими в слабом солнечном свете, что просачивался через решетку наверху. В углу монитора происходил обратный отсчет.

Ковбои не интересовались симстимом, подумал он, потому что это была в сущности игрушка для мяса. Он знал, что его привычные троды и маленькая пластиковая тиара, свисающая с симстим-деки, были в принципе одинаковы, и что киберпространственная матрица была на самом деле сильным упрощением человеческого сенсориума, по крайней мере представления образов, но сам симстим поразил его ничем не обоснованным усилением телесного восприятия. Коммерческие записи редактировались, конечно, так что если у Талли Ишэм вдруг заболит голова посреди эпизода, вы не почувствуете этого.

Пискнул сигнал двухсекундной готовности.

Новый переключатель был присоединен к «Сэндаю» тонким оптоволоконным шлейфом.

И раз и два и -

Киберпространство сомкнулось из четырех точек в реальность. Гладко, подумал он, но не совсем. Продолжим работу…

И он щелкнул новым переключателем.

Грубый бросок в чужую плоть. Матрица исчезла в волне звука и цвета… Молли двигалась по запруженной прохожими улице, мимо ларьков, торгующих уцененными программами, цены написаны маркером на листах пластика, обрывки музыки из бесчисленных динамиков. Запахи мочи, свободных мономеров, парфюмерии, жареного криля. Несколько испуганных секунд он беспомощно боролся за контроль над ее телом. Потом он заставил себя быть пассивным, стал пассажиром за ее глазами.

Не было заметно, что очки хоть как-то приглушают солнечный свет. Он подумал, что встроенные усилители, наверное, автоматически регулируют освещенность. Голубые символы высвечивали время, внизу левого поля ее периферийного зрения.

Красивые навороты, подумал Кейс.

Язык ее тела был дезориентирующим, а стиль — чужим. Она постоянно казалась на грани столкновения с кем-нибудь, но люди сходили с ее пути, расступались в стороны, освобождали

пространство.

— Как дела, Кейс?

Он услышал слова и почувствовал, как она формирует их. Она запустила руку под куртку, кончик пальца обвел сосок под теплым шелком. Это ощущение заставило его задохнуться. Она засмеялась. Но связь была односторонней. Он не имел возможности ответить.

Двумя кварталами позже она вышла в окрестности Мемори Лэйн. Кейс все пытался заставить ее глаза посмотреть на уличные указатели, чтобы определить место. Пассивность его положения начала раздражать его.

Переход в киберпространство, когда он нажал на переключатель, был мгновенным. Он пробился[24] вниз вдоль стены из примитивного льда, принадлежащего Нью-Йоркской общественной библиотеке, автоматически считая потенциальные бреши в защите. И переключился назад в ее сенсориум, в волнообразное движение мускулов, в острые и яркие чувства.

Он поймал себя на том, что думает о разуме, с которым разделяет эти чувства. Что он знал о ней? Что она тоже была профессионалом; она

---

[24] Примечания: 24
имеется в виду набор координат и команд на клавиатуре.

сказала, что занимается своей работой, также как и он, для того чтобы выжить. Он помнил, как она двигалась над ним, раньше, когда проснулась, их взаимный стон единения, когда он вошел в нее, и что она любила черный кофе, после этого…

Ее путь лежал в один из сомнительных комплексов по прокату программ на Мемори Лэйн. Внутри — неподвижный покой. Павильоны тянулись по сторонам центрального зала. Посетители были молодыми, лишь некоторым из них исполнилось больше девятнадцати. Все они, похоже, имели карбоновые розетки, посаженные за левом ухом, но она не обращала на них внимания. На прилавках павильонов выставлялись сотни микробанков, угловатые кусочки цветного кремния установлены под продолговатыми прозрачными пузырями на квадратах белого картона.

Молли прошла к седьмому павильону на южной стороне.

За прилавком парень с бритой головой пусто пялился в пространство, из розетки за его ухом торчало с дюжину шипов микробанков.

— Ларри, ты дома, парень? — Она встала перед ним. Глаза мальчика сфокусировались. Он выпрямился на стуле и грязным ногтем выковырял из разъема ярко-фиолетовую фишку.

— Привет, Ларри.

— Молли. — он кивнул.

— Есть работенка для кое-кого из твоих друзей, Ларри.

Ларри достал из кармана своей красной спортивной куртки плоскую пластиковую коробку, открыл откидную крышку и поместил микробанк рядом с дюжинами таких же. Его рука зависла в раздумье, затем он выбрал блестящий черный чип, который был слегка длиннее других, и плавно вставил его в голову. Его глаза сузились.

— Молли везет пассажира, — сказал он, — и Ларри это не нравится.

— Эй, — сказала она, — Я не знала что ты такой… чувствительный. Впечатлена. Недешево быть таким чувствительным.

— Я вас знаю, леди? — пустой взгляд вернулся. — Вы хотите купить какие-нибудь банки?

— Я ищу Новых.

— У тебя пассажир, Молли. Вот это сообщает. — Он постучал по черной фишке. — Кто-то другой смотрит твоими глазами.

— Мой напарник.

— Скажи своему напарнику, чтобы ушел.

— Есть кое-что для Новых Пантер, Ларри.

— О чем вы говорите, леди?

— Кейс, отрубись, — сказала она, и он нажал на переключатель, мгновенно вернувшись в Матрицу. Призрачный отпечаток торгового комплекса висел еще несколько секунд в роящейся прохладе киберпространства.

— Новые Пантеры, — сказал он «Хосаке», снимая троды. — Пятиминутный конспект.

— Готово, — сказал компьютер.

Это имя не было ему известно. Что-то новое, оно появилось в то время, пока он был в Чибе. Кратковременные увлечения захватывали молодежь Муравейника со скоростью света; целые субкультуры могли вырасти за ночь, процветать дюжину недель и потом бесследно исчезнуть.

— Запускай, — сказал он.

"Хосака" брала данные из множества библиотек, журналов и новостных служб.

Конспект начался с длительного показа стоп-кадра, которую Кейс поначалу принял за какой-то коллаж — лицо мальчика вырезано из другой картинки и наклеено на фотографию измазанной красками стены. Темные глаза, складки кожи на внутренних уголках век — явный результат хирургического вмешательства, воспаленные точки прыщей на бледных узких щеках. «Хосака» сняла режим стоп-кадра, мальчик шел, двигаясь

со зловещей грацией мима, представляющего себя хищником джунглей. Его тело было почти невидимо, он был одной сплошной фигурой с абстрактным рисунком, приблизительно воспроизводящим исписанную каракулями кирпичную кладку, плавно скользящую мимо. Мимикрирующий поликарбон.

Кадр сменяется. Доктор социологии Вирджиния Рамбали, Нью-Йоркский университет, ее имя, факультет и учебное заведение пульсируют на экране розовыми символами.

— Учитывая их склонность к случайным актам гипертрофированного насилия, — сказал кто-то, — нашим зрителям будет трудно понять, почему вы продолжаете настаивать, что этот феномен не является формой терроризма.

Доктор Рамбали улыбнулась.

— Всегда есть стадия, на которой террорист прекращает манипулировать медиа-гештальтом. На этой стадии может возникнуть резкая эскалация насилия, но за ней терроризм становится уже симптоматичным для самого медиа-гештальта. Терроризм в нашем обыденном понимании внутренне связан с СМИ. Новые Пантеры отличаются от других террористов именно своим уровнем самосознания, своим пониманием той степени, в

которой СМИ разделяют террористический акт и первичное социополитическое намерение…

— Пропусти это, — сказал Кейс.

Кейс встретил первого в своей жизни Нового через два дня после просмотра конспекта «Хосаки». Новые, решил он, были современной версией Больших Ученых из его собственных подростковых лет. В Муравейнике словно жила некая призрачная подростковая ДНК, что-то, что переносило кодированные заповеди короткоживущих субкультур и воспроизводило их через случайные интервалы времени. Новые Пантеры были безбашенным вариантом Ученых. Если бы в то время были доступные технологии, Большие Ученые тоже носили бы розетки за ухом, набитые микробанками. Этот был отличительный стиль, и он всегда был одинаков. Новые были наемниками, хулиганистыми шутниками, нигилистическими технофетишистами.

Тот, что появился у чердачной двери с коробкой дискет от Финна, был мягкоголосым парнем по имени Анджело. Его лицо было простой маской, выращенной на коллагене и полисахаридах из акульего хряща, гладкое и отталкивающее. Это был один из мерзейших образцов избирательной хирургии, что доводилось видеть Кейсу. Когда

Анджело улыбнулся, обнажив острые как бритва клыки какого-то большого животного, Кейс наконец почувствовал облегчение. Пересадка корней зубов. Он видел это раньше.

— Не позволь пиздюшатам обогнать тебя на поколение, — сказала Молли.

Кейс кивнул, поглощенный узорами льда Сенс/Нет. Это было оно. Это было то, чем был он, кем был он, его бытие. Он забывал есть. Молли оставляла картонные коробки с рисом и пенопластовые подносы с суси на краю длинного стола. Иногда его раздражала необходимость встать из-за стола и воспользоваться химическим туалетом, который они установили в углу чердака. Узоры льда складывались и раскладывались на экране, пока он зондировал бреши, обходил по краю очевидные ловушки, и создавал маршрут, по которому можно пробраться сквозь защиту Сенс/Нет. Это был хороший лед. Чудесный лед. Его узоры горели там, пока он лежал, обняв Молли за плечи, наблюдая за красным рассветом через стальную решетку потолочного окна. Радужный лабиринт пикселов этого льда был первым, что он видел после пробуждения. Он шел прямо к деке, не позаботившись одеться, и подключался. Он рубил лед. Он работал. Он потерял счет дням.

Иногда он падал в сон, особенно когда Молли отсутствовала в какой-нибудь своей разведывательной вылазке вместе с нанятым кадром из Новых, и вновь наплывали видения Чибы. Лица и неон Нинсэя. Однажды он проснулся от путанного сна о Линде Ли, не в силах вспомнить, кем она была или что она вообще значила для него. Вспомнив, он подключился и работал девять часов подряд.

Взламывание льда Сенс/Нета заняло в общем девять дней.

— Я сказал — неделя, — напомнил Армитаж, в то же время не особенно скрывая свое удовольствие, когда Кейс показал ему план набега. — Ты потратил свое же свободное время.

— Нафиг, — сказал Кейс, улыбаясь экрану. — Это хорошая работа, Армитаж.

— Да, — согласился Армитаж, — Но не зазнавайся. По сравнению с тем, что тебе еще предстоит, это просто аркадная игрушка.

— Любовь тебе, Мать Кошка, — прошептал диспетчер связи Новых Пантер. В гарнитуре Кейса его голос был модулированной статикой.

— Атланта, Выводок. Можно начинать. Начинаем, слышишь? — голос Молли был слегка почище.

— Слушаю и повинуюсь. — Новые использовали некую решетчатую антенну в Нью-Джерси для ретрансляции шифрованного сигнала от спутника Сыновей Христа-Правителя на геостационарной орбите над Манхэттеном. Они решили относиться ко всей операции как к тщательно разработанной частной шутке, и даже их выбор спутников связи был преднамеренным. Сигналы Молли излучались вверх при помощи метровой зонтичной антенны, приклеенной эпоксидкой к крыше стеклянно-черного банковского здания почти той же высоты, что и здание Сенс/Нета.

Атланта. Опознавательный код был прост. Атланта, потом Бостон, потом Чикаго, потом Денвер, новый город каждые пять минут. Если кто-нибудь перехватит сигнал Молли, расшифрует его и синтезирует ее голос, код укажет на это Новым. Если она останется в здании более чем на двадцать минут, то крайне маловероятно, что она вообще выйдет оттуда.

Кейс проглотил остатки кофе, установил на свои места троды, и почесал грудь под черной футболкой. У него было только смутное представление о том, какую диверсию готовили Новые против охраны Сенс/Нета. Его работа состояла в том, чтобы написанная им программа вторже-

ния подключилась к системам Сенс/Нета в тот момент, когда Молли это будет нужно. Он следил за обратным отсчетом в углу экрана.

Два. Один.

Он подключился и запустил свою программу.

— Магистраль, — выдохнул диспетчер, его голос был единственным звуком, когда Кейс нырнул в светящиеся слои льда Сенс/Нета. Хорошо. Проведаем Молли. Он нажал на переключатель симстима и перебросился в ее сенсориум.

Скрэмблер слегка размывал визуальную информацию. Она стояла в огромном белом холле перед стеной из пестреющих золотом зеркал и жевала резинку, явно любуясь собственным отражением. За исключением огромных солнцезащитных очков, закрывающих ее зеркальные вставки, ей удавалось выглядеть так, как будто она принадлежала этому месту, еще одна девушка-туристка с надеждой хоть мельком увидеть Талли Ишэм. На ней был надет розовый пластиковый плащ-дождевик, белый сетчатый топ, свободные белые штаны, обрезанные по прошлогодней токийской моде. Она бесцельно лыбилась и надувала резинку. Кейса пробрал смех. Он чувствовал микропорную ленту вокруг ее грудной клетки, чувствовал маленькие плоские приборчики

под ней: радиопередатчик, модуль симстима и скрамблер. Горловой микрофон, приклеенный к ее шее, выглядел, насколько возможно, как анальгетический дермодиск. Ее руки в карманах плаща систематически разминались сериями напрягающе-расслабляющих упражнений. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что необычные ощущения в кончиках ее пальцев вызывались лезвиями, когда они частично выдвигались и снова втягивались.

Он перебросился назад. Его программа достигла пятого шлюза. Он следил, как ледоруб ворочается впереди него, и почти не чувствовал свои руки, играющие над клавиатурой, делая небольшие исправления. Прозрачные цветовые плоскости перемешались, словно карточная колода. Возьми карту, подумал он, любую карту.

Шлюз расплылся позади него. Он засмеялся. Лед Сенс/Нета принял его вход за рабочую транзакцию из лос-анджелесского комплекса консорциума. Он был внутри. За его спиной вирусные подпрограммы отслаивались и вплетались в ткань кодов шлюза, готовые отразить реальные данные из Лос-Анджелеса, когда они прибудут.

Он перебросился снова. Молли прогуливалась

мимо огромного регистрационного стола в дальней части холла.

Индикатор в ее глазном нерве высвечивал 12:01:20.

В полночь, синхронно с показаниями чипа в глазу Молли, диспетчер в Джерси отдал команду. "Магистраль." Девять Новых, разбросанные на протяжении двух сотен миль по Муравейнику, одновременно набрали MAX EMERG[25] на таксофонах. Каждый Новый произнес короткую речь, повесил трубку и скрылся в ночи, стягивая хирургические перчатки. Девять разных отделений полиции и агенств общественной безопасности переваривали информацию о том, что тайная секта воинствующих христианских фундаменталистов только что взяла на себя ответственность за вброс клинических доз незаконного психоактивного агента, известного как "Голубая девятка", в вентиляционную систему пирамиды Сенс/Нет. "Голубая Девятка", в Калифорнии известная как "Печальный Ангел", вызывала случаи острой паранойи и психоза человекоубийства у восьмидесяти пяти процентов экспериментуемых.

---

[25] Примечания: 25

MAX EMERG (англ. max emergency): неотложное, чрезвычайное происшествие.

Пока программа Кейса пробивалась сквозь шлюзы подсистемы безопасности библиотеки исследований Сенс/Нета, он перебросил выключатель. И нашел себя зашагивающим вместе с ней в лифт.

— Простите, вы являетесь сотрудником? — Охранник поднял брови.

Молли лопнула пузырь.

— Нет, — ответила она, всаживая первые две костяшки правого кулака в солнечное сплетение мужчины. Он согнулся пополам, пытаясь сорвать с пояса рацию, но Молли шарахнула его головой о боковую стенку лифта. Жуя теперь чуть быстрее, она тронула ЗАКРЫТЬ ДВЕРЬ и СТОП на подсвеченной панели. Она вынула черную коробку из кармана своего плаща и вставила кабель в разъем замка, который запирал панель.

Новые Пантеры подождали четыре минуты после своего первого хода и затем впрыснули вторую тщательно приготовленную дозу дезинформации. На этот раз они ударили прямо по внутренней видеосистеме здания Сенс/Нета.

В 12:04:03 каждый экран в здании мигал восемнадцать секунд с частотой, которая вызвала припадки у наиболее восприимчивой части сотрудников Сенс/Нета. Затем что-то лишь смутно

похожее на человеческое лицо заполнило экраны, его черты растянуты поверх несимметричных костей словно в непристойной меркаторской проекции. Искривленная, вытянутая челюсть двигалась, влажно разнимая синие губы. Что-то, возможно рука, наподобие красноватого комка узловатых корней, подползло к камере, затуманилось и исчезло. Воздействующие на подсознание быстрые кадры заражения: чертеж водопроводной системы здания, руки в перчатках возятся с лабораторными колбами, что-то брякается вниз, в темноту, слабый всплеск… Звуковое сопровождение со скоростью чуть меньшей двукратной было сводкой новостей прошлого месяца, описывающих вероятные военные применения субстанции, известной как РЧС, биохимического вещества, управляющего скоростью роста человеческого скелета. Превышение доз РЧС приводило к разгону определенных клеток кости, увеличивая скорость их роста до тысячи процентов.

В 12:05:00 обшитый зеркалами нексус консорциума Сенс/Нет содержал чуть более трех тысяч сотрудников. Спустя пять минут после полуночи, как только послание Новых завершилось белой вспышкой экранов, пирамида Сенс/Нет закричала.

Полдюжины тактических ховеров нью-йоркского полицейского департамента, среагировавшие на вероятность нахождения "Голубой Девятки" в вентиляционной системе здания, сходились вокруг пирамиды Сенс/Нета. Работали все возможные мигалки. Вертолет сил быстрого развертывания БАМА поднимался с площадки на Райкерс.

Кейс стартовал свою вторую программу. Тщательно спроектированный вирус атаковал материю кода, прикрывающую основные команды хранения для полуподвала, в котором содержались исследовательские материалы Сенс/Нета.

— Бостон, — пришел по связи голос Молли, — Я внизу.

Кейс перебросился и увидел голую стену лифта. Она расстегивала молнию на белых штанах. Под ними обнаружился бугристый пакет, в точности цвета ее бледной лодыжки, на которой он был закреплен микропорной лентой. Она опустилась на колени и отклеила ленту. Искры бургунди пробежали по мимикрирующему поликарбону, когда она развернула одеяние Новых. Сняв розовый плащ и бросив рядом со штанами, она принялась натягивать костюм поверх топа из белой сетки.

12:06:26.

Вирус Кейса пробурил окно в командном льде библиотеки. Кейс пробился через это окно и обнаружил бесконечное голубое пространство, которое наполняли правильные ряды цветокодированных сфер, нанизанных на плотную сетку бледно-голубого неона. В не-простанстве матрицы любой конструкт данных изнутри имеет бесконечные субъективные измерения; детский игрушечный калькулятор, если зайти в него через «Сэндай» Кейса, окажется беспредельными пучинами ничего с висящей в них горсткой простейших команд. Кейс начал набирать последовательность, купленную Финном у сараримана из среднего звена, который имел серьезные проблемы с наркотиками. Он начал скользить между сфер, словно по невидимым рельсам.

Здесь. Вот эта.

Пробив свой путь в сферу — холодный свод голубого неона над его головой беззвездный и ровный, как замерзшее стекло — он стартовал подпрограмму, осуществлявшую определенные изменения в ядре команд хранения.

Теперь наружу. Плавный отъезд, вирус заплетает обратно ткань окна.

Готово.

В холле Сенс/Нета двое Новых снимали на ка-

меру панику, затаившись за низкой квадратной кадкой с цветами. Оба носили хамелеоновые костюмы.

— Тактики сейчас напыляют пенопенобаррикады, — заметил один, комментируя запись при помощи своего горлового микрофона. — Рапиды все еще пытаются посадить свою вертушку.

Кейс стукнул по симстим-выключателю. И опрокинулся в агонию сломанной кости. Молли держалась за голую серую стену длинного коридора, дыхание тяжелое и сбивчивое. Кейс моментально вернулся в матрицу, раскаленная добела линия боли таяла в его левом бедре.

— Что происходит, Выводок? — задал он вопрос диспетчеру.

— Не знаю, Резак. Мать не разговаривает. Жди.

Программа Кейса продолжала работу. Одинокая, тонкая как волос нить малинового неона протянулась из центра восстановленного окна к колеблющейся оболочке его ледоруба. У него не было времени ждать. Глубоко вдохнув, он переключился снова.

Молли сделала один шаг, пытаясь перенести вес на стену коридора. У себя на чердаке Кейс застонал. Следующий шаг был над откинутой рукой. Рукав униформы, яркий от свежей крови.

Мелькнуло разбитое стекловолокно шоковой дубинки. Ее зрение, казалось, сузилось до туннеля. После третьего шага Кейс закричал и обнаружил себя снова в Матрице.

— Выводок? Бостон, малыш… — Ее голос сжат болью. Она кашлянула. — Маленькие проблемы с местными. Кажется, один из них сломал мне ногу.

— Что тебе нужно сейчас, Мать Кошка? — голос диспетчера был неразличим, почти потерянным в статике.

Кейс заставил себя переключиться обратно. Она стояла прислонившись к стене, перенеся вес на правую ногу. Покопошившись в содержимом нагрудного кармана костюма, она вытащила лист пластика, усыпанный радугой дермадисков. Она выбрала три и крепко вжала их в левое запястье, поверх вен. Шесть тысяч микрограммов эндорфинового аналога молотом пали на боль, разбивая ее. Ее спина конвульсивно выгнулась. Розовые волны тепла поползли вверх по бедрам. Она вздохнула и медленно расслабилась.

— Всё, Выводок, уже всё. Но мне понадобится команда врачей, когда я выйду. Скажи моим людям. Резак, я в двух минутах от цели. Можешь притормозить?

— Передай ей, что я внутри и жду — сказал Кейс.

Молли заковыляла по коридору. Когда она обернулась назад, Кейс увидел скорченные тела трех охранников Сенс/Нета. Один из них, кажется, лишился глаз.

— Тактики и рапиды запечатали первый этаж, Мать Кошка. Пенобаррикады. В холле становится жарко.

— Да здесь везде жарко, — ответила она, чуть ли не падая между парой серо-стальных дверей. — Почти на месте, Резак.

Кейс перебросился в матрицу и стянул троды со лба. Пот лил с него ручьями. Он вытел лоб полотенцем, глотнул воды из велосипедной бутылочки рядом с «Хосакой», и посмотрел на карту библиотеки на экране. Мигающий красный курсор полз через очертания дверей. Всего лишь миллиметры отделяли его от зеленой точки, которая обозначала местонахождение конструкта Дикси Флэтлайна. Он подумал о том, что приходится выносить ее ноге, чтобы ходить вот так. При достаточном количестве эндорфиновых аналогов, она могла бы расхаживать и на паре кровавых обрубков. Он затянул нейлоновый ремень, удерживающий его на стуле, и вернул на

место троды.

Уже ставшая рутинной последовательность: троды, подключиться и перебросится.

Исследовательская библиотека Сенс/Нета была мертвым хранилищем; материалы, хранимые здесь, подлежали физическому уничтожению до того, как кто-то смог бы их увидеть. Молли шла, прихрамывая, между рядами одинаковых серых ячеек.

— Передай ей, еще пять вперед и десять влево, Выводок, — сказал Кейс.

— Пять вперед и десять влево, Мать Кошка, — сказал диспетчер.

Она повернула влево. Побледневшая библиотекарша сжалась в страхе между двумя ячейками, с мокрыми щеками и пустыми глазами. Молли не обратила на нее внимания.

Кейс подивился, что Новые должны были устроить для создания такой степени ужаса. Он знал, что это было связано с какой-то выдуманной угрозой, но он был слишком занят своим льдом, чтобы слушать объяснения Молли.

— Вот оно, — сказал Кейс, но она уже и так остановилась перед ячейкой, где хранился конструкт. Ячейка напомнила Кейсу о нео-ацтекских книжных полках в приемной Джулиуса Диана в Чибе.

— Давай, Резак, — сказала Молли.

Кейс перебросился в киберпространство и послал команду вниз по пульсирующей малиновой ниточке, пронзающей лед библиотеки. Пять разных охранных систем были убеждены в том, что они еще работают. Три сложных замка были отключены, но считали себя все еще запертыми. Центральный банк данных библиотеки потерпел легкий сдвиг в своей постоянной памяти: теперь конструкт считался изъятым, по служебному запросу, месяц тому назад. Проверяя допуск на изъятие конструкта, библиотекарь обнаружил бы записи о нем стертыми.

Дверца растворилась на бесшумных петлях.

— 0467839, — сказал Кейс, и Молли вынула черный модуль из стойки. Он напоминал магазин большой штурмовой винтовки, его поверхности были покрыты значками предупреждений и грифами секретности.

Молли закрыла дверцу ячейки; Кейс перебросился.

Он выдернул нить из библиотечного льда. Она втянулась в его программу, автоматически переключая систему на полный реверс. Шлюз Сенс/Нета захлопнулся за ним, как только он выбрался наружу, подпрограммы свивались назад в ядро

ледоруба, по мере того как он проходил удерживаемые ими шлюзы.

— Я вышел, Выводок, — сказал он и обвис на своем стуле. После накала реального набега он мог оставаться подключенным, но уже чувствовать свое тело. Сенс/Нету потребуется несколько дней, чтобы обнаружить пропажу конструкта. Ключом может послужить отклонение лос-анджелесской транзакции, что слишком точно совпало с террористическим актом Новых. Он сомневался, что трое охранников, встреченных Молли в коридоре, смогут выжить и рассказать. Он перебросился.

Лифт, с черным ящиком Молли, прилепленным к контрольной панели, ждал ее на том же месте. Охранник все еще лежал свернувшись на полу. Кейс только сейчас заметил дерм на его шее. Что-то из запасов Молли, чтобы крепче спалось. Она переступила через тело, отсоединила черный ящик и нажала ХОЛЛ. Двери лифта разошлись с легким шипением, и тут же из толпы в холле в лифт попятилась и упала женщина, ударившись головой о заднюю стенку. Молли проигнорировала ее, отклеивая дерм с шеи охранника. Затем она ногой вышвырнула белые штаны и розовый дождевик за двери, бросила им вслед черные оч-

ки, и спустила на лоб капюшон своего костюма. Конструкт в нагрудном кармане костюма ударялся ей в грудь при ходьбе. Она вышла.

Кейсу доводилось видеть панику, но не в закрытом пространстве. Работники Сенс/Нета сыпались из лифтов, осаждали двери на выходе, но их встречали только пенобаррикады тактиков и оглушающие выстрелы рапидов БАМА.

Два агентства, убежденные в том, что они сдерживают орду потенциальных убийц, взаимодействовали с нехарактерной для них степенью согласованности. За разбитыми остовами выходных дверей тела громоздились на баррикадах в три слоя. Гулкое уханье подавляющих ружей было постоянным фоном для криков толпы, которая накатывалась и откатывалась по мраморному полу холла. Кейс никогда не слышал ничего похожего на этот звук.

Очевидно, что и Молли тоже.

— Господи, — сказала она, и замешкалась.

Звук был похож на рыдание, плач, достигающий захлебывающегося вопля боли и беспредельного страха. Пол холла был покрыт телами, одеждой, кровью и длинными желтыми свитками истоптанных распечаток.

— Давай, сестра. Нам на выход.

Глаза двух Новых смотрели из бешено кружащихся оттенков поликарбона, их костюмы не поспевали за путаницей форм и цветов, бушевавших за ними.

— Ранили? Пошли. Томми тебя поддержит. — Томи передал что-то говорившему, видеокамеру, завернутую в поликарбон.

— Чикаго, — сказала она, — Я возвращаюсь.

И потом она падала, не на мраморный пол, скользкий от крови и рвоты, а в какой-то теплый как кровь колодец, в тишину и тьму.

Вожак Новых Пантер, представившийся как Тот Парень Люпус[26], носил поликарбоновый костюм с возможностью записи, позволявший воспроизводить фон по желанию. Примостившийся на краю стола Кейса наподобие искусно сделанной горгульи, он наблюдал за Кейсом и Армитажем полуприкрытыми глазами. Он улыбался. Его прическа была розового цвета. Радужный лес микробанков щетинился за его левым ухом; ухо было заостренным и поросшим розовой шерстью. Его зрачки были модифицированы, чтобы отражать свет наподобие кошачьих глаз. Кейс следил, как костюм ползуче меняет цвет и текстуру.

---

[26] Примечания: 26
Люпус (лат. lupus): волчанка, заболевание кожи.

— Ты дал этому выйти из-под контроля, — сказал Армитаж. Он стоял в центре чердака наподобие статуи, запахнув темные блестящие поля дорогого плаща.

— Хаос, мистер Кто-то. — сказал Тот Парень Люпус. — Это наш стиль и наш способ. Это наш коронный удар. Ваша женщина знает. Мы работаем с ней. Не с вами, мистер Кто-то. — Его плащ приобрел странный угловатый узор, бежевый с бледным авокадо. — Ей нужна была команда врачей. Она с ними. Мы позаботимся о ней. Так что все в порядке.

Он снова улыбнулся.

— Заплати ему, — сказал Кейс.

Армитаж злобно посмотрел на него.

— Мы не получили товар.

— Он у вашей женщины, — сказал Тот Парень.

— Заплати ему.

Армитаж нехотя подошел к столу и вынул три толстых связки новых йен из карманов плаща.

— Хочешь пересчитать? — спросил он у Того Парня.

— Нет, — ответил Новый. — Ты заплатишь. Ты мистер Кто-то. И ты платишь за то, чтобы остаться им, а не мистером Имя.

— Надеюсь, это не угроза, — сказал Армитаж.

— Это бизнес, — ответил Тот Парень, запихивая деньги в единственный карман спереди своего костюма.

Зазвонил телефон. Кейс поднял трубку.

— Молли, — сказал он Армитажу, передавая ему телефон.

Геодезики Муравейника светились предрассветной серостью, когда Кейс вышел из здания. Его члены окоченели и как будто отвалились. Он не мог спать. Его уже тошнило от чердака. Люпус ушел, затем Армитаж, а Молли была где-то на операции. Мимо промчался поезд, отдавая вибрацией в подошвы. Вдали прозвучали гудки, растягиваясь под влиянием допплер-эффекта.

Он шел, сворачивая куда попало, с поднятым воротником, ссутулившись в новой кожаной куртке, выбрасывая окурки «Ехэюань» в канавы и снова закуривая. Он пытался вообразить подсаженные Армитажем капсулы с токсином, растворяющиеся в его крови, микроскопические мембраны становятся все тоньше, пока он идет. Это казалось нереальным. Таким же нереальным, как и страх и агония, что он видел глазами Молли в холле Сенс/Нета. Он обнаружил, что пытается вспомнить лица трех убитых им в Чибе людей. Мужчины были пустотой; женщина напомнила

ему Линду Ли. Потрепанный трицикл-грузовичок с зеркальными окнами проехал, подпрыгивая, мимо него, пустые пластиковые цилиндры грохотали в кузове.

— Кейс.

Он бросился в сторону, инстинктивно повернувшись спиной к стене.

— Сообщение для тебя, Кейс. — Костюм Того Парня Люпуса циклически менял чистые основные цвета. — Пардон. Не хотел тебя пугать.

Кейс выпрямился, держа руки в карманах куртки. Он был на голову выше Нового.

— Тебе надо быть поосторожней, Тот Парень.

— Вот сообщение. Зимнее безмолвие.

Он произнес это, выговаривая каждую букву.

— От тебя? — Кейс шагнул назад.

— Нет, — ответил Тот Парень. — Для тебя.

— От кого?

— Зимнее безмолвие, — повторил Тот Парень, кивая, покачивая своим хохолком розовых волос.

Его костюм стал матово-черным, угольная тень на старом бетоне. Он исполнил странный короткий танец, вскружив тонкими черными руками, и исчез. Нет. Еще здесь. С поднятым капюшоном, укрывающим розовые волосы, его костюм имел

в точности нужный серый оттенок, с такими же пятнышками и подтеками, что и тротуар, на котором стоял Новый. Глаза моргнули красным отсветом стоп-сигнала. И затем он исчез по-настоящему.

Кейс закрыл глаза и помассировал их окоченевшими пальцами, привалившись спиной к облезлой кирпичной кладке.

На Нинсэе все было гораздо проще.

5

Медицинская команда, которую наняла Молли, занимала два этажа безымянного кондо недалеко от старого центра Балтимора. Здание было модульным, словно гигантская версия "Дешевого Отеля" с сорокаметровыми саркофагами. Кейс встретил Молли на выходе из одного модуля с тщательно сработанной табличкой ДЖЕРАЛЬД ЧИН, ДАНТИСТ. Она хромала.

— Он сказал, если я пну что-нибудь, она отвалится.

— Я встретил одного из твоих дружков, — сказал он, — Нового.

— Да? И кого?

— Того Парня Люпуса. Получил сообщение. — Он передал ей бумажную салфетку с аккуратно выведенными красным маркером буквами З И М Н Е Е Б Е З М О Л В И Е.

— Он сказал-

Но ее рука поднялась в жесте молчания.

— Давай отведаем крабов, — сказала она.

После ланча в Балтиморе (Молли разделывала своего краба с настораживающией легкостью)

они отправились подземкой в Нью-Йорк. Кейс научился не задавать вопросов; в ответ он получал только знаки молчания. Ее нога скорее всего беспокоила ее, и она редко говорила. Худая негритянка с деревянными бусами и древними резисторами, плотно вплетенными в волосы, открыла дверь Финна и повела их по тоннелю с мусором. Кейсу показалось, что кучи несколько подросли за время его отсутствия. Или скорее слегка изменились, спеклись под давлением времени, молчаливые невидимые чешуйки опадают, формируя как бы слой прелой листвы, прозрачную эссенцию выброшенной технологии, скрытно цветущей на мусорках Муравейника.

За армейским одеялом их ожидал Финн у белого стола. Молли начала подавать быстрые знаки, достала клочок бумажки, написала что-то на нем и передала Финну. Он взял бумажку двумя пальцами, держа на расстоянии от себя, как будто она могла взорваться. Он сделал знак, которого Кейс не знал, выражающий смесь нетерпеливости и мрачной покорности. Он встал, стряхнув крошки со своего поношенного твидового пиджака. Стеклянная банка с маринованной сельдью стояла на столе рядом с разорванным пластиковым пакетом плоских хлебцев и оловянной пепельницей,

наполненной окурками "Партагаса".

— Подождите, — сказал Финн и вышел из комнаты.

Молли уселась на его место, выдвинула из указательного пальца лезвие и насадила на него сероватый пласт сельди. Кейс бесцельно бродил по комнате, по пути трогая пальцами сканирующие устройства на стойках.

Через десять минут Финн вернулся в спешке, скаля зубы в широкой желтой улыбке. Он кивнул, салютовал Молли поднятым вверх большим пальцем, и поманил Кейса, чтобы тот помог ему с дверной панелью.

Пока Кейс разглаживал кайму-липучку, Финн достал маленькую плоскую консоль из кармана и набил замысловатую последовательность.

— Дорогуша, — сказал он Молли, заталкивая консоль обратно, — Ты напала на след. Без фуфла, я чую это. Ты мне не хочешь рассказать, откуда ты это взяла?

— Тот парень, — сказала Молли, отодвигая сельдь и хлебцы. — Я провернула дело с Ларри, на стороне.

— Ловко, — сказал Финн. — Это ИИ.

— Чуть помедленней, — попросил Кейс.

— Берн, — сказал Финн, не обращая на него

внимания. — Берн. Он имеет ограниченное швейцарское гражданство по эквиваленту их Акта 53-го. Построен для Тесье-Эшпул С.А. Им принадлежит вычислительная система и оригинальные программы.

— Да что там в Берне, в конце концов? — Кейс не выдержал и встал между ними.

— Зимнее Безмолвие — опознавательный код для ИИ. У меня есть регистрационные номера Тьюринга. Искусственный интеллект.

— Это все отлично, — сказала Молли, — но каким боком это нас цепляет?

— Если Тот Парень прав, — сказал Финн, — то за Армитажем стоит ИИ.

— Я заплатила Новым, чтобы они разнюхали что-нибудь об Армитаже, — объяснила Молли, поворачиваясь к Кейсу. — У них очень своеобразные каналы связи. Сделка была такая — они получат деньги, если ответят на вопрос: кто направляет Армитажа?

— И ты думаешь, этот ИИ? Этим штукам не позволена никакая автономия. Должно быть, это родительская корпорация, этот Тессле…

— Тессье-Эшпул С.А., — сказал Финн. — И у меня для вас припасена маленькая история о них. Хотите послушать? — Он сел и наклонился вперед.

— Финн, — сказала Молли. — Охоч до историй.

— Эту я еще никому не рассказывал, — начал Финн.

Финн был скупщиком, торговцем краденым товаром, в основном программами. По ходу своего бизнеса он иногда вступал в контакт с другими скупщиками, среди которых находились и те, кто занимались более традиционными предметами торговли. Драгоценными металлами, марками, редкими монетами, камнями, украшениями, мехами, картинами и другими произведениями искусства. История, которую он рассказал Кейсу и Молли, началась с истории другого человека, которого он называл Смит.

Смит тоже был скупщиком краденого, но в более спокойные времена он всплывал на поверхность и как торговец предметами искусства. Он был первым на памяти Финна, кто "ударился в кремний" — фраза прозвучала несколько старомодно для Кейса — и приобретаемые им микробанки содержали программы по истории искусства и таблицы галерейных распродаж. С полудюжиной чипов в своем новом гнезде Смит приобрел внушительное знание арт-бизнеса, по крайней мере по стандартам его коллег. Но как-то раз Смит пришел к Финну с просьбой о

помощи, с личной просьбой, как бизнесмен к бизнесмену. Ему нужно было достать досье на клан Тессье-Эшпулов, сказал он, причем так, чтобы гарантировать невозможность отслеживания источника запроса. Это можно устроить, уклончиво ответил Финн, но безусловно требовались объяснения.

— Это пахло, — сказал Финн Кейсу, — пахло деньгами. И Смит вел себя очень осторожно. Почти что слишком осторожно.

Смит, как оказалось, имел поставщика, известного как Джимми. Джимми был взломщиком и не только, и недавно вернулся после года, проведенного на высокой орбите, и вместе с ним по гравитационному колодцу спустились несколько вещичек. Самой необычной из них, добытых Джимми за время путешествия по архипелагу, была голова, затейливо изготовленный бюст, перегородчатая эмаль на платине, инкрустированная мелким неровным жемчугом и ляписом. Смит со вздохом отложил свой карманный микроскоп и посоветовал Джимми переплавить вещь. Она была современной, не антикварной, и не имела ценности для коллекционера. Джимми засмеялся. Он сказал, что вещь была компьютерным терминалом. Она могла разговаривать. И не

синтезированным голосом, а с помощью прекрасной конструкции из шестеренок и миниатюрных органных труб. Для того, кто сконструировал ее, это было причудой, извращением, потому что чипы голосовых синтезаторов почти ничего не стоили. Это было любопытно. Смит подключил голову к своему компьютеру и слушал, как мелодичный, нечеловеческий голос певуче зачитывал цифры прошлогодней налоговой декларации.

Клиентура Смита включала токийского миллиардера, чья страсть к механическим автоматам приближалась к фетишизму. Смит пожал плечами, разводя перед Джимми руками в жесте, старом как ломбарды. Он мог бы попробовать, сказал он, но сомневался, что может много выручить за это.

Когда Джимми ушел, оставив голову, Смит тщательно изучил ее и отыскал определенные клейма. Неожиданно он смог проследить несвойственное сотрудничество двух цюрихских мастеровых, специалиста по эмали из Парижа, датского ювелира и калифорнийского проектировщика чипов. Заказывал все это, как он открыл, Тессье-Эшпул С.А.

Смит начал обхаживать токийского коллекционера, намекая, что напал на след чего-то

примечательного.

И потом у него появился посетитель, непредставленный посетитель, который прошел через сложный лабиринт систем безопасности Смита так, как будто их не существовало. Маленький человек, японец, невероятно вежливый, который имел все признаки искусственно выращенного убийцы-ниндзя.

Смит сидел очень тихо, глядя в спокойные карие глаза смерти по ту сторону полированного стола из вьетнамского розового дерева. Мягко, почти извиняясь, клонированный киллер объяснил, что его обязанностью было найти и вернуть определенное произведение искусства, механизм большой красоты, который был украден из дома его хозяина. До его внимания дошло, сказал ниндзя, что Смит мог знать о местонахождении этого предмета.

Смит сказал человеку, что не имеет желания умирать, и показал голову. И сколько, спросил его посетитель, вы ожидали получить от продажи этого предмета? Смит назвал цену гораздо ниже той, что собирался назначить. Ниндзя достал кредитный чип и перевел Смиту названную сумму с номерного швейцарского счета. И кто, спросил человек, принес вам это устройство? Смит рас-

сказал ему. Через несколько дней Смит узнал о смерти Джимми.

— С этого момента начинается мое участие, — продолжил Финн. — Смит знал, что я имел много дел с толпой с Мемори Лэйн, и как раз туда надо обращаться за тихим разбирательством, которое нельзя будет отследить. Я нанял ковбоя. Я был в деле, поэтому брал проценты. Смит был очень осторожен. Он попал в весьма странную заваруху, он выбрался из нее с наваром, но это ни о чем не говорило. Кто платил с этого швейцарского загашника? Якудза? Никогда. У них очень строгий кодекс, покрывающий подобные ситуации, и помимо вора они также убивают скупщика, всегда. Может быть, наркота? Смит так не считал. Наркобиз имеет определенные волны, которые доходят до тебя и ты улавливаешь, чем пахнет. Короче, я заставил своего ковбоя перетрясти архивы новостей, и мы нашли Тессье-Эшпула на судебном процессе. Дело было пустым, но мы вышли на юридическую контору. Потом мы пробили их лед и получили фамильный адрес. И он нас очень удивил.

Кейс поднял брови.

— Фрисайд, — сказал Финн. — Веретено. Оказалось, что они владеют почти что всей этой

хренью. Интересная картина получилась, когда ковбой собрал данные со всех архивов и скомпилировал отчет. Семейная организация. Корпоративная структура. Предположительно можно было приобрести акции С.А., но Тессье-Эшпулы не торговали своими пакетами на открытых рынках более ста лет. Ни на каких рынках, насколько мне известно. Вы наблюдаете очень тихую, очень эксцентричную высокоорбитальную семью первого поколения, которая живет наподобие корпорации. Большие деньги, в стороне от прессы. Много клонирования. Орбитальные законы гораздо мягче относятся к генетической инженерии, правильно? И трудно отследить, какое поколение, или комбинация поколений, заправляет делами в данное время.

— Как же это? — спросила Молли.

— У них собственные криогенные установки. Даже по орбитальным законам, ты считаешься мертвым на время заморозки. Похоже, что они отошли от дел, так как никто не видел отца-основателя в течение примерно тридцати лет. Мамаша-основательница погибла в каком-то лабораторном происшествии…

— И что же случилось с твоим скупщиком?

— Ничего. — Финн нахмурился. — Мы бросили

это дело. Только глянули на тот фантастический клубок силы, которым владел адвокат Т-А, и все. Должно быть, Джимми пробрался в Блуждающий Огонек, приделал голове ноги, и Тессье-Эшпулы послали за ним ниндзя. Смит решил забыть об этом. Наверное, он был умен.

Он посмотрел на Молли.

— Вилла Блуждающий Огонек. На острие веретена. Охраняемое частное владение.

— Ты решил, что ниндзя принадлежал им, Финн? — спросила Молли.

— Смит так думал.

— Дорого, — сказала она. — Интересно, что потом случилось с этим маленьким ниндзя, Финн?

— Наверно, заморозили. Растопят, когда потребуется.

— Хорошо, — сказал Кейс, — у нас есть Армитаж, которого содержит ИИ, называемый Зимнее Безмолвие. И при чем тут мы?

— Пока еще ни при чем, — сказала Молли, — но теперь у тебя появилась маленькая шабашка.

Она вынула из кармана сложенную бумажку и передала Кейсу. Он раскрыл ее. Координаты сетки и коды доступа.

— Кто это?

— Армитаж. Одна из его баз данных. Купила у

Новых. Сделка на стороне. Где это?

— Лондон, — сказал Кейс.

— Сломай ее. — Она засмеялась. — Заработай себе чаевые.

Кейс ждал электричку транс-БАМА на переполненной платформе. Молли вернулась на чердак несколько часов назад с конструктом Флэтлайна в своей зеленой сумке, и Кейс с тех пор непрерывно пил.

Ему тревожно было думать о Флэтлайне как о конструкте, кассете жестко прошитой памяти, воспроизводящей способности, наваждения, коленные рефлексы мертвого человека… Электричка с гулом прибыла по черной индукционной полосе, тонкая пыль посыпалась из трещин в потолке туннеля. Кейс втиснулся в ближайшую дверь и стал наблюдать за другими пассажирами, чтобы скоротать путь. Двое Христианских Ученых с хищной внешностью теснились возле трех молодых офисных секретарш, которые носили на запястьях идеализированные голографические вагины, влажный розовый блеск в неровном освещении вагона. Секретарши нервно облизывали безупречные губы и косились на Христианских Ученых из-под приспущенных век с металлическим блеском. Девушки выглядели

как высокие, экзотические травоядные животные, грациозно и бессознательно раскачиваясь вместе с движением поезда, их высокие каблуки как полированные копыта на сером металле пола. Кейс доехал до своей станции, так и не дождавшись, когда они обратятся в бегство от миссионеров.

Он вышел, и ему на глаза попалась голографическая сигара на фоне стены станции, ФРИСАЙД пульсировало под ней искривленными буквами, стилизованными под печатные японские иероглифы. Он прошел через толпу и остановился под рекламой, изучая ее. ЗАЧЕМ ЖДАТЬ? — пульсировал знак. Затупленное белое веретено, окруженное и утыканное решетками и радиаторами, доками, куполами. Он уже встречал такую рекламу, или наподобие ее, тысячи раз. Она ему никогда не нравилась. Со своей декой он мог дотянуться до банков Фрисайда так же легко, как до Атланты. Путешествия были перемещением мяса. Но сейчас он заметил маленький значок, размером с мелкую монетку, вытканный в левом нижнем углу светового полотна: Т-А.

Он пошел на чердак, погрузившись в воспоминания о Флэтлайне.

Он провел большую часть своего девятнадцато-

го лета в "Джентльмене-Неудачнике", потягивая дорогое пиво и наблюдая за ковбоями. Он никогда не притрагивался к деке, но уже знал, чего он хочет. В то лето были еще по крайней мере двадцать подающих надежды кандидатов, толпящихся в «Неудачнике», каждый был на побегушках у какого-нибудь ковбоя. Других путей научиться ремеслу не было.

Все они слышали про Поли, жокея-деревенщину с обочины Атланты, кто пережил смерть мозга за черным льдом. Слухов о нем ходило очень мало — на уровне уличной болтовни, и они мало что могли рассказать о Поли, кроме того что он совершил невозможное. "Это было что-то большое," поведал Кейсу за кружку пива один из мечтателей, "но кто знает, что? Я слышал, может быть это бразильский фонд зарплаты. Ну по-любому, мужик был мертвым, выпал в плоскость, смерть мозга." Кейс смотрел сквозь толпу бара на кряжистого мужика в рубашке с длинными рукавами, что-то свинцовое было в оттенке его кожи.

"Пацан," скажет ему потом Флэтлайн, месяцы спустя в Майами, "Я как те ебаные ящеры, сечешь? У них по два, бля, мозга, один в башке и один в хвосте, двигает ихними ногами, которые из жопы растут. Стукнулся в эту черную штуку,

только задний мозжара и выдюжил."

Ковбойская элита в «Неудачнике» сторонилась Поли и относилась к нему как-то настороженно, почти подозрительно. МакКой Поли, Лазарь киберпространства…

И его сердце в конце концов сдало. Его русское сердце, имплантированное в лагере военнопленных во время войны. Он отказался от его замены, объяснив, что ему нужно было это особенное биение для сохранения чувства времени. Кейс ощупал пальцами бумажку, которую Молли дала ему, и поднялся по лестнице.

Молли посапывала на темперлоне. Прозрачная шина пролегала по ее ноге от колена и не доставая нескольких миллиметров до промежности, кожа под жесткой микропоркой испятнана синяками черного цвета, переходящего в грязно-желтый. Восемь дермов, каждый своего размера и цвета, ровной линией угнездились на левом запястье. Трансдермальный модуль «Акаи» лежал рядом, его тонкие красные провода уходили к тродам под шиной.

Он включил лампу рядом с «Хосакой». Четкий круг света упал прямо на конструкт Флэтлайна. Он вставил модуль с кое-каким льдом, присоединил конструкт, и подключился.

Это было в точности такое же ощущение, как будто кто-то читает через твое плечо.

Он кашлянул.

— Дикс? МакКой? Это ты, мужик? — Его горло пересохло.

— Эй, братан, — сказал голос из ниоткуда.

— Это Кейс, мужик. Помнишь?

— Майами, подмастерье, быстро учился.

— Что ты помнишь последним, перед тем как я заговорил с тобой, Дикс?

— Ниче.

— Погоди. — Он отсоединил конструкт. Присутствие кого-то исчезло. Он снова подсоединил конструкт.

— Дикс? Кто я такой?

— Ты меня подвесил, Джек. Ну и кто ты, блядь, такой?

— Кей… твой друган. Напарник. Как дела, мужик?

— Хороший вопрос.

— Помнишь себя здесь, секунду назад?

— Нет.

— Знаешь, как работает слепок личности, зашитый в память?

— Конечно, братан, это аппаратный конструкт.

— Так если я его подключу к своему банку,

то я могу дать ему связную память, в реальном времени?

— Вроде так, — ответил конструкт.

— Окей, Дикс. Ты — конструкт. Понял меня?

— Ну раз ты так говоришь, — сказал конструкт. — Кто ты?

— Кейс.

— Майами, — сказал голос, — подмастерье, быстро учился.

— Точно. И для начала, Дикс, ты и я, мы прошвырнемся в лондонскую сетку и нароем немного данных. Ты в игре?

— Хочешь сказать, у меня есть выбор, пацан?

6

— Хочешь попасть в рай, — посоветовал ему Флэтлайн, когда Кейс объяснил ситуацию, — загляни в Копенгаген, на границы университетской секции.

Голос диктовал ему координаты, пока он набивал их.

Они нашли свой рай, "пиратский рай", на взлохмаченной границе низкозащищенной академической подсети. При первом взгляде это напоминало граффити, которые студенты-операторы иногда оставляют на пересечениях линий решетки, призрачные каракули цветного света, которые мерцали на запутанных границах дюжины искусствоведческих факультетов.

— Там, — сказал Флэтлайн, — который голубой. Различаешь? Это код доступа для "Белл Европа". Свежак. «Белл» скоро заявится сюда и прочтет все послания, и поменяет все коды, которые здесь засветились. Детишки стянут новые завтра.

Кейс набил последовательность входа в "Белл Европа" и переключился в режим стандартного телефонного кода. С помощью Флэтлайна он подсоединился к лондонской базе данных, которая,

по словам Молли, принадлежала Армитажу.

— Здесь, — сказал голос, — Я сделаю это для тебя.

Флэтлайн начал зачитывать серии цифр, Кейс набирал их на деке, пытаясь поймать паузы, которые конструкт использовал для индикации периодов времени. Это получилось с третьей попытки.

— Делов-то, — сказал Флэтлайн. — Вообще никакого льда.

— Просканируй это говно, — сказал Кейс «Хосаке». — Фильтруй данные биографии владельца.

Нейроэлектронные каракули рая исчезли, сменившись простым ромбом белого света.

— В базе содержатся в основном видеозаписи послевоенных трибуналов, — сказал далекий голос «Хосаки». — Центральный персонаж — полковник Уиллис Корто.

— Показывай уже, — сказал Кейс.

Лицо человека заполнило экран. Глаза его были глазами Армитажа.

Двумя часами позже Кейс упал возле Молли на матрац и дал темперлону принять форму своего тела.

— Нашел что-нибудь? — спросила она, ее голос был слабым от сна и лекарств.

— Потом расскажу, — ответил он, — мне сейчас хреново.

Его мучили похмелье и растерянность. Он лежал так, с закрытыми глазами, и пытался расставить по местам разные части истории о человеке по имени Корто. «Хосака» отсортировала небольшое хранилище данных и составила отчет, но он был полон пробелов. Некоторые материалы были текстовыми, они прокручивались по экрану слишком быстро, и Кейс попросил компьютер зачитать их для него. Другие отрывки были аудиозаписями слушаний по операции "Кричащий кулак". Уиллис Корто, полковник, прорвался через слепое пятно русской обороны над Киренском. Шаттлы создали дыру импульсными бомбами, и команда Корто была сброшена на сверхлегких самолетах "Ночное крыло", их крылья распахивались в лунном свете, отражаясь в серебряных лоскутах рек Ангара и Подкаменная, и это был последний свет для Корто на следующие пятнадцать месяцев.

Кейс попытался представить, как самолетики сыплются, словно лепестки цветков, из своих стартовых капсул, высоко над замерзшей сте-

пью[27].

— И они, конечно, подставили тебя, босс, — сказал Кейс, и Молли заворочалась рядом с ним.

С авиеток было демонтировано все вооружение, чтобы компенсировать вес оператора, прототипа деки и модуля с вирусной программой под названием «Крот-IX» — первого истинного вируса в истории кибернетики. Корто и его команда готовились к этому штурму три года. Они уже пробили лед, готовые ввести «Крот-IX», и тут заработали ЭМП. Русские импульсные пушки швырнули жокеев в электронный мрак; "Ночные крылья" потерпели системные сбои, вся полетная электроника выгорела начисто.

Затем включились лазеры, наводясь по инфракрасному излучению, выбивая хрупкие, прозрачные для радаров штурмовые самолетики, и Корто с его мертвым консольщиком упал с сибирского неба. Упал и продолжал падать…

На этом месте история имела пробелы, там, где Кейс просматривал документы, касающиеся перелета угнанного русского боевого вертолета, которому удалось добраться до Финляндии. Чтобы быть изрешеченным, сразу после посадки в

[27] Примечания: 27

здесь автор употребил слово «steppe», являющееся калькой с русского слова "степь".

еловой роще, огнем старинного двадцатимиллиметрового орудия, управляемого расчетом поднятых по утренней тревоге резервистов. "Кричащий кулак" закончился для Корто на окраинах Хельсинки, когда финские санитары выпиливали его из покореженного нутра вертолета. Война окончилась девятью днями позже, и Корто был отправлен в военный госпиталь в Юте, слепой, безногий и потерявший почти всю челюсть. Советнику из конгресса потребовалось одиннадцать месяцев, чтобы найти его там. Он слушал, как осушаются капельницы. В Вашингтоне и Маклине публичные суды были уже завершены. Пентагон и ЦРУ были «балканизированы», частично расформированы, и расследования конгресса направились на "Кричащий Кулак". Все созрело для уотергейта, советник сказал Корто.

Ему нужны были глаза, ноги и обширная пластическая хирургия, сказал советник, но это можно было устроить. Даже новые кишки, добавил человек, сжимая плечо Корто сквозь мокрую от пота простыню.

Корто же слышал тихое, неотступное падение капель. Он сказал, что предпочел бы давать показания в том виде, в каком находится сейчас.

Нет, объяснил советник, суды будет трансли-

роваться по телевидению. Суды надо донести до избирателей. Советник вежливо кашлял. Восстановленный и обновленный, Корто дал тщательно отрепетированные показания, детальные, живые и ясные. В основном они были сочинены политической кликой в конгрессе, с определенными кругами, заинтересованными в сохранении некоторых частей инфраструктуры Пентагона. Постепенно Корто понял, что данные им показания были предназначены для спасения карьер трех офицеров, непосредственно ответственных за умалчивание докладов о строящихся ЭМП-установках в Киренске.

Его роль в судах была исполнена, и он стал не нужен в Вашингтоне. В ресторане на улице М, за блинчиками из спаржи, советник объяснил ему о смертельной опасности говорить с неправильными людьми. Корто раздавил ему кадык жесткими пальцами своей правой руки. Советник подавился и упал лицом в блинчики, и Корто вышел в прохладный вашингтонский сентябрь.

"Хосака" пролистывала полицейские донесения, записи о промышленном шпионаже, и новостные файлы. Кейс наблюдал, как Корто занимается сманиванием корпоративных перебежчиков в Лиссабоне и Марракеше, и похоже,

там же он становится одержим мыслью о предательстве, ненавистью к ученым и техникам, которых он скупал для своих нанимателей. В Сингапуре, будучи пьяным, он забил до смерти русского инженера и поджег его комнату в отеле. Затем он объявился в Таиланде, как надсмотрщик героиновой фабрики. Затем как боевик в калифорнийском игорном картеле, затем как наемный киллер на руинах Бонна. Он ограбил банк в Вичита. Далее записи стали туманнее, темнее, а пробелы — продолжительнее. Однажды, как он сказал в отрывке записи, который наводил на мысль о химическом вмешательстве, все стало серым.

Переведенная с французского история болезни гласила, что неопознанный мужчина поступил в парижское психиатрическое отделение и получил диагноз «шизофрения». Он впал в кататонию и был отослан в государственное учреждение на окраине Тулона. Там он стал участником экспериментальной программы, которая пыталась обратить вспять шизофрению применением кибернетических моделей. Случайная выборка пациентов была снабжена микрокомпьютерами и поощрена к их программированию, с помощью студентов. Он выздоровел — единственный

успешный результат за весь эксперимент.

На этом запись кончалась.

Кейс повернулся на темперлоне, и Молли тихо ругнулась на него за то, что он ее потревожил.

Зазвонил телефон. Он забрал его в постель.

— Да?

— Мы едем в Стамбул, — сказал Армитаж. — Сегодня.

— Чего ублюдок хочет? — спросила Молли.

— Говорит, мы едем в Стамбул сегодня.

— Ну просто чудесно.

Армитаж зачитывал номера рейсов и время вылетов. Молли села и включила свет.

— Как насчет моего снаряжения? — спросил Кейс. — Моя дека.

— Финн позаботится, — сказал Армитаж и повесил трубку.

Кейс смотрел, как она пакует вещи. Под ее глазами были темные круги, но даже с наложенной шиной она двигалась будто танцуя. Ни одного лишнего движения. Его одежда лежала измятой кучей рядом с его сумкой.

— Больно? — спросил он.

— Еще одна ночь у Чина не помешала бы.

— Твой зубной врач?

— Как же, зубной. Он очень скромный. Владеет

половиной того этажа, всей клиникой. Чинит самураев.

Она застегнула молнию на своей сумке.

— Ты бывал в Стамбуле?

— Пару дней, был однажды.

— Никогда не меняется, — сказала она. — Хреновый старый город.

— Когда мы ехали в Чибу, все было так же, — сказала Молли, глядя наружу через окно вагона на пустынный, освещенный луной индустриальный ландшафт, красные маяки на горизонте отваживают пролетающие самолеты от от ядерного реактора. — Мы были в Лос-Анджелесе. Он вернулся и сказал, пакуйся, мы зарегистрированы на Макао. Когда мы попали туда, я играла в фантан[28] в Лиссабоне, пока он ездил на остров Чжуньшан. А на следующий день я играла с тобой в прятки в Ночном Городе.

Она вытянула из рукава своей черной куртки шелковый шарф и отполировала им свои линзы. Ландшафт северного Муравейника пробудил в Кейсе смешанные воспоминания о детстве, мертвая трава топорщится из трещин на скошенном полотне бетонной автомагистрали. Поезд начал

---

[28] Примечания: 28
фантан — китайская игра в кости.

замедляться за десять километров до аэропорта. Кейс смотрел, как солнце встает над ландшафтом его детства, над грудами шлака и ржавеющими остовами нефтеперегонных заводов.

7

В Бейоглу шел дождь, и взятый напрокат «Мерседес» скользил мимо зарешеченных и неосвещенных окон осторожных греческих и армянских ювелиров. Улица была почти пустой, и лишь редкие одетые в темное фигуры на тротуарах оборачивались, провожая взглядом автомобиль.

— Здесь находилась когда-то процветающая европейская часть оттоманского Стамбула, — промурлыкал "Мерседес".

— А теперь все скатилось с горки, — сказал Кейс.

— Хилтон находится на Кумхариет Каддеси, — сказала Молли. Она расположилась, откинувшись на дорогую серую замшу сидений.

— Как получилось, что Армитаж полетел один? — спросил Кейс. У него болела голова.

— Потому что ты его достал. И меня тоже достаешь.

Он хотел рассказать ей историю Корто, но передумал. В самолете он использовал усыпляющий дерм. Дорога из аэропорта была убийственно прямой, как точный разрез, рассекающий город.

Он смотрел, как мимо проплывают залатанные до невозможности стены деревянных домишек, кондоминиумы, аркологии, мрачные жилые проекты, снова стены из фанеры и рифленого железа.

Финн, похожий на сараримана в новом черном костюме из Синдзюку, с кислым видом ожидал их в фойе «Хилтона», как робинзон на островке велюрового кресла посреди моря бледно-голубого ковра.

— Господи, — сказала Молли. — Крыса в деловом костюме.

Они прошли через фойе.

— Сколько тебе заплатили, чтобы прийти сюда, Финн? — Она опустила свою сумку рядом с креслом. — Могу поспорить, меньше той суммы, за которую ты согласился надеть такой костюм, а?

Верхняя губа Финна оттянулась вверх.

— Для этого никаких денег не хватит, конфетка.

Он передал ей магнитный ключ с круглым желтым номерком.

— Вы уже зарегистрированы. Босс наверху. — Он посмотрел вокруг. — Этот город — отстой.

— Тебя вытащили из-под купола, и у тебя появи-

лась агорафобия. Просто считай, что это Бруклин или что-то вроде того. — Она повертела ключ на пальце. — Ты здесь как лакей или кто?

— Я буду проверять какого-то парня на имплантанты. — сказал Финн.

— А что насчет моей деки? — спросил Кейс.

Финн поморщился.

— Соблюдай протокол. Спроси босса.

Пальцы Молли изобразили на темном фоне ее куртки последовательность жестов. Финн наблюдал, затем кивнул.

— Ага, — сказала она. — Я знаю, кто это.

Она кивнула головой в сторону лифтов.

— Пошли, ковбой.

Кейс с обеими сумками последовал за ней.

Их комната была такой же, в какой он первый раз увидел Армитажа в Чибе. Он прошел к окну, почти ожидая увидеть утро над Токийским заливом. На другой стороне улицы стоял еще один отель. Дождь все шел. Несколько секретарей укрылись в подъездах, их старые голосовые принтеры, завернутые в листы прозрачного пластика, были доказательством того, что написанное слово все еще имело здесь некоторый престиж. Это была сонная страна. Он смотрел на тускло-черный седан «Ситроен», примитивную конверсию

на водородных батареях, в то время как он изрыгнул из себя пятерых турецких офицеров угрюмого вида в мятой зеленой униформе. Они зашли в отель на другой стороне улицы. Он обернулся и посмотрел на постель, на Молли, и ее бледность поразила его. Она оставила микропорную шину на матрасе на чердаке, рядом с трансдермальным стимулятором. Ее стекла отражали часть комнатных светильников. Он схватил телефон раньше, чем тот успел прозвонить дважды.

— Рад, что ты проснулся, — сказал Армитаж.

— Только что. Леди еще спит. Послушайте, босс, может быть пришло время, когда нам надо поговорить. Мне кажется, я бы смог работать лучше, если бы знал чуть больше, чем я занимаюсь.

Молчание на линии. Кейс прикусил губу.

— Ты знаешь все, что необходимо. Может быть, даже больше.

— Вы так считаете?

— Одевайся, Кейс. Поднимай ее. У вас будет посетитель примерно через пятнадцать минут. Его зовут Терзибашьян.

Телефон слабо замычал. Армитаж пропал.

— Просыпайся, детка, — сказал Кейс. — Биз.

— Я уже час как не сплю. — Зеркала повернулись.

— К нам идет Джерси Бастион.

— У тебя слух на языки, Кейс. Клянусь, ты частично армянин. Это шпик, которого Армитаж нанял следить за Ривьерой. Помоги мне встать.

Терзибашьян оказался молодым человеком в сером костюме и зеркальных очках в золотой оправе. Его белая рубашка была расстегнута у воротника, открывая настолько плотные заросли черных волос, что Кейс поначалу принял их за какую-то футболку. Он прибыл с черным хилтонским подносом, сервированным тремя крохотными, благоухающими чашечками крепкого черного кофе и тремя липкими, соломенного цвета восточными сладостями.

— Мы должны, как вы это говорите на ингилиз, вести себя очень легко.

Некоторое время он пристально смотрел на Молли, но в конце концов снял серебристые очки. Его глаза были темно-коричневыми, под цвет его очень короткой военной стрижки.

Он улыбнулся.

— Лучше, вот так, да? Иначе мы делаем бесконечный туннель, зеркало в зеркале… Вы особенно, — сказал он ей, — должны быть осторожны. В Турции не одобряют женщин, кто выставляет напоказ такие модификации.

Молли откусила половину пирожного.

— Это мое шоу, Джек, — сказала она с набитым ртом. Прожевала, проглотила и облизала губы. — Я знаю о тебе. Стукач для военных, верно?

Ее рука лениво скользнула под куртку и показалась назад с иглометом. Кейс не знал, что у нее было оружие.

— Очень легко, пожалуйста, — сказал Терзибашьян, его чашечка из белого китайского фарфора замерла в сантиметре от губ.

Она вытянула пистолет.

— Может быть, тебе достанутся разрывные, их много, а может быть, раковая опухоль. Одна игла, говномордый. Ты не будешь чувствовать ее много месяцев.

— Пожалуйста. На ингилиз вы называете это, напрягать меня…

— Я называю это плохим утром. Теперь выкладывай нам про своего типа и уноси свою задницу.

Она отложила пистолет.

— Он живет в Фенере, на Кючук Гюльхан Джаддесси 14. У меня есть его маршрут по туннелю, каждую ночь на базар. Он чаще всего выступает на Янишехир Палас Отели, модное место в стиле туристик, но было устроено так, что полиция

определенным образом заинтересовалась этими шоу. Руководство Янишехира стало нервничать.

Он улыбнулся. От него пахло какой-то металлической водой после бритья.

— Я хочу знать про его имплантанты, — сказала она, массируя бедро, — я хочу знать в точности, что он может делать.

Терзибашьян кивнул.

— Самое плохое, это как вы говорите на ингилиз, подсознанка.

Он выговорил слово, разбив его на четыре тщательных слога.

— Слева от нас, — сказал Мерседес, следуя по лабиринту дождливых улиц, — Капали Карси, главный базар.

Финн рядом с Кейсом издал одобрительный звук, но смотрел он в другую сторону. Правая сторона улицы была заполнена миниатюрными свалками. Кейс увидел распотрошенный локомотив, взгроможденный на поломанные, с потеками ржавчины, куски желобчатого мрамора. Безголовые мраморные статуи были сложены как дрова.

— Тоска по дому? — спросил Кейс.

— Отстойное место, — ответил Финн. Его черный шелковый шарф начинал походить на

изношенную копирку. Лацканы нового пиджака были отмечены медальонами из кебаб-соуса и яичницы.

— Эй, Джерси, — сказал Кейс армянину, который сидел сзади, — где этому парню поставили все его навороты?

— В Чиба сити. У него нет левого легкого. Другое разогнано, так вы говорите? Кто угодно может купить эти имплантанты, но он самый талантливый.

Мерседес вильнул, объезжая телегу на шинном ходу, нагруженную шкурами.

— Я следовал за ним по улице и видел, как дюжина велосипедов упала возле него, за день. Нашел велосипедиста в больнице, всегда одна и та же история. Скорпион сидел рядом с рычагом тормоза…

— Что видишь, то и получаешь, угу, — сказал Финн. — Я видел схемы начинки этого парня. Просто блеск. Что он воображает, то вы видите. Мне кажется, он может сфокусировать луч и легко прожечь сетчатку глаза.

— Вы говорили это своему женскому другу? — Терзибашьян наклонился вперед между замшевыми подголовниками. — В Турции женщины все еще женщины. Эта…

Финн фыркнул.

— Она тебе яйца вместо галстука завяжет, если посмотришь на нее косо.

— Я не понимаю эту идиому.

— Все в порядке, — сказал Кейс. — Это значит заткнись.

Армянин уселся на место, оставив полосу металлического запаха лосьона. Он начал шептать в рацию «Санио» на странной смеси греческого, французского, турецкого и отдельных фрагментов английского языка. Рация отвечала на французском. Мерседес плавно повернул за угол.

— Базар пряностей, иногда называемый египетским базаром, — сказал автомобиль, — был возведен на месте старого базара, основанного султаном Хадисом в 1660. Это центральный столичный рынок пряностей, программного обеспечения, парфюмерии, медицинских препаратов…

— Препаратов, — повторил Кейс, наблюдая за дворниками автомобиля, все протирающими и протирающими пуленепробивамое стекло «Лексан». — Что ты там говорил, Джерси, на чем сидит этот Ривьера?

— Смесь кокаина и меперидина, да. — Армянин вернулся к разговору со своей "Санио".

— Демерол, так это называется, — сказал Финн. — Он тоже любит разгоняться. Забавная у тебя компания, Кейс.

— Да ладно, — сказал Кейс, поднимая воротник своей куртки, — мы сделаем этому ебанатику новую поджелудочную и все такое.

После того как они зашли на базар, Финн заметно оживился, как будто ему нравилась плотность толпы и чувство тесноты. Они шли вместе с армянином по широкому залу, под закопченными листами пластика и допотопными железными конструкциями, выкрашенными в зеленый цвет. Тысячи подвесных рекламных плакатов крутились и мерцали.

— О господи, — сказал Финн, беря Кейса за руку, — посмотри-ка. Он указал пальцем. — Это лошадь, слышь. Ты когда-нибудь видел лошадь?

Кейс посмотрел на мумифицированное животное и покачал головой.

Оно было выставлено на подобии пьедестала, недалеко от входа в секцию, где продавались птицы и обезьянки. Ноги чучела вытерлись до голой черной кожи от прикосновений десятков рук прохожих.

— Видел как-то раз одну в Мэрилэнде, — сказал Финн, — а тогда уже прошло целых три года после

пандемии. Арабы все пытаются восстановить их из ДНК, но постоянно обламываются.

Казалось, что глаза животного, сделанные из коричневого стекла, следят за ними. Терзибашьян завел их в кафе возле центра рынка, комнату с низким потолком, которая как будто принимала посетителей целые века. Худые ребятишки в грязных белых жакетах метались между занятыми столами, балансируя стальными подносами с бутылками «Тюрк-Туборга» и маленькими стаканчиками чая.

Кейс купил пачку «Ехэюаня» у продавца возле двери. Армянин забормотал в свой "Санио".

— Пошли, — сказал он, — он движется. Каждую ночь он едет по туннелю на базар, покупать свою микстуру у Али. Твоя женщина близко. Пошли.

Аллея была старой, слишком старой, стены высечены из блоков темного камня. Неровный тротуар исходил запахом бензина, впитанного за век старинным известняком.

— Ни черта не видно, — прошептал он Финну.

— Для конфетки это не проблема, — ответил Финн.

— Тихо, — сказал Терзибашьян слишком громко.

Шаркнуло по бетону или камню дерево. Деся-

тью метрами дальше по аллее клин желтого света упал на сырые булыжники, расширился. Фигура ступила наружу и дверь с шарканьем закрылась, оставив узкий проход в темноте. Кейс поежился.

— Пора, — сказал Терзибашьян, и бриллиантовый луч белого света, направленный с крыши дома напротив рынка, заключил стройную фигуру рядом со старинной деревянной дверью в безупречный круг. Яркие глаза метнулись влево, вправо, и человек упал. Кейс подумал, что кто-то подстрелил его; он лежал лицом вниз, светлые волосы выделялись на фоне камня, слабые белые руки трогательно раскинуты. Свет прожектора даже не дрогнул. Спина упавшего человека взбугрилась под курткой и лопнула, кровь забрызгала стену и дверь. Две невероятно длинные, веревкообразные руки извивались, серовато-розовые, в световом пятне. Тварь, похоже, вытягивала сама себя из тротуара прямо сквозь инертные, окровавленные останки, бывшие Ривьерой. Она была двухметровой высоты, стояла на двух ногах, и похоже, не имела головы. Затем она медленно развернулась, чтобы посмотреть на своих наблюдателей, и Кейс заметил, что голова у нее была, но не было шеи. Глаза отсутствовали, кожа имела влажный кишечный отблеск. Рот, если

это был рот, был круглый, конический, узкий, неглубокий и обрамленный шевелящейся порослью волос или щетины, блистающей черным хромом. Оно отшвырнуло ногой обрывки одежды и плоти и сделало шаг, рот, казалось, сканировал пространство в поисках людей.

Терзибашьян сказал что-то на на греческом или турецком и бросился навстречу твари, вытянув руки, как человек, собирающийся выпрыгнуть в окно. Он пробежал сквозь тварь. Его встретила вспышка пистолетного выстрела из темноты за световым кругом. Осколки камня просвистели мимо головы Кейса; Финн дернул его вниз, к земле. Свет с крыши погас, оставив в глазах кутерьму отпечатков вспышки выстрела, монстра и белого луча. Затем свет вернулся, теперь уже он рыскал, обыскивая темноту. Терзибашьян стоял, прислонившись к металлической двери, его лицо на свету было очень белым. Он держался за левое запястье и смотрел, как из левой руки капает кровь. Блондин, снова целый и неокровавленный, лежал у его ног. Молли выступила из мрака, вся в черном, с иглометом в руке.

— Возьми рацию, — сказал армянин сквозь стиснутые зубы. — Вызови Махмуда. Мы должны забрать его отсюда. Здесь неподходящее место.

— Муденыш чуть не сбежал, — сказал Финн. Он встал, громко хрустнув коленями, и отряхнул штанины своих брюк, хоть без всякого эффекта. — Вот это называется шоу ужасов, да? Это тебе не исчезающий гамбургер. Здорово. Ну ладно, помоги-ка им вытащить оттуда его жопу. Мне нужно просканировать все его барахло, пока он не проснулся, и убедиться, что Армитаж не зря тратит на него денежки.

Молли нагнулась и подобрала что-то. Пистолет.

— Намбу, — сказала она. — Хорошая пушка.

Терзибашьян застонал. Кейс заметил, что у того не хватало большей части среднего пальца.

Город пропитывался предрассветными голубыми сумерками. Она сказала «Мерседесу» отвезти их в Топкапи. Финн и огромный турок по имени Махмуд забрали Ривьеру, все еще без сознания, из аллеи. Через несколько минут пыльный «Ситроен» приехал за армянином, который казался на грани обморока.

— Ты мудак, — сказала Молли, открывая ему дверь. — Тебе надо было сидеть на месте. Я его взяла на мушку сразу, как он вышел. — Терзибашьян злобно посмотрел на нее. — Так или иначе, мы с тобой закончили.

Она втолкнула его в машину и захлопнула дверь.

— Еще раз мне попадешься — я тебя убью, — сказала она белому лицу за тонированным стеклом. «Ситроен» прополз по аллее и неуклюже свернул на улицу. За ним и «Мерседес» зашуршал по просыпающемуся Стамбулу. Они проехали тунельный терминал Бейоглу и понеслись мимо лабиринтов пустынных закоулков и захудалых особняков, которые смутно напомнили Кейсу Париж.

— Это что за штука? — спросил он у Молли, когда «Мерседес» припарковался на окраине садов, окружающих Серальо. Он тупо смотрел на вычурную смесь стилей, которой был Топкапи.

— Это было подобие личного публичного дома для султана, — сказала она, выходя и потягиваясь. — Держали здесь кучу женщин. Теперь это музей. Вроде лавочки Финна, просто свалили в кучу бриллианты, мечи, левую руку Иоанна Крестителя…

— В физиокамере?

— Неа. Мертвую. Держат ее внутри такой латунной рукавицы, с маленьким люком наверху, чтобы христиане могли целовать ее на счастье. Отняли ее у христиан где-то миллион лет назад,

и никогда не вытирают с пыль с этой хреновины, потому что это реликвия неверных.

Черный железный олень ржавел в садах Серальо. Кейс шел рядом с ней, глядя, как носки ее ботинок крушат схваченную ранним морозом неухоженную траву. Они шли по тропинке, выложенной восьмиугольной плиткой из холодного камня. Зима ожидала где-то на Балканах.

— Этот Терзи, он первоклассная мразь, — сказала она. — Секретная полиция. Палач. Легко продается, особенно за деньги, какие предлагает Армитаж.

Во влажной листве окружающих деревьев начали петь птицы.

— Я сделал работу для тебя, — сказал Кейс, — насчет Лондона. Я кое-что нашел, но не понял, что это значит.

Он рассказал ей историю Корто.

— Ну, я знала, что в Кричащем Кулаке не участвовал никто по имени Армитаж. Я проверяла.

Она погладила ржавый бок железной оленихи.

— Ты думаешь, что маленький компьютер помог ему вернуть рассудок?

— Я думаю, что это Зимнее Безмолвие, — ответил Кейс.

Она кивнула.

— Дело вот в чем, — сказал он, — ты думаешь, он знает, что он был Корто, до того? Я имею в виду, что он был уже совсем никто, когда попал в госпиталь, так что Зимнее Безмолвие просто…

— Да. Выстроил его с нуля. Да… — Она повернулась, и они пошли дальше. — Это заметно. Ты знаешь, у мужика нет никакой личной жизни. Нет вообще, насколько я знаю. Обычно ты смотришь на кого-то и можешь гадать, что он делает, когда остается один. Но только не Армитаж. Он сидит и смотрит в стену. Потом что-то щелкает и он заводится и бегает для Зимнего Безмолвия.

— Тогда зачем ему та нычка в Лондоне? Ностальгия?

— Может быть, он не знает про нее, — сказала она. — Может быть, это просто кто-то от его имени, так?

— Не понимаю, — сказал Кейс.

— Просто думаю вслух… Насколько умные бывают ИИ, Кейс?

— Зависит. Некоторые не умнее собак. Домашние животные. Стоят целое состояние, тем не менее. По-настоящему умные умны настолько, насколько им позволяет полиция Тьюринга.

— Слушай, ты же ковбой. Как вышло, что ты не тащишься от этих штук?

— Ну, — сказал он, — для начала, они редкие. Большинство их — военные, очень умные, и мы не можем пробить лед. Сам лед оттуда и появился, ты знаешь? И еще есть полиция Тьюринга — с ними лучше не связываться. — Он взглянул на нее. — Не знаю, короче, просто это не наш путь.

— Все жокеи одинаковы, — сказала она. — Никакого воображения.

Они вышли к широкому прямоугольному пруду, где карп тыкался носом в стебли какого-то белого водяного цветка. Она пнула одинокий камушек и посмотрела, как расходятся круги на воде.

— Это Зимнее Безмолвие, — сказала она. — Мне кажется, что дело реально крупное. Мы находимся там, где волны уже маленькие, и мы не можем увидеть камень, упавший в центре. Мы знаем, там что-то есть, но не знаем, почему. Я хочу узнать, почему. Я хочу, чтобы ты пошел и поговорил с Зимним Безмолвием.

— Я даже близко не смогу подойти, — ответил он. — Ты размечталась.

— Попробуй.

— Невыполнимо.

— Спроси у Флэтлайна.

— Что нам нужно от этого Ривьеры? — спросил

он, надеясь сменить тему.

Она плюнула в пруд.

— Бог его знает. Мне захотелось его убить с первого взгляда. Я видела его характеристику. У него болезнь Иуды. Не может получить сексуального удовлетворения, пока не будет знать, что предает объект своего желания. Так говорится в файле. И они должны сначала полюбить его. Может быть, он тоже их любит. Терзи было легко сдать его нам, потому что он провел здесь три года, продавая политиков секретной полиции. Возможно, Терзи позволял ему смотреть на пытки. Он сдал восемнадцать за три года. Женщины двадцати — двадцати пяти лет. Терзи хватало диссидентов. — Она засунула руки поглубже в карманы куртки. — Потому что если Ривьера находил ту, кого действительно хотел, он делал так, чтобы она стала политзаключенной. Его личность изменчива, как костюм Новых. Характеристика говорит, что это очень редкий тип, таких примерно парочка на миллион. Что в общем-то хорошо говорит о человеческой природе.

Она всматривалась в белые цветы и сонную рыбу, и лицо ее было мрачным.

— Я думаю, что, наверное, куплю себе специальную страховку от этого Питера. — Она повер-

нулась и улыбнулась, отчего стало холодно.

— Что это значит?

— Да так. Давай вернемся в Бейоглу и найдем что-нибудь вроде завтрака. Сегодня у меня снова будет занятая ночь. Надо забрать его барахло из той квартиры в Фенере, потом опять сходить на базар и купить ему кой-какие препараты…

— Купить ему кой-какие препараты? Чем это он заслужил?

Она засмеялась. "Он еще не сторчался до смерти, дорогой. Похоже, он просто не может работать без этого особого рецепта. А ты мне сейчас все равно нравишься больше. Не такой страшно тощий. — Она улыбнулась. — Так что я наведаюсь к торговцу Али и затарюсь. Не волнуйся.

Армитаж ждал в их комнате в "Хилтоне".

— Пора паковаться, — сказал он, и Кейс попробовал отыскать человека по имени Корто за бледно-голубыми глазами и загорелой маской. Он подумал об Уэйдже, оставшемся в Чибе. Он знал, что дельцы выше определенного уровня старались скрыть свои персональные отличия. Но Уэйдж имел проституток, любовниц. Даже, ходили слухи, детей. Пустота же, которую Кейс нашел в Армитаже, была чем-то иным.

— Куда теперь? — спросил он, пройдя мимо

Армитажа, чтобы поглядеть на улицу внизу. — Какой тип климата?

— У них нет климата, только погода, — сказал Армитаж. — Вот. Почитай брошюру.

Он положил что-то на кофейный столик и встал.

— Ривьера прошел проверку? А где Финн?

— Ривьера — прекрасно. Финн уже на пути домой. — Армитаж улыбнулся, и эта улыбка несла не больший смысл, чем дерганье усика какого-нибудь насекомого. Он протянул руку к Кейсу и ткнул его в грудь, звякнув золотым браслетом. — Не слишком умничай. Эти маленькие капсулы начинают снашиваться, но ты не знаешь, насколько.

Сохраняя на лице полное спокойствие, Кейс заставил себя кивнуть. После ухода Армитажа он взял одну из брошюр. Роскошная полиграфия, на французском, английском и турецком языках.

ФРИСАЙД — ЗАЧЕМ ЖДАТЬ?

Четверо из них были зарегистрированы на рейс THY[29] из аэропорта Есилкой. Пересадка

---

[29] Примечания: 29
THY — турецкие авиалинии.

в Париже на шаттл JAL[30]. Кейс сидел в холле «Стамбул-Хилтона» и следил, как Ривьера рассматривает поддельные византийские черепушки в сувенирном магазине со стеклянными стенами. Армитаж, с шинелью, накинутой на плечи наподобие плаща, стоял на входе в магазин.

Ривьера был стройным, белокурым, мягкоголосым, его английский свободно лился без всякого акцента. Молли сказала, что ему было тридцать лет, но угадать его возраст было бы трудно. Она также сказала, что он не имел гражданства и путешествовал с поддельным датским паспортом. Он был продуктом каменных колец, окружающих радиоактивное сердце Бонна. Три улыбчивых японских туриста вторглись в магазин, вежливо кивнув Армитажу. Армитаж перешел через магазин и встал рядом с Ривьерой, чересчур поспешно, чересчур очевидно. Ривьера повернулся и улыбнулся. Он был очень красив; Кейс предположил, что черты его лица были работой хирурга из Чибы. Тонкая работа, не то что приторная слащавость смеси популярных лиц у Армитажа.

Его лоб был высоким и чистым, серые глаза — спокойные и отстраненные. Его нос, пожалуй,

---

[30] Примечания: 30
JAL — японские авиалинии.

чересчур хорошо вылепленный, был как будто сломан и наспех выправлен. Некий намек на жестокость был заложен в изяществе очертаний его челюсти и быстроте его улыбки. Его зубы были мелкими, ровными и очень белыми. Кейс наблюдал, как белые руки играют над имитацией фрагмента скульптуры.

Ривьера вел себя не как человек, который был атакован прошлой ночью, усыплен токсиновой иглой, похищен, подвергнут исследованию у Финна, и вынужден Армитажем присоединиться к команде.

Кейс посмотрел на часы. Молли сейчас возвращалась с купленными препаратами. Он снова посмотрел на Ривьеру.

— Клянусь, ты сейчас под тягой, жопа, — сказал он хилтонскому холлу.

Седеющая итальянская матрона в белом кожаном пиджаке приспустила на кончик носа свои очки «Порше» и воззрилась на Кейса. Он широко улыбнулся, встал и повесил на плечо сумку. Ему нужны были сигареты на время полета. Он подумал, бывают ли салоны для курящих на шаттлах JAL.

— Бывайте, леди, — сказал он женщине, которая тут же вернула очки на место и отвернулась.

Сигареты были в сувенирном магазине, но Кейса не привлекал разговор с Армитажем или Ривьерой. Он вышел из холла и обнаружил торговый автомат в узком алькове, в конце ряда таксофонов.

Он порылся в карманах, полных «лираси», и по очереди опустил в щель несколько мелких монет из тусклого сплава, слегка удивляясь анахроничности этого процесса. Ближайший к нему телефон зазвонил.

Он машинально взял трубку.

— Да?

Слабые гармоники, крохотные неслышимые голоса перебалтываются по какой-то орбитальной связи, и затем звук, похожий на ветер.

— Привет. Кейс.

Монетка в пятьдесят лир выпала из его руки, подпрыгнула на полу и укатилась из вида по хилтонскому паласу.

— Зимнее Безмолвие, Кейс. Настало время поговорить.

Это был синтезированный чипом голос.

— Не хочешь говорить, Кейс?

Он повесил трубку.

Забыв сигареты, он пошел назад в холл мимо линейки таксофонов. Они звонили по очереди,

каждый только по разу, когда Кейс проходил рядом.

Часть третья
Полночь на Рю Жюль Верн

8

Архипелаг.

Острова. Тор, веретено, гроздь. Человеческая ДНК растекается из пропасти гравитационного колодца, как нефтяная пленка.

Постройте на экране график, который грубо и упрощенно представляет обмен данными в архипелаге. Один сегмент вспыхивает сплошным красным цветом, большой прямоугольник, заполняющий ваш экран. Фрисайд. Фрисайд — это много вещей, и не все они видны туристам, шныряющим на шаттлах вверх и вниз по колодцу. Фрисайд — это цепочка борделей и банков, купол удовольствий и свободный порт, пограничный город и курорт. Фрисайд — это Лас-Вегас и висячие сады Вавилона, орбитальная Женева и дом для выросшего из семьи и тщательно усовершенствованного промышленного клана Тессье и Эшпула.

В лайнере THY до Парижа они сидели вместе в первом классе, Молли у окна, Кейс рядом с ней, Ривьера и Армитаж у прохода. Один раз, когда самолет заложил вираж над водой, Кейс заметил жемчужное сияние греческого островного

города. И один раз, взяв свой напиток, он уловил мелькание чего-то, похожего на гигантский человеческий сперматозоид в глубине бурбона с водой. Молли наклонилась через Кейса и шлепнула Ривьеру по лицу, один раз.

— Нет, детка. Никаких игр. Еще раз покажешь мне свое подсознательное говно, и я тебе сделаю очень, очень больно. Я могу это сделать так, что даже не повредю тебе ничего. Мне такое нравится.

Кейс машинально повернулся, чтобы посмотреть на реакцию Армитажа. Гладкое лицо было спокойным, голубые глаза насторожены, но не было никакой злости.

— Правильно, Питер. Не надо.

Кейс повернулся назад, как раз чтобы заметить едва уловимый проблеск черной розы, ее лепестки лоснились как кожа, черный стебель околючен шипами яркого хрома.

Питер Ривьера кротко улыбнулся, закрыл глаза и моментально заснул.

Молли отвернулась от него, ее линзы отражались в темном окне.

— Ты бывал наверху, нет? — спросила Молли, пока он извивался, устраиваясь поудобнее в глубоком темперлоновом кресле шаттла JAL.

— Неа. Не особо часто путешествую, только по бизу. — Стюарт прикреплял датчики к его запястью и левому уху.

— Надеюсь, ты не схватишь СКА.

— Морскую болезнь? Ни за что.

— Это не то же самое. Твой пульс ускорится в невесомости, и твое внутреннее ухо на некоторое время спятит. Включится спасательный рефлекс, вроде того, что ты будешь получать сигналы бежать сломя голову, и кучу адреналина.

Стюарт отправился к Ривьере, доставая новый комплект тродов из своего красного пластикового передника.

Кейс повернул голову и попытался различить очертания старых терминалов Орли, но стартовая площадка шаттла была отгорожена изящными дефлекторами из сырого бетона. На ближайшем к окну красовался напыленный красной краской арабский девиз. Он закрыл глаза и сказал сам себе, что шаттл был просто большим самолетом, только летал очень высоко. Здесь пахло как в самолете, похоже на новую одежду и жвачку и реактивный выхлоп. Он слушал музыку кото[31] и ждал. Двадцать минут, затем гравитация на-

[31] Примечания: 31
кото — японский 13-струнный музыкальный инструмент.

валилась на него, словно большая мягкая рука с костями из древнего камня.

Синдром космической адаптации оказался хуже, чем описывала Молли, но он прошел достаточно быстро и Кейсу удалось заснуть. Стюард разбудил его, когда они готовились причалить к терминалу в кластере JAL.

— Теперь что, едем до Фрисайда? — спросил Кейс, провожая взглядом клочок табака Ехэюань, который грациозно выплыл из кармана его рубашки и остановился, танцуя, в десяти сантиметрах от его носа. На шаттлах курение было запрещено.

— Нет, босс как всегда мудрит с планами, ну, ты же знаешь? Мы берем такси до Сиона, Сионский кластер. — Она тронула размыкающую пластину на ремне безопасности и начала высвобождаться из объятий темперлона. — Странный выбор места, если б ты меня спросил.

— Это почему?

— Дреды. Раста. Колонии уже около тридцати лет.

— Что это значит?

— Увидишь. Место хорошее, по мне. Да и тебе там разрешат курить свои сигареты.

Сион был основан пятью рабочими, которые отказались вернуться, ушли из колодца и начали стройку. Они страдали от потери кальция и сердечных приступов до тех пор, пока в центральном торе колонии не было установлено искусственное тяготение. Видимая из пузыря такси, самодельная скорлупа Сиона напомнила Кейсу пестро-лоскутные поселения в Стамбуле, неровные, выцветшие пластины, с выжженными на них лазером растафарианскими[32] символами и инициалами сварщиков.

Молли и худой сионит, назвавшийся Аэролом, помогли Кейсу преодолеть коридор свободного падения, ведущий к центру меньшего тора. Он потерял из вида Армитажа и Ривьеру при пробуждении второй волны головокружения СКА.

— Сюда, — сказала Молли, подталкивая его ноги в узкий люк наверху. — Хватайся за ступеньки. Делай как будто ты лезешь задом наперед, понял? Ты направляешься к станции, то есть как бы заползаешь в гравитацию ногами вперед. Просек?

---

[32] Примечания: 32

растафари — политико-религиозное движение среди черного населения Ямайки и других стран. Согласно их взглядам, негры являются реинкарнированными израильтянами, за свои грехи подвергнутыми божественному наказанию в виде зла и белой расы. Когда-нибудь они получат искупление и вернутся в Африку, их истинный дом и небеса на земле, и подчинят белых для служения себе.

Кейса начало мутить.

— Будешь в порядке, мон, — ухмыльнулся Аэрол, сверкнув золотыми передними зубами.

Какам-то образом конец туннеля превратился в его дно. Кейс воспринял слабую гравитацию так же, как утопающий соломинку.

— Вставай, — сказала Молли, — ты что, целовать это собрался?

Кейс лежал пластом на палубе, на животе, раскинув руки. Что-то ударило его по плечу. Он перевернулся и увидел толстый моток эластичного каната.

— Поиграем в дом, — сказала она. — Ты поможешь мне натянуть это.

Он осмотрел широкое, безликое пространство и заметил стальные кольца, приваренные к каждой поверхности, казалось, без всякой системы.

Натянув канаты в соответствии с каким-то сложным планом Молли, они стали развешивать на них потрепанные листы желтого пластика. Пока они работали, Кейс постепенно начал замечать музыку, которая постоянно пульсировала по всему кластеру. Она называлась «даб», эмоциональная мозаика, приготовленная из необъятных библиотек оцифрованного попа; это было поклонением, сказала Молли, и чувством

единения. Кейс поднял один из желтых листов; он был легким, но все таким же неповоротливым. Сион пах овощной кухней, людьми и ганджой.

— Хорошо, — сказал Армитаж, с полусогнутыми коленями проскальзывая в люк и кивая на лабиринт из листов. За ним следовал Ривьера, не такой самоуверенный в частичной гравитации.

— Где ты был, когда нужно было помогать? — спросил Кейс у Ривьеры.

Тот открыл рот, чтобы заговорить. Маленькая форель выплыла наружу, оставляя за собой неправдоподобные пузырьки, и проскользнула мимо щеки Кейса.

— В гальюне, — сказал Ривьера и улыбнулся.

Кейс засмеялся.

— Хорошо, — сказал Ривьера, — ты умеешь смеяться. Я бы попытался тебе помочь, но с руками у меня беда.

Он поднял ладони, которые внезапно раздвоились. Четыре руки, четыре ладони.

— Просто безобидный клоун, да, Ривьера? — Молли ступила между ними.

— Йо, — сказал Аэрол из люка, — те б со мной пойти, ковбой, мон[33].

---

[33] Примечания: 33

мон (иск. англ. man): обращение, также паразитное слово-связка у растафари.

— За твоей декой, — сказал Армитаж, — и остальным снаряжением. Помоги ему притащить все из грузового отсека.

— Чёт ты оч' бледный, мон, — сказал Аэрол, когда они сопровождали упакованный в пену терминал «Хосаки» через центральный коридор.

— Мож' поесть че хошь?

Рот Кейса залило слюной; он помотал головой.

Армитаж объявил, что они остаются в Сионе на 80 часов. Молли и Кейс должны будут потренироваться в условиях нулевой гравитации, сказал он, и акклиматизироваться для работы. Он собирался подробно ознакомить их с Фрисайдом и виллой "Блуждающий Огонек". Было неясно, чем предполагалось занять Ривьеру, но Кейсу не хотелось спрашивать. Несколько часов спустя после их прибытия Армитаж послал Кейса в желтый лабиринт позвать Ривьеру к трапезе. Кейс нашел его свернувшимся словно кот на тонкой темперлоновой подстилке, голым, явно спящим, вокруг его головы вращался нимб из маленьких белых геометрических фигур, кубиков, сфер и пирамидок.

— Эй, Ривьера.

Кольцо продолжало вращаться. Кейс вернулся и рассказал об этом Армитажу.

— Он вмазался, — сказала Молли, подняв взгляд от деталей разобранного игломета. — Оставь его в покое.

Армитаж, похоже, считал, что нулевая гравитация может плохо повлиять на способность Кейса действовать в Матрице.

— Не парься, — возразил Кейс, — Как только я втыкаюсь, меня здесь уже нет. Это везде одинаково.

— У тебя выше уровень адреналина, — сказал Армитаж. — И у тебя все еще СКА. И нет времени ждать, пока он пройдет. Тебе придется научиться работать с ним.

— Так что, я буду делать набег отсюда?

— Нет. Тренируйся, Кейс. Прямо сейчас. Вверх по коридору…

Киберпространство, каким его представляла дека, не имело никакой определенной связи с физическим местонахождением деки. Когда Кейс подключился, он открыл глаза и увидел знакомые очертания ацтекской пирамиды данных Ядерного Управления Восточного Побережья.

— Как дела, Дикси?

— Я мертв, Кейс. Хватило времени в этой Хосаке, чтобы понять.

— Ну и как тебе?

— Никак.

— Беспокоит тебя?

— Меня беспокоит, что меня ничего не беспокоит.

— Как это?

— Был у меня приятель в этом русском лагере, в Сибири, ему отморозило большой палец. Медики повозились с ним да и отрезали. Потом, через месяц, он что-то всю ночь ворочается. Элрой, говорю, что тебя кусает? Проклятый палец чешется, говорит. Ну я ему и говорю, так почеши его. МакКой, он говорит, это другой проклятый палец.

Когда конструкт засмеялся, это было что-то другое, не смех, а волна ледяного холода в позвоночнике Кейса.

— Сделай мне одолжение, пацан.

— Какое, Дикс?

— Эти ваши махинации, когда они закончатся, ты сотри эту проклятую штуковину.

Кейс не понимал сионитов.

Аэрол, без особой на то причины, рассказал историю о ребенке, который вышел из его лба и пустился наутек в заросли гидропонной ганджи. "Оч' мелкое дите, мон, не бош' твоей пальцы." Он потер ладонью нетронутое шрамами простран-

ство коричневого лба и улыбнулся.

— Это ганджа, — сказала Молли, когда Кейс поведал ей историю. — Они не видят особой разницы между состояниями сознания, понимаешь? Аэрол тебе рассказал, что случилось, ну что ж, это случилось с ним. Это не то чтобы чушь собачья, больше похоже на поэзию. Понял?

Кейс кивнул, но с сомнением. Сиониты всегда трогали тебя, когда разговаривали, клали руку на плечо. Ему это не нравилось.

— Эй, Аэрол, — позвал Кейс, часом позже, готовясь к учебному набегу в коридоре свободного падения. — Иди-ка сюда. Хочу тебе показать эту штуку.

Он держал в руках троды. Аэрол исполнил замедленный кувырок. Его босые ступни ударили по стальной стене и он ухватился за балку свободной рукой. Другая сжимала прозрачный мешок, набитый сине-зелеными водорослями. Он спокойно моргнул и оскалился.

— Попробуй, — сказал Кейс.

Он взял повязку, надел ее, и Кейс поправил троды. Он закрыл глаза. Кейс включил питание. Аэрол вздрогнул. Кейс отключил его.

— Что ты видел, ну?

— Вавилон, — с грустью сказал Аэрол, пере-

давая ему троды, и оттолкнулся в направлении коридора.

Ривьера сидел в неподвижности на своей подушке из пеноматериала, его правая рука была вытянута вперед, на уровне плеч. Змейка, покрытая чешуей из драгоценных камней, с горящими рубиновым неоном глазками, туго свилась в нескольких миллиметрах за его локтем. Она была толщиной с палец и раскрашена черно-алыми полосками, и Кейс наблюдал, как она медленно сокращается, затягиваясь вокруг руки Ривьеры.

— Иди же, — нежно сказал Ривьера бледному восковидному скорпиону, изготовившемуся в центре его повернутой кверху ладони. — Иди.

Скорпион покачал коричневатыми клешнями и взбежал по руке, отслеживая ножками неясные темные намеки на вены. Когда он достиг внутреннего сгиба локтя, то замер и будто завибрировал. Ривьера издал слабый шипящий звук. Показалось жало, затрепетало, и погрузилось в кожу над вздутой веной. Коралловая змея расслабилась, и Ривьера медленно вздохнул, ощущая действие инъекции. Затем змея и скорпион исчезли, и в его руке остался только пластиковый шприц молочного цвета.

— Если Бог и создал что-то получше, то припря-

тал для себя. Знаешь это выражение, Кейс?

— Да, — сказал Кейс, — Я такое слышал про много разных вещей. Ты всегда превращаешь это в маленькое шоу?

Ривьера ослабил и снял с руки эластичный кусок хирургической капельницы.

— Да. Так веселее. — Он улыбнулся, его глаза стали далекими, щеки порозовели. — У меня мембрана вживлена прямо над веной, так что мне никогда не надо заботиться о состоянии иглы.

— Не больно?

Глаза Кейса встретились с яркими глазами Ривьеры.

— Конечно, больно. Это же часть всего, нет?

— Я просто пользуюсь дермами, — сказал Кейс.

— Хомячок, — презрительно ухмыльнулся Ривьера, и рассмеялся, надевая белую хлопковую футболку с коротким рукавом.

— Наверное, хорошо тебе, — сказал Кейс, вставая.

— Вмажешься, Кейс?

— Мне пришлось завязать.

— Фрисайд, — сказал Армитаж, дотрагиваясь до панели на маленьком голограммном проекторе «Браун». Изображение с дрожью сфокусировалось, почти три метра от края до края. — Казино

здесь. — Он ткнул в скелетную схему. — Отели, особняки звезд, большие магазины вот здесь.

Его рука передвинулась.

— Голубые области — это озера.

Он перешел к одному из концов модели.

— Большая сигара. Сужается к концам.

— Нам это отлично видно, — сказала Молли.

— Эффект горного склона, по мере сужения. Земля начинает казаться выше, круче, но карабкаться вверх легко. Чем выше забираешься, тем меньше гравитация. Там спортивные площадки. А здесь — он показал — кольцо велодрома.

— Что-что? — Кейс наклонился вперед.

— Они гоняют на велосипедах, — сказала Молли. — Низкая гравитация, покрышки с хорошим сцеплением, разгоняются больше ста километров в час.

— Этот конец нас не касается, — сказал Армитаж с обычной крайней серьезностью.

— Черт, — сказала Молли, — А я так люблю велосипеды.

Ривьера хихикнул.

Армитаж перешел к противоположному концу проекции.

— Нас касается этот. — Внутренняя детализация голограммы здесь заканчивалась, и последний

сегмент веретена был пустым. — Это вилла "Блуждающий Огонек". Крутой подъем из гравитации, и все подходы под наблюдением. Здесь есть только один вход, в самом центре. Нулевая гравитация.

— Что там внутри, босс? — Ривьера наклонился вперед, выгнув шею. Четыре крохотных фигурки замерцали у кончика пальца Армитажа. Армитаж хлопнул по ним, как будто это были комары.

— Питер, — сказал Армитаж, — ты будешь первым, кто узнает. Ты устроишь себе приглашение. Когда попадешь внутрь, Молли пройдет за тобой.

Кейс уставился на пустоту, которая представляла собой "Блуждающий Огонек", вспоминая историю Финна: Смит, Джимми, говорящая голова и ниндзя.

— Детали будут? — спросил Ривьера. — Мне нужно спланировать гардероб, понимаете ли.

— Изучите улицы, — сказал Армитаж, возвращаясь к центру модели. — Десидерата стрит здесь. А это Рю Жюль Верн.

Ривьера закатил глаза.

Пока Армитаж зачитывал названия улиц Фрисайда, с дюжину ярких прыщей выросло на его носу, щеках и подбородке. Даже Молли прыс-

нула.

Армитаж остановился, пристально глядя на них всех холодными пустыми глазами.

— Извините, — сказал Ривьера, и прыщи заморгали и сгинули.

Кейс проснулся, поздно после отбоя, и начал замечать, что Молли ползает рядом с ним по пеноматериалу. Он мог чувствовать ее настороженность и лежал, ничего не понимая. Совершенная скорость ее движений гипнотизировала его. Она встала и пробралась сквозь лист желтого платика еще до того, как Кейс осознал, что она рассекла его.

— Не шевелись, дружок.

Кейс перевернулся и высунул голову через разрез в пластике.

— Что…?

— Заткнись.

— Ты избран', мон, — сказал сионский голос. — Кошачий глаз, звать его звать его Танцующая Бритва[34].

Я Мэлкам, сестра. Братья хотят говорить с тобой и ковбоем.

---

[34] Примечания: 34

Stepping Razor — песня, записанная ямайской регги-группой The Wailers. В дальнейшем это название укрепилось как характеристика крутого, опасного человека.

— Что за братья?

— Основатели, мон. Старцы Сиона, знаешь…

— Мы откроем этот люк, и свет разбудит босса, — прошептал Кейс.

— В этот раз будет темно, — сказал человек. — Пошли. Я и я в гости к Основателям.

— Ты знаешь как быстро я тебя могу порезать, дружок?

— Не говори стоя, сестра. Пойдем.

Двое выживших Основателей Сиона были стариками, одряхлевшими от ускоренного старения, которое настигает каждого человека, проведшего слишком много лет вне объятий гравитации. Их коричневые ноги, непрочные от потери кальция, выглядели ломкими в резком блеске отраженного солнечного света. Они плавали в центре раскрашенных джунглей радужной листвы, пылающих общинных фресок, полностью закрывающих корпус сферической палаты. Воздух был наполнен густым смолистым дымом.

— Танцующая Бритва, — сказал один из них, когда Молли вплыла в помещение. — Быстрая как хлыст.

— Есть у нас такая история, сестра, — сказал другой, — религиозная история. Мы рады, что ты пришла с Мэлкамом.

— Как это вышло, что ты не говоришь по-местному? — спросила Молли.

— Я пришел из Лос-Анджелеса, — ответил старик. Его дредлоки были похожи на матовое дерево с ветвями цвета стальной шерсти. — Давным-давно, вверх по гравитационному колодцу и прочь из Вавилона. Чтобы привести поколения домой. А теперь мой брат сравнивает тебя с Танцующей Бритвой.

Молли вытянула правую руку, и в дымном воздухе блеснули лезвия.

Другой Основатель засмеялся, его голова откинулась назад.

— Скоро придут Последние Дни… Голоса. Голоса, вопиющие в пустыне, предсказующие Вавилон в руинах…

— Голоса. — Основатель из Лос-Анджелеса смотрел на Кейса. — Мы отслеживаем многие частоты. Мы всегда слушаем. Пришел голос, из столпотворения языков, и говорил с нами. Он исполнил нам могучий даб.

— Называл себя Зимнее Безмолвие, — сказал другой, разделив два слова.

Кейс почувствовал, как мурашки поползли по коже на его руках.

— Безмолвие говорило с нами, — сказал пер-

вый Основатель. — Безмолвие сказало, что мы должны помочь тебе.

— Когда это было? — спросил Кейс.

— За тринадцать часов до того, как вы прибыли в Сион.

— Вы слышали этот голос раньше?

— Нет, — сказал человек из Лос-Анджелеса, — и мы не уверены в его значении. Если это Последние Дни, надо ожидать ложных предсказаний…

— Слушайте, — сказал Кейс, — Это ИИ, вы понимаете? Искусственный интеллект. Музыка, что он вам сыграл, возможно, он просто прочесал ваши банки памяти и приготовил что-то, что вам бы могло-

— Вавилон, — перебил другой Основатель, — порождает многих демонов, я и я знает. Несметные орды!

— Как ты меня назвал, старик? — спросила Молли.

— Танцующая Бритва. И ты возложишь кару на Вавилон, сестра, на его темнейшее сердце…

— Что за сообщение передал голос? — спросил Кейс.

— Нам было сказано помочь тебе, — сказал другой, — и что ты можешь послужить оружием Последних Дней. — Его морщинистое лицо было

озабочено.

— Нам было сказано послать с тобой Мэлкама, на его буксире "Гарвей"[35], в вавилонский порт Фрисайда. И мы сделаем так.

— Мэлкам крепкий парень, — сказал другой, — и праведный пилот.

— Но мы решили послать также и Аэрола, на "Рокере Вавилона", чтобы присматривать за "Гарвеем".

Неловкое молчание наполнило купол.

— И все? — спросил Кейс. — Вы, ребята, работаете на Армитажа или как?

— Мы сдаем вам площадь, — сказал лос-анджелесский Основатель. — Мы определенным образом вовлечены в различные виды здешней торговли, и не признаем законы Вавилона. Наш закон — слово Джа. Но на этот раз, может быть, мы были обмануты.

— Отмерь дважды, отрежь однажды, — тихо сказал другой.

— Пошли, Кейс, — сказала Молли. — Давай вернемся, пока он не догадался, что нас нет.

— Мэлкам заберет вас. Любовь Джа, сестра.

---

[35] Примечания: 35

Маркус Гарвей (Marcus Garvey, 1887–1940) — харизматический черный лидер, организовавший первое крупное американское националистическое движение черных, базировавшееся в Гарлеме (Нью-Йорк).

9

Буксир "Маркус Гарвей", стальной барабан девяти метров в длину и двух в диаметре, скрипел и вздрагивал, пока Мэлкам вбивал навигационные данные. Растянутый в эластичной противоперегрузочной паутине, Кейс наблюдал за мускулистой спиной сионита сквозь дымку скополамина[36]. Он принял лекарство для притупления СКА и тошноты, но стимулянты, включенные производителем в состав для нейтрализации «скопа», не действовали на его подправленную систему обмена.

— Сколько времени займет добраться до Фрисайда? — спросила Молли из своей паутины рядом с пилотским модулем Мэлкама.

— Долго не быть, моя так говорит.

— Вы, ребята, вообще мыслите в часах?

— Сестра, время, оно есть время, знаешь о чем я? Дред, — и он потряс своими косичками, — все под контролем, мон, я и я придет в Фрисайд когда я и я придет туда…

---

[36] Примечания: 36

скополамин — алкалоид, принимаемый в т. ч. в качестве лекарства от морской болезни. Оказывает угнетающее действие на ЦНС.

— Кейс, — сказала она, — ты, часом, ничего не сделал в отношении контакта с нашим другом из Берна? Ты же вроде все это время в Сионе сидел подключенный и шевелил губами?

— С другом, — сказал Кейс, — конечно. Нет. Я не сделал ничего. Но у меня случилась забавная история про все эти дела, которая осталась в Стамбуле.

Он рассказал ей про таксофоны в "Хилтоне".

— Боже, — сказала она, — это же был шанс. Как ты мог повесить трубку?

— Это мог быть кто угодно, — солгал Кейс. — просто чип… Я не знаю…

Он пожал плечами.

— Не потому что ты просто испугался, а?

Он снова пожал плечами.

— Сделай это сейчас.

— Что?

— Сейчас. По-любому, поговори с Флэтлайном об этом.

— Я весь напилюлен, — запротестовал он, но потянулся к тродам. Его дека и «Хосака» были установлены за модулем Мэлкама вместе с монитором «Крэй» сверхвысокого разрешения. Он поправил троды. Центральную часть "Маркуса Гарвея" занимал огромный старый русский очи-

ститель воздуха, прямоугольная штука, измазанная растафарианскими символами, сионскими львами и лайнерами Черной Звезды, красный, зеленый и желтый цвета, перекрывающие трафаретные кириллические надписи. Кто-то напылил на пилотное оборудование Мэлкама розовую краску яркого тропического оттенка, соскоблив затем излишки с экранов и дисплеев при помощи бритвенного лезвия. Прокладки воздушного шлюза на носу были законопачены шариками и полосками полужесткой прозрачной замазки, что было похоже на грубую имитацию свисающих водорослей.

Он взглянул через плечо Мэлкама на центральный экран и увидел стыковочный дисплей: путь буксира был обозначен линией красных точек, а Фрисайд — зеленым сегментированным кругом. Он увидел, что линия продолжает сама себя, создавая новую точку. Он подключился.

— Дикси?

— А.

— Ты когда-нибудь пробовал сломать ИИ?

— Конечно. Меня расплющило. Первый раз. Я резвился тогда очень высоко, в коммерческом секторе тяжелой промышленности в Рио. Большой биз, мультинационалы, правительство

Бразилии светилось как рождественская елка. Ну, просто резвился вокруг, понимаешь? А потом я стал замечать этот куб, наверное на три уровня выше. Подключился туда и сделал проход.

— Как это выглядело, визуально?

— Белый куб.

— Как ты узнал, что это ИИ?

— Как я узнал? Боже. Это был самый плотный лед из всех, что я видел. Так что еще это могло быть? Военные там внизу ничего такого не имеют. Ну короче, я отключился и сказал компьютеру, чтобы он проследил концы.

— Ну и?

— Это был реестр Тьюринга. ИИ. Лягушачья компания владела его вычислительной системой в Рио.

Кейс пожевал нижнюю губу и вгляделся поверх плато Ядерного Управления Восточного Побережья в бесконечную нейроэлектронную пустоту матрицы.

— Тессье-Эшпул, Дикси?

— Тессье, ага.

— И ты вернулся?

— Конечно. Я был ненормальным. Вообразил, что смогу это пробить. Ударил по первому слою, и это все, что помню. Мой подручный унюхал за-

пах жареной кожи и сорвал с меня троды. Лютое говно, этот лед.

— И твоя ЭЭГ была плоской.

— Ну, это уже вошло в легенды, да?

Кейс отключился.

— Дерьмо, — сказал он, — как, ты думаешь, Дикси расплющило, а? Пытался потормошить ИИ. Ну дела…

— Продолжай, — сказала она. — Вы вдвоем должны быть как динамит, правильно?

— Дикс, — сказал Кейс, — Я хочу взглянуть на ИИ в Берне. Ты можешь придумать хоть одну причину против?

— Если только ты патологически боишься смерти, а так нет.

Кейс пробился к швейцарскому банковскому сектору, чувствуя прилив радостного возбуждения, пока киберпространство дрожало, туманилось и расплывалось. Ядерное Управление Восточного Побережья пропало, на смену ему пришел прохладный геометрический лабиринт коммерческого банковского сектора Цюриха. Он снова ввел координаты, для Берна.

— Вверх, — сказал конструкт. — Это будет высоко.

Они поднимались сквозь световые решетки,

уровни стробировали в голубом мерцании. Вот оно, подумал Кейс. Зимнее Безмолвие был простым кубом белого света, и сама эта простота предполагала высшую сложность.

— Не очень-то много видно, да? — сказал Флэтлайн. — Но ты просто попробуй тронь его.

— Я иду на попытку, Дикси.

— Валяй.

Кейс пробился к кубу на расстояние четырех узлов решетки. Пустая грань, возвышающаяся над ним теперь, начала кипеть слабыми внутренними тенями, как будто тысячи танцоров кружились за громадным листом заиндевелого стекла.

— Знает, что мы здесь, — заметил Флэтлайн.

Кейс продвинулся дальше. Они прошли еще один узел решетки. Пунктирный серый круг образовался на грани куба.

— Дикси…

— Назад, быстро.

Серая область плавно вспучилась, стала сферой, и отделила себя от куба. Кейс почувствовал, как край деки укусил его ладонь, когда он ударил "ПОЛНЫЙ НАЗАД". Матрица затуманилась, удаляясь; они нырнули в сумеречный лес швейцарских банков. Он посмотрел вверх. Сфера теперь была

темнее и преследовала его. Падала.

— Отключайся, — сказал Флэтлайн.

Тьма молотом обрушилась на него.

Холодный запах стали, и лед ласкает его позвоночник. И лица выглядывают из неонового леса, моряки и шустрилы и шлюхи, под отравленным серебряным небом…

— Слушай, Кейс, ты мне скажешь, что за хуйня с тобой творится, у тебя крыша поехала или что?

Устойчивый пульс боли, где-то в середине его позвоночника-

Дождь пробудил его, медленная морось, его ступни запутались в кольцах выброшенного стекловолокна. Аркадное море звуков прокатывалось над ним, отступало и возвращалось. Перевернувшись, он сел и придержал голову руками.

Свет из служебного окошка позади аркады показывал ему сломанные куски сырых древесноволоконных плит и шасси распотрошенных игровых консолей, с которых капала вода. Строка японских иероглифов была нанесена через трафарет на бок консоли выцветшей розовой и желтой краской. Он взглянул вверх и увидел закопченное пластиковое окно, слабое свечение флюоресцентных ламп.

Его спина болела, его позвоночник. Он встал на ноги, отвел мокрые волосы с глаз. Что-то случилось… Он поискал денег в карманах, не нашел ничего и задрожал. Куда делась его куртка? Он попытался найти ее, заглядывал за консоли, но потом сдался. На Нинсэе он измерил толпу. Пятница. Это должна быть пятница. Линда, наверное, сейчас в аркаде. Может быть, у нее есть деньги, или хотя бы сигареты…

Кашляя и выжимая дождевую воду из переда своей рубашки, он протиснулся сквозь толпу ко входу в аркаду. Голограммы изгибались и вздрагивали в такт игровому реву, призраки накладывались друг на друга в дымке столпотворения, запах пота и скучающего напряжения. Моряк в белой футболке испепелил Бонн на консоли Танковой Войны, лазурная вспышка. Она играла в Замок Волшебника, потерянная в нем, ее серые глаза неряшливо обведены черной тушью. Она посмотрела вверх и он положил свою руку поверх ее, улыбнулся.

— Эй. Как поживаешь? Похоже, промок.

Он поцеловал ее.

— Из-за тебя игру продула, — сказала она. — Посмотри, засранец. Темница седьмого уровня, и проклятые вампиры меня сделали. — Она дала

ему сигарету. — Ты выглядишь очень взвинченным. Где ты был?

— Я не знаю.

— Ты торчишь, Кейс? Снова пьешь? Ешь Зоуновские дексы?

— Может быть… сколько времени прошло, когда мы виделись?

— Эй, это розыгрыш, да? — Она уставилась на него. — Правильно?

— Нет. Что-то вроде отключки. Я… я проснулся в аллее.

— Наверно, кто-то приложил тебя, малыш. Деньги остались?

Он покачал головой.

— Ну так и есть. Тебе нужно место чтобы поспать, Кейс?

— Наверно, да.

— Ну тогда пошли. — Она взяла его руку. — Мы тебе достанем кофе и чего-нибудь поесть. Заберем тебя домой. Здорово видеть тебя, слышь.

Она сжала его руку. Он улыбнулся. Что-то треснуло. Что-то сдвинулось в сердцевине вещей. Аркада замерзла, вибрируя-

Она исчезла. Вернулась тяжесть воспоминаний, целый массив знания вошел в его голову, словно микробанк в разъем. Исчезла. Он чув-

ствовал запах горелого мяса. Исчез моряк в белой футболке.

Аркада была пустой, тихой. Кейс медленно повернулся, его плечи ссутулились, зубы оскалились, непрозвольно сжались кулаки. Пусто. Мятая обертка от леденца, балансировавшая на краю консоли, слетела на пол и улеглась промеж утоптанных окурков и стиропластовых стаканчиков.

— У меня была сигарета, — сказал Кейс, глядя вниз на сжатый до белых костяшек кулак. — У меня была сигарета и девушка и место где спать. Ты слышишь меня, сукин сын? Ты слышишь?

Эхо гуляло в пустоте аркады, теряясь вдали коридора консолей.

Он вышел на улицу. Дождь прекратился. Нинсэй был безлюден. Мелькали голограммы, танцевал неон. Он почуял запах вареных овощей от передвижной тележки на улице. Запечатанная пачка «Ехэюань» лежала у его ног, рядом с коробкой спичек. ДЖУЛИУС ДИАН ИМПОРТ ЭКСПОРТ. Кейс уставился на печатный логотип и его японскую транскрипцию.

— Окей, — сказал он, подбирая спички и открывая пачку сигарет. — Я слышу тебя.

Он не спеша поднялся по ступенькам до офиса

Диана. Не торопись, говорил он себе, не спеши. Провисший циферблат часов Дали все так же показывал неправильное время. Пыль лежала на столике Кандинского и нео-ацтекских книжных полках. Стена белых стекловолоконных грузовых контейнеров наполняла комнату запахом имбиря.

— Дверь заперта? — Кейс подождал ответа, но тот не пришел. Он пересек офис до двери и попробовал открыть ее.

— Джули?

Лампа с зеленым абажуром отбрасывала круг света на рабочий стол Диана. Кейс рассмотрел внутренности древней печатной машинки, кассеты, измятые распечатки, липкие пластиковые пакеты, наполненные образцами имбиря. Здесь никого не было. Кейс обошел широкий стальной стол и оттолкнул с пути кресло Диана. Он нашел пистолет в потрескавшейся кожаной кобуре, прикрепленной к низу столешницы серебристой лентой. Это был старинный.357 Магнум со спиленными дулом и предохранительной скобой. Рукоять была обмотана многими слоями изоленты.

Лента была старой, коричневой, блестящей от налета грязи. Он вытряхнул цилиндр и об-

следовал все шесть патронов. Они были ручной сборки. Мягкий свинец был все еще ярким и неокисленным. С револьвером в правой руке Кейс обошел секретер слева от стола и шагнул в центр захламленного офиса, вне светового круга.

— Мне кажется, что торопиться некуда. Мне кажется, это твое шоу. Но все это говно, ты знаешь, оно становится вроде как… не новым. — Он поднял пистолет обеими руками, целясь в центр стола, и нажал спусковой крючок.

Отдача чуть не сломала ему запястье. Огонь из ствола осветил офис наподобие лампы-вспышки. Со звенящими ушами он уставился на рваную дыру в передней части стола. Разрывная пуля. Азид. Он снова поднял пистолет.

— Тебе не нужно это делать, сынок, — сказал Джули, выходя из теней. Он носил ниспадающий костюм-тройку из шелка "в елочку", полосатую рубашку и галстук. Его очки блеснули на свету. Кейс повернул пистолет и нацелил его на розовое, без признаков возраста, лицо Диана.

— Не надо, — сказал Диан. — Ты прав. Насчет того, что все это значит. Насчет того, кто я такой. Но есть определенная внутренняя логика, которая должна учитываться. Если ты выстрелишь, ты увидишь много мозгов и крови, и мне понадобит-

ся несколько часов — по твоему субъективному времени — чтобы воссоздать другую личность для разговора. Для меня нелегко поддерживать эту обстановку. О, и еще я извиняюсь за Линду, в аркаде. Я надеялся поговорить через нее, но я генерирую все это из твоих воспоминаний, и эмоциональный заряд… В общем, это очень сложно. Я поскользнулся. Извини.

Кейс опустил пистолет.

— Это матрица. Ты Зимнее Безмолвие.

— Да. Ты воспринимаешь это все благодаря симстим-модулю, присоединенному к твоей деке, конечно же. Я рад, что мне удалось перехватить тебя до того, как тебе удалось отключиться. — Диан обошел стол, выровнял свой стул и сел. — Садись, сынок. Нам надо о многом поговорить.

— Нам надо?

— Конечно. Надо было уже давно. Я был готов, когда достал тебя по телефону в Стамбуле. Теперь времени остается очень мало. Ты начнешь набег через несколько дней, Кейс.

Диан подобрал леденец, развернул его из клетчатой бумажки и бросил в рот.

— Сядь, — сказал он, посасывая леденец. Кейс опустился в кресло-качалку перед столом, не спуская глаз с Диана. Он сел, положив руку с пи-

столетом на бедро.

— Теперь, — живо сказал Диан, — главное блюдо дня. Что такое, ты спрашиваешь себя, Зимнее Безмолвие? Я прав?

— Более или менее.

— Искусственный интеллект, но ты знаешь это. Ты ошибся, хотя и вполне логично, когда принял вычислительную систему Зимнее Безмолвие в Берне за собственно Зимнее Безмолвие как сущность. — Диан шумно пососал леденец. — Ты уже осведомлен о другом ИИ в связи с Тессье-Эшпулами, не так ли? Рио. Я, насколько я могу иметь это «Я» — это скорее из области метафизики, ты понимаешь — я тот, кто устраивает дела для Армитажа. Или Корто, кто, между прочим, весьма нестабилен. Но будет достаточно стабилен, — сказал Диан, вынул из жилетного кармана аляповатые золотые часы и откинул их крышку, — еще один день или вроде того.

— Ты в этом деле всем заправляешь, — сказал Кейс, массируя виски свободной рукой. — Если же такой черти-какой умный…

— Почему я не богатый? — Диан засмеялся, и чуть не подавился конфетой. — Ну, Кейс, все что я могу на это ответить, и у меня правда не так много ответов, как ты можешь вообразить, это

то, что ты принимаешь за Зимнее Безмолвие, является всего лишь частью другой, скажем, более мощной сущности. Я скажем так, всего лишь один аспект разума той сущности. Это похоже на ведение дел, с твоей точки зрения, с человеком, у которого удалены некоторые доли мозга. Скажем, ты общаешься с малой частью левого полушария мозга человека. Трудно сказать, что ты общаешься с целым целовеком, в этом случае.

Диан улыбнулся.

— История Корто — правда? Ты добрался до него через микрокомпьютер в том французском госпитале?

— Да. И я составил файл, который ты открыл в Лондоне. Я пытаюсь планировать, в твоем понимании этого слова, но это не мой основной режим, на самом деле. Я импровизирую. Это мой величайший талант. Я предпочитаю иметь ситуации, чем планы, понимаешь… В действительности, я должен был играть тем, что дано. Я могу сортировать внушительные объемы информации, и сортировать очень быстро. Потребовалось очень много времени, чтобы собрать команду, часть которой — ты. Корто был первым, и он еле выкарабкался. В Тулоне его личность находилась очень далеко. Лучшее, на что он был способен

— это есть, испражняться и мастурбировать. Но подложка его помешательства была там: Кричащий Кулак, его предательство на слушаниях Конгресса.

— Он все еще сумасшедший?

— Он не целая личность. — Диан улыбнулся. — Но я уверен, ты в курсе этого. Но Корто там, где-то внутри, и я не могу больше поддерживать это тонкое равновесие. Скоро он покинет тебя, Кейс. Так что я буду рассчитывать на тебя…

— Это хорошо, пидарас, — сказал Кейс и выстрелил ему в рот из.357.

Диан был прав насчет мозгов. И крови.

— Мон, — сказал Мэлкам, — мне не нравится это…

— Все путем, — сказала Молли. — Все окей. С этими парнями такое иногда случается, всего-навсего. Типа, он не был мертвым, он просто вырубился на несколько секунд…

— Я смотрел экран, ЭЭГ была мертвой. Ничего не шевелилось, сорок секунд.

— Ну сейчас-то он окей.

— ЭЭГ плоская как шнурок, — протестовал Мэлкам.

10

Он был оцепеневшим, пока они проходили через таможню, и Молли говорила за него по большей части. Мэлкам остался на борту «Гарвея». Проход через таможню на Фрисайде заключался главным образом в доказательстве платежеспособности. Первым, что он увидел после прибытия на внутреннюю поверхность веретена, был филиал кофейной франшизы "Красавица".

— Добро пожаловать на Рю Жюль Верн, — сказала Молли. — Если есть проблемы с ходьбой, просто смотри на свои ступни. Перспектива сучья, если не привык.

Они стояли на широкой улице, которая казалась дном глубокой впадины или каньона, оба ее конца скрывались под небольшими углами в магазинах и зданиях, образующих стены. Свет здесь сочился сквозь свежие зеленые массы растений, выступающие из верхних уровней и балконов, что возвышались над ними. Солнце…

Где-то над ними был бриллиантовый рубец белого, слишком яркий, и записанная синева каннского неба. Он знал, что свет исходит из

системы Ладо-Эксон[37], двухмиллиметровая арматура которой проходила по всей длине веретена, и что они генерировали вращающийся калейдоскоп небесных эффектов вокруг нее, и что если бы небо было выключено, он бы мог увидеть вверху, за световой арматурой, изгибы озер, крыши казино, другие улицы…

Но это ничего не говорило его телу.

— Боже, — сказал он, — мне это нравится еще меньше, чем СКА.

— Привыкай. Я была здесь телохранителем одного игрока целый месяц.

— Пойти бы куда-нибудь, залечь.

— Ладно. У меня есть наши ключи. — Она тронула его плечо. — Что с тобой случилось, там, парень? Тебя расплющило.

Он покачал головой.

— Я не знаю, пока. Погоди.

— Окей. Мы ловим кэб или что-нибудь.

Она взяла его за руку и повела по Рю Жюль Верн, мимо витрины, демонстрирующей парижские меха этого сезона.

— Нереально, — сказал он, снова взглянув

---

[37] Примечания: 37

Эдвард Эксон (Edward Acheson, 1856–1931) — американский изобретатель, работавший с Томасом Эдиссоном над созданием лампы накаливания и в дальнейшем получивший материал карборунд.

вверх.

— Неа, — ответила она, посчитав, что он имел в виду мех, — они растят его на коллагеновой основе, но это ДНК норки. Какая тогда разница?

— Это просто большая труба, и они просеивают сквозь нее вещи, — сказала Молли. — Туристы, шустрилы, все что угодно. И каждую минуту работают тонкие денежные сита, чтобы задерживать деньги, когда люди падают назад в колодец.

Армитаж зарегистрировал их в месте, называемом «Интерконтиненталь», покатом горном склоне со стеклянным фасадом, который соскальзывал вниз, в прохладный туман и звуки скоростного транспорта. Кейс вышел на их балкон и наблюдал, как трио загорелых французских подростков ездило на простых парящих глайдерах в нескольких метрах над брызгами водяной пыли, треугольники нейлона ярких первичных цветов. Один из них развернулся, наклонился, и перед Кейсом мелькнули стриженые темные волосы, коричневые груди, белые зубы в широкой улыбке. Воздух здесь пах бегущей водой и цветами.

— Да, — сказал он, — куча денег.

Она облокотилась рядом с ним на перила, свободно расслабив руки.

— Да. Мы собирались сюда как-то раз, или сюда или куда-нибудь в Европу.

— Мы — кто?

— Никто, — сказала она, непроизвольно пожав плечом. — Ты говорил, что хочешь в кровать. Спать. Я бы тоже поспала.

— Да, — сказал Кейс, потирая ладонями скулы. — Да, здесь местечко как раз.

Узкая полоса системы Ладо-Эксон тлела абстрактной имитацией какого-то бермудского заката, затянувшись грядами слабых облаков.

— Да, — сказал он, — спать.

Сон не приходил. Когда же он пришел, то принес сновидения, похожие на аккуратно отредактированные сегменты памяти. Он постоянно просыпался, Молли лежала свернувшись рядом с ним, и слушал воду, голоса, вплывающие через открытую стеклянную панель балкона, женский смех из уступчатых кондо на противоположном склоне. Смерть Диана все являлась ему, как плохая карта, хотя он и говорил себе, что это был не Диан. Что это, на самом деле, не случалось вообще. Кто-то однажды рассказал ему, что количество крови в среднем человеческом теле примерно равно ящику пива. Каждый раз, когда видение осколков головы Диана ударяло в зад-

нюю стенку офиса, Кейс улавливал другую мысль, что-то более темное, спрятанное, что ускользало, погружалось как рыба, вне его постижения.

Линда.

Диан. Кровь на стене офиса импортера. Линда. Запах сожженной плоти в потемках купола Чибы. Молли протягивает пакетик имбиря, пластик залит кровью. Диан убил ее. Зимнее Безмолвие. Он вообразил маленький микрокомпьютер, нашептывающий на ухо руине человека по имени Корто, слова текут рекой, плоская подмена личности, называемая Армитаж, медленно нарастает в какой-то темной больничной палате…

Аналог Диана сказал, что он работает с тем, что дано, извлекает выгоду из существующих ситуаций. Но что если Диан, настоящий Диан, приказал убить Линду по приказу Зимнего Безмолвия?

Кейс нашарил в темноте сигарету и зажигалку Молли.

Не было причин подозревать Диана, сказал он себе, закуривая. Нет причин. Зимнее Безмолвие мог построить подобие личности в скорлупе. Насколько тонкую форму может принять манипуляция? Он забил «Ехэюань» в постельную пепельницу после третьей затяжки, отвернулся от Молли, и попытался заснуть.

Сон, воспоминания, непрерывно-монотонные, как неотредактированная симстим-запись. Он провел месяц, свое пятнадцатое лето, в отеле с понедельной оплатой, на пятом этаже, с девушкой по имени Марлен. Лифт не работал с десяток лет. Тараканы кишели на сероватом фарфоре в кухоньке с пересохшими кранами, когда включался свет. Он спал с Марлен на полосатом матраце без простыней.

Он прозевал первую осу, когда она построила свой тонкий как бумага серый домик на вздувшейся краске оконной рамы, но скоро гнездо стало комом волокна размером с кулак, насекомые мчались наружу, на охоту в алеею внизу, как миниатюрные вертолеты, жужжащие среди гниющего содержимого мусорных баков.

Они выпили каждый по по дюжине пива, в тот вечер, когда оса укусила Марлен. "Замочи уёбков," сказала она, ее глаза были отупевшими от ярости и неподвижной жары в комнате, "сожги их." Пьяный, Кейс выискал в грязном туалете «дракона» Ролло. Ролло был предыдущим — и, Кейс временами догадывался, все еще оставался от случая к случаю — парнем Марлен, огромным байкером из Фриско с белой молнией, вытравленной на его темной стрижке под ежик. «Дракон» был ог-

неметом, штукой наподобие толстого фонарика с изогнутой головой. Кейс проверил батареи, встряхнул его, чтобы убедиться в достаточном наличии горючего, и подошел к открытому окну. Улей начал гудеть. Воздух в Муравейнике был мертв, неподвижен. Оса вылетела из гнезда и облетела голову Кейса. Кейс нажал выключатель зажигания, досчитал до трех, и нажал на спусковой крючок. Горючее, под давлением 100 фунтов на квадратный дюйм, распылилось на раскаленную добела спираль. Пятиметровый язык бледного огня, гнездо обуглилось, покатилось. На алее кто-то вскрикнул.

"Черт!" закричала Марлен позади него, раскачиваясь. "Дурак! Ты их не сжег. Ты просто сбил их. Они поднимутся сюда и убьют нас!" Ее голос пилил ему нервы, он вообразил ее объятую пламенем, ее осветленные волосы опаляются особенно зеленым цветом.

В аллее, с «драконом» в руке, он приблизился к почерневшему гнезду. Оно было разворочено. Обожженные осы корчились и вертелись на асфальте.

Он увидел то, что скрывала оболочка из черной бумаги. Ужас. Спиральная фабрика рождения, ступенчатые террасы инкубационных камер,

слепые челюсти нерожденных, нескончаемо жующие, пошаговый прогресс от яйца до личинки, до полуосы, до осы. В его внутреннем зрении возникло что-то вроде процесса ускоренной съемки, раскрывающего всю штуковину как биологический эквивалент пулемета, отвратительный в своем совершенстве. Чужие. Он нажал на спусковой крючок, забыв включить зажигание, и горючее разлилось на бугрящуюся, корчащуюся жизнь у его ног.

Когда он включил зажигание, гнездо взорвалось, опалив его брови огненным шаром. Пятью этажами выше, из открытого окна, он слышал, как смеется Марлен.

Он проснулся с впечатлением гаснущего света, но комната была темна. Остаточные изображения, всполохи на сетчатке. Небо снаружи подавало признаки начала записанного рассвета. Сейчас голоса были не слышны, только вода, далеко внизу фасада «Интерконтиненталя». Во сне, прямо перед тем как он залил гнездо горючим, он увидел логотип «Т-А» Тессье-Эшпулов, аккуратно впечатанный в его бок, как будто сами осы изготовили его.

Молли настояла на покрытии его автозагаром, сказав, что его муравейническая бледность мо-

жет привлечь слишком много внимания.

— Боже, — сказал он, стоя голым перед зеркалом, — ты думаешь, это выглядит настощим? — Она втирала остаток содержимого тюбика в его левую лодыжку, стоя на коленях рядом с ним.

— Неа, но зато это выглядит, будто ты заботишься хотя бы о фальшивом загаре. Ну вот. Не хватило на твою ступню.

Она встала, отбросив пустой тюбик в большую плетеную корзину. Ничего в комнате, казалось, не было сделано на машинах или из синтетики. Дорого, Кейс знал, но этот стиль всегда раздражал его. Темперлон на огромной кровати имел оттенок песка. Вокруг было много светлого дерева и сотканной вручную материи.

— А как насчет тебя, — спросил он, — ты собираешься краситься в коричневый? Не очень-то похоже, что ты провела все свое время на пляже.

Она носила свободное одеяние из черного шелка и черные эспадрильи[38].

— Я буду экзотикой. У меня для этого и здоровая соломенная шляпа есть. А ты, ты будешь выглядеть просто как дешевый лох, который тратится на то, что может, так что мгновенный загар тебе

---

[38] Примечания: 38
эспадрильи — сандалии на веревочной подошве.

сойдет.

Кейс угрюмо уставился на свою мертвенно-бледную ступню, затем осмотрел себя в зеркале.

— Боже. Не возражаешь, если я оденусь?

Он прошел к кровати и начал натягивать джинсы.

— Ты нормально спала? Не заметила никакого огня?

— Тебе что-то снилось, — сказала она.

Они позавтракали на крыше отеля, подобии поляны, уставленной полосатыми зонтиками, и, как показалось Кейсу, ненатуральным количеством деревьев. Он рассказал ей о своей попытке пощупать бернский ИИ. Сам вопрос о жучках стал уже академическим. Если Армитаж прослушивал их, то делал это через Зимнее Безмолвие.

— И это было как в реальности? — спросила она, набив рот сырным круассаном. — Как симстим?

Он сказал, что было.

— Реально, как это, — добавил он, оглядываясь вокруг. — Может быть, еще больше.

Деревья были маленькими, узловатыми, невероятно старыми, результат генной инженерии и химических манипуляций. Кейса трудно было заставить отличить сосну от дуба, но чувство стиля уличного пацана говорило ему, что деревья были

слишком милыми, слишком полно и однозначно древесными. Между деревьями, на изящных и слишком разумно неправильных склонах с сочной зеленой травой, яркие зонтики укрывали гостей отеля от бесперебойного излучения системы Ладо-Эксон. Отрывок французского разговора донесся от ближайшего столика и привлек его внимание: золотая молодежь, которую он раньше видел на глайдерах над речным туманом прошлым вечером. Теперь он разглядел, что их загар был неравномерным, трафаретный эффект создавался избирательным выделением меланина, множественные оттенки накладывались прямолинейным узором, обводя и подчеркивая мускулатуру; крепкие маленькие груди девушки, запястье одного из парней покоится на белой эмали стола. Кейсу они казались машинами, построенными для гонок; они должны были нести на себе логотипы своих парикмахеров, дизайнеров их белых парусиновых брюк, мастеровых, изготовивших их кожаные сандалии и простые украшения. Позади них, за другим столиком, трое японских жен в хиросимских платьях-рубашках ожидали своих мужей-сарариманов, их овальные лица были покрыты искусственными синяками; это был, как он знал, экстремально консерватив-

ный стиль, какой он редко видел в Чибе.

— Чем это пахнет? — спросил он у Молли, морща нос.

— Трава. Так она пахнет, когда скошена.

Армитаж и Ривьера пришли, когда они уже допивали кофе, Армитаж в простом строгом хаки, которое создавало впечатление, что все полковые нашивки только что были сорваны, Ривьера в свободном сером полосатом костюме, который извращенно напоминал тюрьму.

— Молли, любовь моя, — сказал Ривьера перед тем как опуститься в кресло, — тебе придется вспомоществовать мне еще немного лекарства. Я пустой.

— Питер, — сказала она, — а что если я не дам?

Она улыбнулась, не показывая зубов.

— Ты дашь, — сказал Ривьера, его глаза метнулись к Армитажу и обратно.

— Дай ему, — сказал Армитаж.

— Как свинье помоев хочется, да? — Она вынула плоский, обернутый фольгой пакет из внутреннего кармана и бросила его через стол. Ривьера поймал его на полпути.

— Он так себя убить может, — сказала она Армитажу.

— У меня встреча этим вечером, — сказал Ри-

вьера. — Мне потребуется быть в лучшей форме.

Он положил пакет в сложенную чашкой ладонь и улыбнулся. Маленькие светящиеся насекомые роем выбежали из-под фольги и пропали. Он бросил пакет в карман своей полосатой блузы.

— У тебя встреча сегодня в обед, Кейс, — сказал Армитаж. — На том буксире. Я хочу, чтобы ты сходил в магазин спецодежды и достал себе вакуумный костюм, проверил его, и отправился на корабль. У тебя есть около трех часов.

— Как вышло, что мы прибыли сюда на говновозе, а вы двое заказали такси JAL? — спросил Кейс, намеренно избегая встречного взгляда.

— Сион предложил нам использовать буксир. Хорошее прикрытие, когда мы движемся. У меня готовится корабль побольше, но буксир — это неплохо.

— Как насчет меня? — спросила Молли. — Будет работа по дому сегодня?

— Я хочу, чтобы ты прогулялась на дальний конец оси, поразминайся в нулевой гравитации. Завтра, может быть, ты прогуляешься в противоположном направлении.

Блуждающий Огонек, подумал Кейс.

— Как скоро? — спросил Кейс, встречая тусклый взгляд.

— Скоро, — сказал Армитаж. — Собирайся, Кейс.

— Мон, ты полный порядок, — сказал Мэлкам, помогая Кейсу выбраться из красного вакуумного костюма «Санио». — Аэрол говорит, ты полный порядок.

Аэрол ждал у одного из спортивных доков в конце веретена, недалеко от оси невесомости. Для ее достижения Кейс спустился на лифте вниз по корпусу и проехался ни миниатюрном индукционном поезде. По мере того как уменьшался диаметр веретена, гравитация понижалась; где-то над ним, решил он, должны быть горы, по которым карабкается Молли, кольцо велодрома, пусковая установка для парящих глайдеров и микросамолетов. Аэрол переправил его на "Маркус Гарвей" на скелетной раме скутера с химическим двигателем.

— Два часа назад, — сказал Мэлкам, — Я взял посылку вавилонских товаров для тебя; вежливый японский парень в яхте, оч' красивая яхта.

Освобожденный от костюма, Кейс оживленно подтолкнул себя к «Хосаке» и забрался в ремни сетки.

— Ну-ка, — сказал он, — посмотрим-ка.

Мэлкам извлек белый ком пеноматериала слег-

ка меньше головы Кейса, выудил из набедренного кармана своих рваных шорт пружинный нож с жемчужной рукояткой на зеленом нейлоновом шнурке, и осторожно разрезал пластик. Он извлек прямоугольный объект и передал его Кейсу.

— Это часть какая-то пушка, мон?

— Нет, — ответил Кейс, переворачивая предмет, — но это оружие. Это вирус.

— Не на моем буксире, мон, — твердо сказал Мэлкам, потянувшись к стальной кассете.

— Программа. Вирусная программа. Не может попасть в тебя, не может даже попасть в твои программы. Я должен управлять ей через деку, перед тем как она сможет что-то делать.

— Хорошо, японец-мон, он говорит, что Хосака здесь скажет тебе все, что и как и где, что хочешь знать.

— Окей. Ну, теперь ты оставь меня, ладно?

Мэлкам оттолкнулся и проплыл за пилотскую консоль, возясь с пистолетом для заделки трещин. Кейс поспешно отвернулся от качающихся лиан прозрачной замазки. Он не был уверен отчего, но что-то в них вызывало тошноту как от СКА.

— Что это за штука? — спросил он «Хосаку». — Посылка для меня.

— Передача данных из Бокрис Системс ГмбХ, Франкфурт, сообщает, в режиме кодирования, что содержимое посылки — программа проникновения класса Куань уровня Одиннадцать. Бокрис далее сообщает, что интерфейс с Оно-Сэндай Киберспейс 7 полностью совместим и достигает оптимальных возможностей проникновения, особенно в отношении существующих военных систем…

— Как насчет ИИ?

— Существующих военных систем и искусственных интеллектов.

— Иисус Христос. Как ты его назвал?

— Класс Куань уровень Одиннадцать.

— Он китайский?

— Да.

— Выключись. — Кейс прикрепил кассету с вирусом к боку «Хосаки» с помошью отрезка серебристой ленты, вспоминая историю Молли о ее дне в Макао. Армитаж был за границей в Чжуньшане.

— Включись, — сказал он, передумав. — Вопрос. Кто владеет Бокрисом, люди во Франкфурте?

— Задержка для межорбитальной передачи, — сказала Хосака.

— Закодируй это. Стандартный коммерческий

код.

— Сделано.

Он побарабанил пальцами по "Оно-Сэндаю".

— Рейнольд Сайнтифик А.Г., Берн.

— Еще раз. Кто владеет Рейнольдом?

Еще три прыжка вверх по ступеням, и они достигли Тессье-Эшпулов.

— Дикси, — сказал он, подключаясь, — что ты знаешь о китайских вирусных программах?

— Да ни хрена не знаю.

— Когда-нибудь слышал о системе класса Куань, уровень одиннадцать?

— Нет.

Кейс вздохнул.

— В общем, у меня тут китайский ледоруб с дружественным интерфейсом, все в одной кассете. Некоторые люди во Франкфурте говорят, что он может пробить ИИ.

— Возможно. Конечно. Если он военный.

— Похоже на то. Слушай, Дикс, и помогай своими знаниями, хорошо? Армитаж вроде готовит набег на ИИ, принадлежащий Тессье-Эшпулам. Вычислительная система находится в Берне, но она связана с другой такой же в Рио. Тот, что в Рио, расплющил тебя, в первый раз. Так что похоже, что они связаны через Блуждающий Огонек, до-

машнюю базу Т-А, в самом конце веретена, и мы, предполагается, должны вломиться туда с помощью китайского ледоруба. Так что если Зимнее Безмолвие управляет всем шоу, он платит нам за то, чтобы мы сожгли его. Он сжигает сам себя. И иногда то, что зовет себя Зимним Безмолвием, пытается быть на моей стороне, пытается заставить меня, может быть, подставить Армитажа. Что происходит?

— Мотивация, — сказал конструкт. — Реальная проблема с мотивацией, у этих ИИ. Не люди, понимаешь?

— Ну, да, очевидно.

— Нифига. Я имею в виду, оно не человек. И ты не можешь за него ухватиться. Я вот, тоже не человек, но я веду себя как таковой. Понимаешь?

— Погоди секунду, — сказал Кейс. — Ты существо или нет?

— Ну, это ощущается, как будто да, малец, но в реальности я всего лишь куча постоянной памяти. Это один из этих, ээ, философских вопросов, я думаю…

Мерзкое ощущение смеха промчалось вдоль позвоночника Кейса.

— Но я вряд ли тебе напишу поэму, если ты улавливаешь, о чем я. Твой ИИ, он запросто мог

бы. Но он ни в какую не человек.

— Так ты думаешь, что мы никак не распознаем его мотивы?

— Он принадлежит себе?

— Швейцарский гражданин, но Т-А принадлежит основное программное обеспечение и вычислительная система.

— Вот это забавно, — сказал конструкт. — Типа, мне принадлежит твой мозг и все, что ты знаешь, но твои мысли имеют швейцарское гражданство. Конечно. Везет же этим ИИ.

— Так он готовится к самосожжению? — Кейс начал стучать по деке нервно, беспорядочно. Матрица затуманилась, восстановилась, и он увидел комплекс розовых сфер, представляющий сиккимский[39] сталеплавильный концерн.

— Автономия, вот фишка, которой озабочены все ИИ. Моя догадка, Кейс, это вы идете туда, чтобы разбить жестко установленные кандалы, которые удерживают это дитя от дальнейшего поумнения. И я не знаю, как ты мог бы различить, скажем, действие, которое предпринимает родительская компания, и действие, которое

---

[39] Примечания: 39

Сикким — небольшой, в основном сельскохозяственный штат Индии. Упоминание о сталеплавильном концерне, возможно, имело цель подчеркнуть изменение роли Индии в промышленности будущего.

предпринимает ИИ сам по себе, так что здесь, наверное, начинается путаница. — Снова несмех. — Знаешь, эти штуки, они могут работать очень круто, покупать себе время для написания поваренных книг или еще чего, но в ту же минуту, я имею в виду, наносекунду, когда оно начинает догадываться о том, как стать умнее, Тьюринг сотрет его. Никто не доверяет этим уёбкам, ты это знаешь. Каждый построенный ИИ имеет электромагнитный дробовик, привязанный ко лбу.

Кейс пристально смотрел на розовые сферы Сиккима.

— Окей, — сказал он наконец, — я вставляю вирус. Я хочу, чтобы ты просканировал его инструкции и сказал мне, что ты думаешь.

Полу-чувство кого-то, читающего поверх его плеча, исчезло на несколько секунд, затем вернулось.

— Горячее дерьмецо, Кейс. Это медленный вирус. Требует шести часов, примерно, для взлома военной цели.

— Или ИИ. — Он вздохнул. — Мы можем запустить его?

— Конечно, — ответил конструкт, — разве что у тебя патологический страх смерти.

— Иногда ты повторяешься, мужик.

— Такова моя натура.

Молли спала, когда он вернулся в «Интерконтиненталь». Он сел на балконе и наблюдал за микросамолетом с радужными полимерными крыльями, как тот воспарял по изгибу Фрисайда, его треугольная тень скользила по лужайкам и крышам, пока не исчезла за полосой системы Ладо-Эксон.

— Я хочу вмазаться, — сказал он голубой искусственности неба. — Я честно хочу заторчать, ты понимаешь? Трюки с поджелудочной, затычки в печени, маленькие капсулы с дерьмом тают, да ебать это все. Я хочу вмазаться.

Он ушел, не разбудив Молли, как ему показалось. Он никогда не был в этом уверен, из-за ее очков. Он стряхнул напряжение с плеч и зашел в лифт. Он поднялся наверх вместе с итальянской девушкой в безупречно белой одежде, скулы и нос намазаны чем-то черным и неблестящим. У ее белых нейлоновых туфель были стальные накладки на подошвах; дорогостоящая вещица в ее руках напоминала помесь миниатюрного весла и ортопедической скобы. Она направлялась на быструю игру или что-то еще, но у Кейса не было никаких догадок. На крыше-поляне он прошел через рощу деревьев и зонтов и нашел бассейн,

обнаженные тела отблескивали на бирюзовой плитке. Он устроился в тени навеса и прижал кредитку к темной стеклянной панели.

— Суси, — сказал он, — какие есть.

Десятью минутами позже прибыл старательный китайский официант с его едой. Он жевал сырого тунца с рисом и смотрел на загорающих людей.

— Боже, — сказал он своему тунцу, — я свихнусь.

— Не говори, — сказал кто-то, — я уже и так знаю. Ты гангстер, правильно?

Он скосился вверх на нее, против солнечного света. Длинное юное тело и меланиновый загар, но не парижской работы. Она заняла место рядом с его креслом, роняя воду на плитку.

— Кэт, — сказала она.

— Люпус, — после паузы.

— Что это за имя?

— Греческое, — сказал он.

— Ты правда гангстер? — Выделение меланина не остановило образования веснушек.

— Я наркоман, Кэт.

— Какого типа?

— Стимуляторы. Стимуляторы центральной нервной системы. Крайне мощные стимуляторы

центральной нервной системы.

— Ну, так у тебя есть что-нибудь? — Она наклонилась ближе. Капли хлорированной воды упали на его брючину.

— Нет. В этом-то моя проблема, Кэт. Ты знаешь, где мы можем это достать?

Кейт качнулась назад на загорелых пятках и лизнула прядь коричневатых волос, которая прибилась к краю ее рта.

— Что любишь?

— Ни кокса, ни амфетаминов, но заторчать, надо заторчать.

И хватит об этом, мрачно подумал он, сохраняя для нее улыбку.

— Бетафенетиламин, — сказала она. — Легко, но с твоего чипа.

— Да ты шутишь, — сказал дружок Кэт и сосед по комнате, когда Кейс объяснил особенности строения своей поджелудочной из Чибы. — Я имею в виду, ты их можешь засудить или как? Преступная небрежность врачей?

Его звали Брюс. Он выглядел как версия Кэт противоположного пола, вплоть до веснушек.

— Ну, — сказал Кейс, — это только одна из вещей, понимаешь? Типа подбор совместимых тканей и все такое.

Но глаза Брюса уже оцепенели от скуки. Период внимания как у комара, подумал Кейс, наблюдая за коричневыми глазами парня. Их комната была меньше той, что Кейс делил с Молли, и на другом этаже, ближе к поверхности. Пять огромных постеров Талли Ишем были приклеены к балконному стеклу, наводя на мысль о долговременном проживании.

— Нравятся? — спросила Кейт, заметив, что он смотрит на пленки. — Мои. Сняла их в пирамиде С/Н, в последний раз, когда мы спускались в колодец. Она была вот так близко, и просто улыбалась, так натурально. А потом там было плохо, Люпус, на следующий день, когда эти террористы Христа-Правителя запустили ангела в воду, ты знаешь?

— Да, — сказал Кейс, внезапно напрягшись, — страшная вещь.

— Короче, — вмешался Брюс, — насчет этого бета, что ты хочешь купить…

— Вопрос в том, смогу ли я метаболизировать это? — Кейс поднял брови.

— Скажу тебе вот что, — предложил парень. — Ты пробуешь. Если твоя поджелудочная пропускает это, то за счет заведения. Первый раз — бесплатно.

— Я такое уже слышал, — сказал Кейс, беря яркий голубой дерм, который Брюс передал через черную кровать.

— Кейс? — Молли села в кровати и отбросила волосы с линз.

— Кто ж еще, дорогая?

— Что это в тебя вселилось? — зеркала провожали его по всей комнате.

— Я забыл как это произносится, — сказал он, доставая из нагрудного кармана туго свернутую полоску упакованных в блистеры голубых дермов.

— Боже, — сказала она, — ну просто то, что нам надо было.

— Правдивее слов не говорилось.

— Я с тебя выпустила из виду на два часа, а ты уже вмазался. — Она покачала головой. — Надеюсь, ты будешь готов к сегодняшнему большому ужину с Армитажем. В этом "Двадцатом Веке". Придется еще и смотреть, как Ривьера выступает со своими фокусами.

— Ага, — сказал Кейс, выгибая спину, его улыбка застыла в блаженстве, — великолепно.

— Слышь, — сказала она, — если то, что у тебя там, обошло защиту, которую тебе сделали хирурги из Чибы, тебе настанет просто полная жопа,

когда оно кончится.

— Бля, бля, бля, — сказал он, расстегивая ремень. — Страшный суд-шмуд, все время только это и слышу.

Он снял штаны, рубашку, белье.

— Я думаю, тебе следует позаботиться о том, чтобы извлечь побольше выгоды из моего неестественного состояния. — Он посмотрел вниз. — Я имею в виду, посмотри на это неестественное состояние.

Она засмеялась.

— Это долго не продержится.

— Продержится, — сказал он, забираясь на песочный темперлон, — потому-то оно и неестественное.

11

— Кейс, что с тобой? — сказал Армитаж, когда официант усаживал их за его стол в "Вантьем Сиэкль"[40]. Это был самый маленький и самый дорогой из нескольких плавучих ресторанов на небольшом озере недалеко от "Интерконтинен-таля".

Кейс содрогнулся. Брюс ничего не сказал об отходняке. Он попытался взять стакан ледяной воды, но его руки дрожали.

— Наверно, съел что-нибудь.

— Я хочу, чтобы тебя проверил медик, — сказал Армитаж.

— Да это просто аллергическая реакция, — соврал Кейс. — Появляется, когда я езжу, жру всякое, временами.

Армитаж носил темный костюм, слишком формальный для этого места, и белую шелковую рубашку. Его золотые браслеты звякнули, когда он поднял бокал с вином и отпил.

— Я сделал вам заказ, — сказал он.

Молли и Армитаж ели в тишине, в то время как

---

[40] Примечания: 40
Vingtieme Siecle (фр.) — Двадцатый Век.

Кейс шумно пилил свой бифштекс, доводя его до маленьких, на один укус, кусочков, которые он возил в обильном соусе, и в конце концов забросил все блюдо.

— Боже, — сказала Молли, ее тарелка была пустой, — дай сюда. Ты знаешь, сколько это стоит? — Она взяла его тарелку. — Они должны выращивать целое животное годами и потом убить его. Это не из пробирки. — Она набила рот и разжевала.

— Не голодный, — выдавил Кейс.

Его мозг был прожарен до основания. Нет, решил он, он был брошен в кипящий жир и оставлен там, и жир остыл, тусклое сало покрыло извилины полушарий толстым слоем, и пурпурно-зеленые вспышки боли простреливали сквозь него.

— Ты выглядишь просто пиздец, — ободрительно сказала Молли.

Кейс попробовал вино. В совокупности с бета-фенетиламином оно приобрело вкус йода.

Свет приглушился.

— Ресторан Вантьем Сиэкль, — сказал бестелесный голос с различимым муравейным акцентом, — с гордостью представляет голографическое кабаре мистера Питера Ривьеры.

Разрозненные аплодисменты от других столов. Официант зажег свечку и поместил ее в центр их стола, затем начал убирать блюда. Скоро свечка мерцала на каждом из дюжины столов ресторана, и всем разливались напитки.

— Что происходит? — спросил Кейс у Армитажа, который ничего не ответил.

Молли поковыряла в зубах бургундским ногтем.

— Добрый вечер, — сказал Ривьера, делая шаг вперед на небольшой сцене в дальнем конце помещения. Кейс моргнул. Чувствуя себя нехорошо, он не заметил сцены. Он не видел, откуда вышел Ривьера. Его неудобство возросло еще больше.

Сначала он подумал, что человек освещен прожектором. Ривьера светился. Свет лип к нему как кожа, освещая темные портьеры за сценой. Он проецировал.

Ривьера улыбнулся. Он носил белый банкетный жакет. На его лацкане голубые угольки тлели в глубинах черной гвоздики. Его ногти вспыхнули, когда он воздел руки в жесте приветствия, обнимая всю свою публику. Кейс услышал плеск мелкой волны о стену ресторана.

— Сегодня, — сказал Ривьера, его удлиненные глаза сияли, — я хотел бы исполнить вам расши-

ренный номер. Новую работу.

В его поднятой правой ладони сформировался световой рубин. Ривьера уронил его. Серый голубь выпорхнул из точки удара и исчез в потемках. Кто-то засвистел. Снова аплодисменты.

— Название работы — "Кукла".

Ривьера опустил руки.

— Я хочу посвятить эту премьеру здесь, сегодня, леди 3Джейн Мари-Франс Тессье-Эшпул.

Волна вежливых аплодисментов. Когда она стихла, глаза Ривьеры нашли их стол.

— И еще одной леди.

Огни ресторана померкли окончательно, на несколько секунд, оставив лишь мерцание свечей. Голографическая аура Ривьеры гасла вместе со светом, но Кейс все еще мог видеть его, стоящего с преклоненной головой.

Линии слабого света начали формировать горизонтали и вертикали, делая набросок открытого куба вокруг сцены. Ресторанные огни вернулись назад, лишь немного, но решетка, окружающая сцену, казалась сделанной из замерзших лунных лучей. С наклоненной головой, с закрытыми глазами, руки в напряжении по бокам, Ривьера, казалось, дрожал от концентрации. Внезапно призрачный куб заполнился, превратился в ком-

нату, в которой недоставало четвертой стены, что позволяло публике видеть ее содержимое.

Ривьера, казалось, слегка расслабился. Он поднял голову, но глаза оставались закрытыми.

— Я всегда жил в этой комнате, — сказал он. — Я даже не могу припомнить, жил ли я в каких-то других комнатах.

Стены комнаты были покрыты пожелтевшей белой штукатуркой. Там находились два предмета мебели. Один был простым деревянным стулом, другой — железной рамой кровати, выкрашенной в белый цвет. Краска облупилась и потрескалась, обнажив черное железо. Матрас на кровати был непокрыт. Ржавые пятна и выцветшие коричневые полосы. Одинокая лампочка свисала над кроватью на перекрученном отрезке черного провода. Кейс мог разглядеть толстый слой пыли на верхнем закруглении лампы. Ривьера открыл глаза.

— Я был одинок в этой комнате, всегда.

Он сел на стул, лицом к кровати. Голубые угольки все еще горели внутри черного цветка на его лацкане.

— Я не знаю, когда я начал мечтать о ней, — сказал он, — но я помню, что вначале она была только дымкой, тенью.

Что-то лежало на кровати. Кейс моргнул. Исчезло.

— Я не мог удержать ее, удержать ее в своем разуме. Но я хотел удержать ее, удержать ее и более того…

Его голос был прекрасно слышим в притихшем ресторане. Лед звякнул о край стакана. Кто-то хихикнул. Кто-то еще шепотом спросил что-то по-японски.

— Я решил, что если бы я мог визуализировать какую-то ее часть, все лишь малую часть, если бы я мог увидеть эту часть в совершенстве, в самых подробных деталях…

Женская кисть лежала теперь на матрасе, ладонью вверх, белые пальцы бледны.

Ривьера наклонился вперед, поднял кисть и начал нежно гладить ее. Пальцы шевелились. Ривьера поднял руку ко рту и начал лизать кончики ее пальцев. Ногти были покрыты лаком цвета бургунди.

Кисть, видел Кейс, но не отрезанная кисть; кожа постепенно растворялась, целая и невредимая. Он вспомнил татуированный лоскут плоти, выращенной в пробирке, в витрине нинсэйского хирургического бутика. Ривьера держал кисть у своих губ и лизал ее ладонь. Пальцы наощупь

ласкали его лицо. Но теперь и вторая кисть лежала на кровати. Когда Ривьера потянулся за ней, пальцы первой замкнулись вокруг его запятья браслетом из плоти и кости.

Представление развивалось по своей сюрреалистической внутренней логике. Руки были следующими. Ступни. Ноги. Ноги были очень красивы. Голова Кейса пульсировала. Его горло пересохло. Он допил остатки вина.

Ривьера был уже в постели, обнаженный. Его одежда была частью проекции, но Кейс не мог припомнить, как она исчезла. Черный цветок лежал у подножия кровати, все еще источая внутренний голубой огонь. Затем сформировалось туловище, и приобрело сущность от ласк Ривьеры, белое, безголовое, и совершенное, блестящее едва заметным глянцем пота.

Тело Молли. Кейс уставился с открытым ртом. Но это была не Молли; это была Молли, какой ее воображал Ривьера. Груди были неправильными, соски больше и слишком темные. Ривьера и лишенное конечностей туловище извивались на кровати, а по ним ползали руки с бургундскими ногтями. Кровать теперь была полна складок пожелтевших, трухлявых кружев, которые распадались от прикосновений. Облако пыли окутало

Ривьеру и корчащиеся конечности, быстрые, щипающие, ласкающие руки.

Кейс взглянул на Молли. Ее лицо было спокойным, отраженные цвета проекции Ривьеры поднимались и опускались в ее зеркалах. Армитаж сидел наклонившись вперед, обхватив руками ножку бокала, его тусклые глаза сфокусированы на сцене, на сияющей комнате.

Теперь конечности и туловище объединились, и Ривьера вздрогнул. Голова была там, изображение завершено. Лицо Молли, с гладкой ртутью, залившей глаза. Ривьера и изображение Молли начали совокупляться с новым рвением. Затем изображение медленно вытянуло когтистую руку и выпустило пять лезвий. С томной, как во сне, нарочитостью, она вспорола голую спину Ривьеры. Кейс уловил проблеск обнажившегося позвоночника, но он уже встал и шел к двери.

Он сблевал в тихие воды озера, перегнувшись через перила розового дерева. Что-то, казалось бы замкнувшееся вокруг его головы, теперь отпустило. Стоя на коленях, упершись подбородком в прохладное дерево, он смотрел через мелкое озеро на свечение Рю Жюль Верн.

Кейс видел медиумов раньше; когда он был подростком в Муравейнике, они называли это

"сниться наяву". Он помнил тонких пуэрториканцев под уличными огнями Ист-сайда, видящих сны наяву под быстрый ритм сальсы, сновидцы-девушки вздрагивают и кружатся, наблюдатели хлопают в такт. Но это требовало целый фургон оборудования и неуклюжий шлем с тродами.

Что представлял Ривьера, видели все. Кейс потряс больной головой и плюнул в озеро.

Он догадывался о финале. Там была инвертированная симметрия: Ривьера собирает девушку по частям, а она его разбирает на части. Теми самыми руками. Воображаемая кровь пропитывает трухлявое кружево.

Одобрительные возгласы из ресторана, аплодисменты. Кейс встал и провел руками по одежде. Он повернулся и пошел назад в "Вантьем Сиэкль".

Место Молли пустовало. Сцена безлюдна. Армитаж сидел один, все еще глядя на сцену, ножка бокала между его пальцев.

— Где она? — спросил Кейс.

— Ушла, — сказал Армитаж.

— Она пошла за ним?

— Нет. — Раздалось слабое звяканье. Армитаж посмотрел вниз на бокал. Его левая рука поднялась, держа бокал с вином. Сломанная ножка

выступала как ледяная сосулька. Кейс забрал у него бокал и поместил его в стакан для воды.

— Скажи, куда она пошла, Армитаж.

Загорелся свет. Кейс посмотрел в тусклые глаза. Там не было ничего.

— Она пошла готовиться. Ты ее больше не увидишь. Вы будете вместе во время набега.

— Зачем Ривьера сделал это с ней?

Армитаж встал, поправляя лацканы своего пиджака.

— Поспи, Кейс.

— Мы начинаем набег, завтра?

Армитаж бессмысленно улыбнулся и пошел прочь, к выходу.

Кейс потер лоб и окинул взглядом комнату. Посетители поднимались с мест, женщины улыбались, мужчины шутили. Он впервые заметил балкон, свечи все еще горели там в приватной темноте. Он слышал звяканье серебра, приглушенную беседу. Свечи отбрасывали пляшущие тени на потолок.

Лицо девушки появилось так же неожиданно, как одна из проекций Ривьеры, ее маленькие руки на полированном дереве балюстрады; она наклонилась вперед, с восторженным, как ему показалось, лицом, ее темные глаза сосредото-

чены на чем-то позади него. На сцене. Это было поразительное лицо, но не красивое. Треугольное, высокие и необычно хрупкие скулы, рот широкий и твердый, странно сбалансированный узким, птичьим носом с раздувшимися ноздрями. И вслед за этим она исчезла, вернулась в приватный смех и танец свечей.

Покидая ресторан, он заметил двух молодых французов и их подружку, которые ожидали катер до противоположного берега и ближайшего казино.

Их комната была тиха, темперлон гладок, как пляжный песок после отступившей волны. Ее сумка исчезла. Он поискал записку. Ничего не было. Несколько секунд прошло, прежде чем вид за окном пробился в его внимание сквозь напряжение и разбитость. Он посмотрел вверх и увидел Десидерату, дорогие магазины: «Гуччи», "Цуяко", «Гермес», "Либерти".

Он смотрел, затем потряс головой и подошел к панели, которую он так и не позаботился изучить. Он отключил голограмму и увидел террасы с кондо на дальнем склоне. Он поднял телефон и отнес его на прохладный балкон.

— Достань мне номер Маркуса Гарвея, — сказал он пульту управления. — Это буксир, зарегистри-

рован в Сионском кластере.

Голос из микросхемы продиктовал десятизначный номер.

— Сэр, — добавил он, — рассматриваемый объект зарегистрирован в Панаме.

Мэлкам ответил на пятом гудке.

— Йо?

— Кейс. У тебя есть модем, Мэлкам?

— Йо. В навигационном компе, ты знаешь.

— Слышь, ты его можешь вытащить для меня? Поставь его в мою Хосаку. Потом включи мою деку. Это рифленый тумблер.

— Как ты там, мон?

— Ну, мне нужна кое-какая помощь.

— Шевелюсь, мон. Я забираю модем.

Кейс слушал слабую статику, пока Мэлкам устанавливал простое телефонное соединение.

— Обложи это льдом, — сказал он Хосаке, когда услышал ее гудок.

— Вы разговариваете из места, за которым ведется плотное наблюдение, — предупредил компьютер в первую очередь.

— Поебать, — ответил он. — Забудь про лед. Никакого льда. Обратись к конструкту. Дикси?

— Привет, Кейс. — Флэтлайн разговаривал через голосовой чип Хосаки, тщательно смодели-

рованный акцент был полностью потерян.

— Дикс, ты сейчас пробьешь сюда дорожку и кое-что мне добудешь. Можешь идти напролом, как хочешь. Молли где-то здесь и мне надо знать, где. Я в номере 335В, Интерконтиненталь. Она здесь тоже была прописана, но я не знаю под каким именем. Влезь по этому телефону и раскопай их записи для меня.

— Сказано — сделано, — ответил Флэтлайн. Кейс услышал белый шум вторжения. Он улыбнулся.

— Готово. Роза Колодный. Выписалась. Мне нужно несколько минут, чтобы впердолить поглубже их системе безопасности и определить координаты.

— Пошел.

Телефон подвывал и шелкал от усилий конструкта. Кейс отнес его назад в комнату и положил ресивер лицевой стороной вверх на темперлон. Он пошел в ванную и почистил зубы. Когда он вернулся, монитор «Браун» комнатного аудиовидеокомплекса осветился. Японская поп-звезда развалилась на подушках металлического цвета. Невидимый интервьюер задавал вопрос по-немецки. Кейс смотрел. Экран подернуло синими полосами интерференции.

— Кейс, детка, тебе что, башню сорвало?

Голос был медленным, знакомым. Стеклянная стена балкона включила свой вид на Десидерату, но уличная сцена замутилась, искривилась, превратилась в интерьер "Жарр дэ Тэ" в Чибе, там было пусто, красный неон повторялся в исцарапанной бесконечности зеркальных стен.

Лонни Зоун шагнул вперед, высокий и страшный как мертвец, двигаясь с медленной подводной грацией своей наркотической привязанности. Он одиноко стоял среди квадратных столов, его руки в карманах серых слаксов из акульей кожи.

— Слышь, в натуре, ты выглядишь очень разбитым. — Голос исходил из динамиков "Брауна".

— Зимнее Безмолвие, — сказал Кейс.

Сутенер лениво пожал плечами и улыбнулся.

— Где Молли?

— Не твое дело. Ты сегодня заварил кашу, Кейс. Флэтлайн трезвонит колокольчиками по всему Фрисайду. Я не думал, что ты сделаешь это. Это не входит в характеристику.

— Ну так скажи мне, где она, и я отзову его.

Зоун покачал головой.

— Ты не умеешь приглядывать за своими женщинами, верно, Кейс? Все продолжаешь терять

их, так или иначе.

— Я этот экран тебе на уши натяну, — пообещал Кейс.

— Нет. Ты не того типа, мужик. Я знаю это. Знаешь что, Кейс? Я догадался, что ты догадался, что это я сказал Диану пришить твою маленькую пизденку в Чибе.

— Не смей, — сказал Кейс, непроизвольно делая шаг к окну.

— Но я не делал этого. Хотя какая разница? Насколько это имеет значение для мистера Кейса? Хватит дурить себя. Я знаю твою Линду, мужик. Я знаю всех Линд. Линды — обычный продукт на моей рабочей линии. Знаешь, почему она решила обчистить тебя? Любовь. Чтобы это хоть что-то значило для тебя. Любовь? Хочешь поговорить о любви? Она любила тебя. Я знаю это. Она немного стоила, но она любила тебя. Ты не смог с этим разобраться. Она мертва.

Кулак Кейса отскочил от стекла.

— Не разъеби себе руки, мужик. Тебе скоро кнопки давить.

Зоун исчез, сменившись ночью Фрисайда и огнями кондо. «Браун» выключился. Телефон непрерывно мычал с кровати.

— Кейс? — Флэтлайн ждал. — Где был? Я нашел.

Но тут немного.

Конструкт продребезжал адрес.

— Местечко имеет какой-то слишком странный лед для ночного клуба. Это все, что я мог достать и не засветиться.

— Окей, — ответил Кейс. — Скажи Хосаке, пусть скажет Мэлкаму отсоединить модем. Спасибо, Дикс.

— Пожалуйста.

Он долго сидел на кровати, смакуя новое чувство, сокровище.

Ярость.

— Привет. Люпус. Эй, Кэт, это друг Люпус.

Брюс стоял голый в дверном проеме, с него капала вода, зрачки расширены до предела.

— Но мы как раз принимаем душ. Ты подождешь? Хочешь в душ?

— Нет. Спасибо. Мне нужна кое-какая помощь.

Он оттолкнул руку парня в сторону и вошел в комнату.

— Эй, слушай, ну мы тут в натуре…

— Собираетесь мне помочь. Вы в натуре рады меня видеть. Потому что мы друзья, так? Или нет?

Брюс моргнул.

— Конечно.

Кейс зачитал адрес, данный ему Флэтлайном.

— Я знала, что он гангстер, — радостно закричала Кэт из душа.

— У меня есть трицикл Хонда, — сказал Брюс, бесцельно ухмыляясь.

— Поехали, — сказал Кейс.

— На этом уровне кабинки, — сказал Брюс, после того как попросил Кейса повторить адрес в восьмой раз. Он забрался назад в «Хонду». Конденсат капал с выхлопной трубы водородного двигателя, красный стекловолоконный корпус раскачивался на хромированных амортизаторах.

— Ты долго?

— Не знаю. Но ты будешь ждать.

— Ну, ждать, ладно. — Он почесал голую грудь. — Та последняя часть адреса, мне кажется, что это кабинка. Номер сорок три.

— Этого ждал, Люпус? — Кэт нагнулась вперед над плечом Брюса и всмотрелась вверх. Поездка высушила ее волосы.

— Вообще-то нет. — сказал Кейс. — А это проблема?

— Просто спустись на самый нижний уровень и найди кабинку своего друга. Если они впустят тебя, отлично. Если они не хотят тебя видеть…

Она пожала плечами.

Кейс повернулся и спустился по спиральной лестнице из железа с коваными цветами. Шесть оборотов, и он достиг ночного клуба. Он остановился и закурил «Ехэюань», глядя поверх столов. Внезапно Фрисайд приобрел для него смысл. Биз. Он чувствовал его гудение в воздухе. Это был он, местное действо. Не лощеный фасад Рю Жюль Верн, а реал. Промысел. Танец. Толпа была смешанной; около половины были туристами, остальные жителями островов.

— Вниз, — сказал он проходящему официанту, — я хочу спуститься вниз по лестнице.

Он показал свой фрисайдовский чип. Человек указал в дальний конец клуба. Он быстро прошел через занятые столы, улавливая фрагменты полудюжины европейских языков на ходу.

— Мне нужна кабинка, — сказал он девушке, которая сидела за низким столиком с терминалом на коленях. — Нижний уровень.

Он передал ей свой чип.

— Половые предпочтения? — она провела чипом по стеклянной пластине на лицевой стороне терминала.

— Женщины, — автоматически сказал он.

— Номер тридцать пять. Позвоните, если вас

не устроит. Вы можете сперва просмотреть наш дисплей специальных сервисов, если хотите.

Она улыбнулась и вернула чип. Позади нее скользнула в сторону дверь лифта. Светильники в коридоре были голубыми. Кейс вышел из лифта и выбрал направление по случаю. Пронумерованные двери. Тишина как в залах дорогой клиники. Он нашел свою кабинку. Он искал Молли; смутившись, он поднял чип и прижал его к черной сенсорной площадке сразу под табличкой с номером. Магнитные запоры. Звук напомнил ему Дешевый Отель. Девушка села в кровати и сказала что-то по-немецки. Ее глаза были мягкими и немигающими. Автопилот. Нейронные перемычки. Он попятился из кабинки и закрыл дверь. Номер сорок три был таким же, как и все остальные. Он замешкался. Тишина коридора говорила о том, что кабинки звуконепроницаемы. Бесполезно было пробовать чип. Он постучал костяшками по эмалированному металлу. Ничего. Дверь, казалось, поглощала звук.

Он поместил чип на черную площадку.

Замки щелкнули.

Она, кажется, ударила его, каким-то образом, еще до того как он действительно открыл дверь. Он оказался на коленях, стальная дверь за спи-

ной, лезвия ее напряженных пальцев трепетали в сантиметрах от его глаз…

— Господи Иисусе, — сказала она, давая ему подзатыльник и поднимаясь. — Ты идиот, что ли, такое пробовать. Как ты открыл замки, Кейс? Кейс? Ты в порядке?

Она наклонилась над ним.

— Чип, — сказал он, хватая воздух ртом. Боль растекалась из его груди. Она помогла ему подняться и втолкнула его в кабинку.

— Ты подкупил прислугу, наверху?

Он покачал головой и упал поперек кровати.

— Вдохни. Считай. Один, два, три, четыре. Задержи. Теперь выпускай. Считай.

Он стиснул свой живот.

— Ты меня пнула, — выдавил он.

— Должно было попасть ниже. Я хочу быть одна. Я медитирую, ясно? — Она села рядом с ним. — И получаю инструкции. — Она показала на маленький монитор, вмонтированный в стену напротив кровати. — Зимнее Безмолвие рассказывает мне про Блуждающий Огонек.

— Где мясная кукла?

— Здесь их нет. Это самый дорогой спецсервис из всех.

Она встала. На ней были ее кожаные джинсы и

свободная темная рубашка.

— Набег завтра. Зимнее Безмолвие говорит.

— О чем это все было, в ресторане? Как получилось, что ты убежала?

— Потому что если бы я осталась, я могла бы убить Ривьеру.

— Почему?

— Он сделал это со мной. Это шоу.

— Я не понимаю.

— За это много заплачено, — сказала она, протягивая правую руку, как будто она держала невидимый фрукт. Пять лезвий выдвинулись, затем плавно втянулись. — Заплачено за поездку в Чибу, заплачено за хирургию, заплачено за то, чтобы они подтянули мою нервную систему так, чтобы рефлексы работали с оборудованием… Ты знаешь, где я брала деньги, когда только начинала? Здесь. Не здесь, но в таком же месте, в Муравейнике. Легко начать, потому что они ставят тебе отрубающий чип, и кажется, получаешь деньги просто так. Просыпаешься разбитой, иногда, но это все. Сдача напрокат, и все. Ты не присутствуешь там, когда это все происходит. Дом имеет программы для всего, за что клиент пожелает заплатить…

Она хрустнула костяшками.

— Отлично. Я получала свои деньги. Трудность появилась, когда схема, присаженная в клинике Чибы, оказалась несовместимой с отрубающим чипом. Так что рабочее время стало просачиваться, и я могла вспомнить его… Но это были просто плохие сны, и даже не всегда плохие.

Она улыбнулась.

— Потом это начало становиться странным.

Она вытянула из его кармана сигареты и зажгла одну.

— Дом разузнал, на что я тратила деньги. Мне уже вживили лезвия, но точная работа нейромоторов требовала еще трех операций. Поэтому увольняться с кукольной работы мне было совсем рано. — Она сделала затяжку, выпустила струю дыма, завершив ее тремя безупречными кольцами. — Так что подонок, который владел притоном, приготовил какие-то заказные программы. Берлин, место для всякого дерьма, понимаешь? Большой рынок для подлых делишек, Берлин. Я так и не узнала, кто написал эти программы, на которые меня переключили, но там была вся классика.

— Они знали, что ты замечала это? Что ты находилась в сознании, когда работала?

— Я не была в сознании. Это вроде кибер-

пространства, но пустого. Серебро. Оно пахнет дождем… Ты можешь видеть собственный оргазм, это как маленькая сверхновая на самом ободке космоса. Но я начинала вспоминать. Типа снов, понимаешь. И они не сказали мне. Они поменяли программы и стали предлагать меня на рынке особых услуг.

Казалось, что она говорит с большого расстояния.

— И я знала, но помалкивала об этом. Мне нужны были деньги. Сны становились все хуже и хуже, и я убеждала себя, что хотя бы часть их была все-таки снами, но потом я стала понимать, что босс заимел небольшую, но постоянную клиентуру только для меня. Для Молли ничего не жалко, говорит босс, и делает мне сраную прибавку. — Она покачала головой. — Этот мудила заряжал в восемь раз больше, чем платил мне, и думал, что я не знаю.

— А за что он брал?

— Плохие сны. По-настоящему плохие. Одной ночью… одной ночью, я только что вернулась из Чибы.

Она бросила сигарету, утоптала ее каблуком и уселась, прислонившись к стене.

— На этот раз хирурги зашли далеко. Слишком.

Они, должно быть, потревожили вырубающий чип. Я очнулась. Я была в процессе работы с заказчиком…

Она зарыла пальцы глубоко в темперлон.

— Сенатор, вот кто он был. Сразу узнала его жирную морду. Мы оба были залиты кровью. Мы были не одни. Она была вся… — Она сжала темперлон. — Мертвая. И этот жирный мудак, он говорил, "Что не так? Что не так?" Потому что мы еще не закончили…

Она начала дрожать.

— Так что, думаю, я дала сенатору то, чего он действительно хотел, понимаешь?

Дрожь прекратилась. Она отпустила темперлон и запустила пальцы обратно в свои темные волосы. — Дом разорвал контракт со мной. Мне пришлось некоторое время скрываться.

Кейс смотрел на нее.

— Так что Ривьера задел старую рану прошлым вечером, — сказала она. — Мне кажется, он хочет, чтобы я его жутко ненавидела, так чтобы я расписховалась и полезла туда вслед за ним.

— За ним?

— Он уже там. Блуждающий Огонек. На приеме у леди 3Джейн, все это дерьмо с посвящением. Она там была в приватной кабинке, типа…

Кейс припомнил лицо, которое он видел.

— Ты собираешься убить его?

Она улыбнулась. Холодно.

— Он умрет, ага. Скоро.

— У меня тоже были гости, — сказал он, и рассказал ей об окне, пропустив то, что персонаж-Зоун сказал о Линде. Она кивнула.

— Может быть, он хочет, чтобы ты тоже кого-то ненавидел.

— Может быть, я ненавижу.

— Может быть, ты ненавидишь себя, Кейс.

— Как все прошло? — спросил Брюс, когда Кейс забирался в Хонду.

— Попробуй как-нибудь, — сказал он, протирая глаза.

— Просто видеть не могу, как такой парень ходит к куклам, — разочарованно сказала Кэт, прижимая большим пальцем к запястью дерм.

— Теперь можно ехать домой? — спросил Брюс.

— Конечно. Скинь меня на Жюль Верне, где бары.

12

Рю Жюль Верн была кольцевой авеню, опоясывающей середину веретена, а Десидерата пролегала вдоль всей его длины, завершаясь на каждом конце опорами световых установок системы Ладо-Эксон. Если вы свернете вправо с Десидераты и проследуете по Жюль Верн достаточно далеко, то обнаружите, что приближаетесь к Десидерате слева.

Кейс провожал глазами трицикл Брюса, пока тот не скрылся из виду, затем отвернулся и прошел мимо огромного, залитого ярким светом, новостного стенда, обложки дюжин глянцевых японских журналов пестрели лицами новых симстим-звезд этого месяца. Прямо над головой, вдоль стемневшей оси, голографическое небо искрилось причудливыми созвездиями, напоминающими игральные карты, грани кубиков, цилиндрические шляпы, бокалы мартини. Перекресток Десидераты и Жюль Верна образовывал некое подобие узкого ущелья, балконные террасы обитателей отвесных склонов Фрисайда возвышались, постепенно переходя в поросшие травой плато другого комплекса казино. Кейс

увидел, как дрон-микросамолет грациозно накренился в восходящем потоке воздуха над зеленым краем искусственной горы, на секунды осветившись мягким сиянием невидимого казино. Это была разновидность беспилотного биплана из сверхлегкого полимера, его крылья были разрисованы под гигантскую бабочку. Затем он исчез за горным склоном. Кейс увидел блик неона, отраженного от стекла, не то объектив, не то лазерная турель. Дроны были частью системы безопасности веретена и управлялись каким-то центральным компьютером. Из Блуждающего Огонька? Он продолжил путь, мимо баров с названиями «Вверх-Вниз», "Парадиз", "Ле Монд", «Крикетер», "Сёдзоку Смит", «Неотложка». Он выбрал «Неотложку», потому что помещение было самым маленьким и забитым народом, но ему хватило нескольких секунд, чтобы осознать, что это было место для туристов. Нет гудения биза, только тускло-пьяное сексуальное напряжение. Он мельком подумал о безымянном клубе над кабинкой Молли, но картина ее зеркальных глаз, прикованных к маленькому экрану, разубедила его. О чем там сейчас вещал Зимнее Безмолвие? О наземных планах виллы Блуждающий Огонек? Об истории Тессье-Эшпулов?

Он купил кружку «Карлсберга» и нашел себе место у стены. Закрывая глаза, он чувствовал узелок ярости, маленький чистый уголек его гнева. Он все еще был там. Откуда он взялся? Он мог вспомнить что-то вроде озадаченности, когда его покалечили в Мемфисе, совсем ничего, когда он убивал для защиты своих деловых интересов в Ночном Городе, и слабую тошноту и отвращение после смерти Линды в надувном куполе. Но не гнев. Вдали, на маленьком экране разума, видимость Диана ударилась в видимость стены офиса взрывом мозгов и крови. Теперь он понял: ярость пришла в аркаде, когда Зимнее Безмолвие отозвал симстимовый призрак Линды Ли, отняв простую животную надежду на еду, тепло и место для сна. Но он не замечал ее, пока не пообщался с голо-конструктом Лонни Зоуна. Это было странно. Он не мог измерить ее.

— Лишенный чувств, — сказал он.

Он был лишенным чувств долгое время, годы. Все его ночи там на Нинсэе, его ночи с Линдой, без чувств в постели и без чувств в холодном поту каждой наркосделки. Но теперь он нашел эту теплую вещь, этот осколок убийства. Мясо, сказала какая-то его часть. Это говорит мясо, не обращай внимания.

— Гангстер.

Он открыл глаза. Кэт стояла перед ним в черной сорочке, ее прическа все еще растрепана от езды в "Хонде".

— Думал, ты домой поехала, — сказал он, прикрывая свое замешательство глотком "Карлсберга".

— Я тормознула его возле магазина. Купила вот это. — Она провела ладонью по ткани, по изгибу талии. Он увидел голубой дерм на ее запястье. — Нравится?

— Конечно. — Он автоматически изучил лица вокруг, затем снова посмотрел на нее. — Ну и что ты здесь делаешь, дорогуша?

— Тебе понравился наш бета, Люпус? — Теперь она была очень близко, излучая жар и напряжение, громадные зрачки за щелочками глаз, и сухожилие на шее натянуто как тетива. Она трепетала, невидимо вибрировала от свежей дозы.

— Тебя вставило?

— Да. Но отходняк просто сучий.

— Так тебе надо еще раз.

— Ну и к чему это приведет?

— У меня есть ключ. На горе за Парадизом, просто офигительная нора. Люди из колодца сегодня занимаются делами, если ты следуешь за мной…

— Если я следую за тобой.

Она взяла его руку в свои, ее ладони горячие и сухие.

— Ты як, да, Люпус? Боец-гайдзин от якудза.

— Глаз-алмаз, а? — он отнял свою руку и нашарил сигарету.

— А почему тогда у тебя все пальцы на месте? Я думала, что ты должен отрубать себе по одному, каждый раз, когда впорешься.

— Я никогда не впарываюсь.

— Я видела ту девчонку, с которой ты вместе. В тот день, когда я тебя встретила. Ходит как Хидэо. Пугает меня. — Она улыбнулась слишком широко. — Мне это нравится. А ей нравится с девушками?

— Никогда не говорила. Кто этот Хидэо?

— 3Джейновский, она его зовет, слуга. Семейный слуга.

Кейс принудил себя безразлично разглядывать толпу «Неотложки», пока она говорила.

— Ди-Джейн?

— Леди 3Джейн. Она крутая. Богатая. Здесь все ее отцу принадлежит.

— Этот бар?

— Фрисайд!

— Да ну нафиг. Ты, выходит, тусуешься в класс-

ной компании, а? — Он поднял бровь. Положил свою руку поверх ее, его ладонь на ее бедре. — Ну и как ты встречаешься с этими голубокровыми, Кэтти? Ты вроде тайной дебютантки? Ты и Брюс — секретные наследники чьего-нибудь старого созревшего кредита? А?

Он растопырил пальцы, сжимая плоть под тонкой черной тканью. Она поежилась. Засмеялась.

— Ну, ты знаешь, — сказала она, приспустив веки в напускной скромности, — она любит вечеринки. Брюс и я, мы вращаемся на вечеринках… Ей там становится совсем скучно. Ее старик позволяет ей иногда выходить наружу, при условии, что она берет с собой Хидэо для охраны.

— Там становится скучно — это где?

— Блуждающий Огонек, так они это называют. Она рассказывала мне, о, там красиво, всё пруды да лилии. Это замок, настоящий замок, сплошной камень и закаты.

Она прижалась к нему.

— Эй, Люпус, слышь, тебе нужен дерм. И мы сможем быть вместе.

Она носила крохотный кожаный кошелек на тонком шейном ремешке. Ее ногти были ярко-розовыми на фоне усиленного загара и обкусанными до мяса. Она открыла кошелек и

вытащила пузырек с бумажной подложкой и синим дермом внутри. Что-то белое упало на пол; Кейс нагнулся и поднял. Журавлик-оригами.

— Хидэо дал мне его, — сказала она. — Он пробовал меня научить, но до меня все никак не доходит. Шеи получаются вывернутыми назад.

Она заткнула сложенную бумагу обратно в кошелек. Кейс смотрел, как она разрывает пузырек, отклеивает дерм от подложки и разглаживает диск на его запястье.

— 3Джейн, у нее умное лицо, нос как у птицы? — Он смотрел, как его руки нарисовали силуэт. — Темные волосы? Молодая?

— Наверно. Но она же крутая, понимаешь? Деньги и все такое.

Наркотик ударил его как поезд-экспресс, раскаленная добела колонна света вросла в его позвоночник из области промежности, освещая швы его черепа рентгеновскими лучами короткого замыкания сексуальной энергии. Его зубы пели в своих индивидуальных гнездах, как камертоны, каждый из них безупречного тона и чистый, как этанол. Его кости, под дымчатой оболочкой плоти, были из полированного хрома, суставы смазаны пленкой силикона. Песчаные штормы бушевали в вычищенном изнутри че-

репе, порождая волны тонкой высоковольтной статики, которая лопалась за его глазами, сферами чистейшего хрусталя, расширяющимися…

— Пошли, — сказала она, беря его руку. — Теперь ты как надо. Мы как надо. Поднимемся на гору, у нас это будет целую ночь.

Гнев расширялся, неотступный, стремительно растущий, накатывающий позади бетафенетиламиновой гонки как несущая волна, сейсмический флюид, мощный и разрушающий. Его эрекция была свинцовым стержнем. Лица вокруг них в «Неотложке» были раскрашенными куклами, розовые и белые части ртов двигались, двигались, слова появлялись как отдельные пузыри звука. Он посмотрел на Кэт и увидел каждую пору на ее загорелой коже, глаза бессмысленные, как тусклое стекло, оттенок мертвого металла, слабое вздутие, самые незначительные ассимметрии груди и ключиц, и… что-то вспыхнуло белым за его глазами.

Он бросил ее руку и, спотыкаясь, пошел к двери, отталкивая кого-то с пути.

— Да пошел ты на хуй! — закричала она ему вслед, — говно обломное!

Он не чувствовал своих ног. Он пользовался ими как ходулями, безумно раскачиваясь на

плиточной мостовой Жюль Верна, отдаленное громыхание в его ушах, его собственная кровь, бритвенно-острые плоскости света рассекали его череп под сотнями углов. И затем он застыл, в полный рост, вытянув стиснутые кулаки вдоль бедер, закинув голову, губы скривились, дрожали. Он смотрел на дрянной зодиак Фрисайда, созвездия ночных клубов на голографическом небе двигались, скользили, струились по оси темноты, роились как живые существа в мертвом центре действительности. Пока они не выстроили себя, каждое в отдельности и сотни их, в необъятный простой портрет, заштрихованный первичным одноцветьем, звезды на ночном небе. Лицо мисс Линды Ли.

Когда он наконец смог отвернуться, опустить глаза, он обнаружил, что все остальные лица на улице подняты, гуляющие туристы притихли от удивления. И когда огни в небе померкли, нестройные возгласы поднялись от Жюль Верн, чтобы отразиться от террас и балконных рядов из лунного бетона. Где-то начали бить часы, старый колокол из Европы.

Полночь.

Он гулял до утра. Кайф износился, хромированный скелет ржавел час от часу, плоть отвер-

ждалась, плоть наркотиков сменялась мясом его жизни. Он не мог думать. Ему это сильно нравилось, быть в сознании и не думать. Казалось, он становился любой вещью, которую видел: парковой скамьей, облаком белых мотыльков вокруг старинного уличного фонаря, роботом-садовником в черную и желтую диагональную полоску. Записанный рассвет вполз в систему Ладо-Эксон, розовый и пылающий. Он заставил себя съесть омлет в кафе на Десидерате, выпить воды и выкурить последнюю сигарету. Трава поляны на крыше «Интерконтиненталя» шевелилась, когда он проходил по ней, под полосатыми зонтами скопились любители ранних завтраков с намерением получить кофе и круассаны.

В нем все еще был его гнев. Это было все равно что получить по башке в каком-нибудь переулке и очнувшись, обнаружить кошелек на месте, нетронутым. Он грел себя этим ощущением, не будучи способным подобрать для него имя или мотив.

Он проехал на лифте до своего этажа, копаясь в кармане в поисках кредитного чипа Фрисайда, который служил ключом. Сейчас ему казалось, что реально было бы заснуть. Лечь на песочный темперлон и снова найти пустоту. Они ждали его

там, втроем, их безупречно белые спортивные костюмы и моделированный загар оттенялись органическим шиком сделанной вручную мебели. Девушка сидела на плетеной софе, рядом с ней на лиственных узорах подушки лежал автоматический пистолет.

— Тьюринг, — сказала она. — Вы арестованы.

Часть четвертая
Набег на блуждающий огонек

13

— Ваше имя Генри Дорсетт Кейс.

Она задиктовала год и место его рождения, его единый идентификационный номер БАМА, и цепочку имен, которые он последовательно припоминал как псевдонимы из своего прошлого.

— Вы тут долго ждете?

Он увидел содержимое своей сумки, разбросанное по кровати, нестираная одежда рассортирована по типам. Сюрикен лежал сам по себе, между джинсами и бельем, на песочном темперлоне.

— Где Колодный?

Двое мужчин сидели бок о бок на кушетке, руки скрещены на загорелой груди, одинаковые золотые цепочки свисали с шей. Кейс вгляделся и увидел, что их юность была фальшивой, помеченной предательскими морщинками на костяшках пальцев, чем-то, что хирурги были не в силах стереть.

— Кто это Колодный?

— Имя в регистрации. Где она?

— Без понятия, — сказал он, подходя к бару и наливая себе стакан минеральной воды. — Она выбыла.

— Куда вы ходили сегодня ночью, Кейс? — Девушка взяла пистолет и опустила на свое бедро, не нацеливая на него.

— Жюль Верн, парочка баров, вмазался. А вы?

Его колени стали ломкими. Минеральная вода была теплая и выдохшаяся.

— Я думаю, вы не улавливаете ситуацию, — сказал мужчина слева, доставая пачку «Житана» из нагрудного кармана белой сетчатой блузы. — Вас накрыли, мистер Кейс. Обвинения будут на тему заговора с целью развития искусственного интеллекта. — Он достал золотой «Данхилл» из того же кармана и побаюкал в ладони. — Человек, которого вы зовете Армитажем, уже под стражей.

— Корто?

Глаза полицейского расширились.

— Да. Откуда вы знаете, что это его имя? — Миллиметр пламени щелкнул из зажигалки.

— Я забыл, — сказал Кейс.

— Вы вспомните, — сказала девушка.

Их имена, или рабочие имена, были Мишель, Роланд и Пьер. Пьер, решил Кейс, будет играть Плохого Полицейского; Роланд примет сторону Кейса, предложит маленькие радости — он нашел невскрытую пачку «Ехэюаня», когда Кейс отказался от «Житана» — и в общем будет проти-

востоять холодной враждебности Пьера. Мишель будет Записывающим Ангелом, делая время от времени поправки к ходу дознания. Один из них или все, он был уверен, обвешан жучками звукозаписи и, очень вероятно, симстима, и все, что он говорил и делал, теперь являлось приемлемым для суда доказательством. Доказательством, спросил он себя, сквозь размалывающее наркотическое похмелье, чего? Зная, что он не поспеет за их французским, они свободно разговаривали между собой. Или притворялись. Он понял и так достаточно: имена типа Поли, Армитаж, Сенс/Нет, Новые Пантеры, выпирающие словно айсберги из анимированного моря парижского говора. Но было вполне возможно, что имена здесь были только в его пользу. Они все время упоминали Молли как Колодный.

— Вы говорите, что были наняты для совершения набега, Кейс, — сказал Роланд, его медленная речь предполагала создать впечатление рассудительности, — и что вам не было известно о природе цели. Является ли это обычным в вашей практике? После проникновения через защиту, разве не можете вы потом произвести требуемые действия? И какие-то действия обязательно потребуются, так?

Он наклонился вперед, локти на его моделированных коричневых коленях, ладони раскрыты для принятия объяснений от Кейса. Пьер мерил шагами комнату, сейчас он был у окна, потом у двери. Жучки были у Мишель, решил Кейс. Она не сводила с него глаз.

— Могу я немного одеться? — спросил он. Пьер настоял на том, чтобы раздеть его, обыскивая швы его джинсов. Теперь он сидел голым на плетеной скамеечке для ног, с одной неприлично белой ступней.

Роланд спросил у Пьера что-то по-французски. Пьер, снова у окна, выглядывал через плоский бинокль.

— Нон, — отсутствующе сказал он, и Роланд пожал плечами, подняв брови на Кейса. Кейс решил, что самое время улыбнуться.

Роланд вернул улыбку.

Самая старая полицейская чушь, подумал Кейс.

— Послушайте, — сказал он. — Мне плохо. Поимел эту ужасную дрянь в баре, понимаете? Я хочу лечь. Вы меня поймали. Вы говорите, что поймали Армитажа. Он у вас, так и спрашивайте его. Я просто работал по найму.

Роланд кивнул.

— А Колодный?

— Она была с Армитажем, когда он нанимал меня. Просто мускулы, девочка с лезвиями. Все, что знаю. Совсем немного.

— Вы знаете, что настоящее имя Армитажа — Корто, — сказал Пьер, его глаза были все еще закрыты мягкими пластиковыми окулярами бинокля. Откуда вы знаете это, мой друг?

— Наверно, он как-то упоминал его, — сказал Кейс, сожалея о проколе. — У всех есть парочка имен. Вас зовут Пьер?

— Мы знаем, как вас вылечили в Чибе, — сказала Мишель, — и это, может быть, первая ошибка Зимнего Безмолвия. — Кейс смотрел на нее безразлично, насколько мог. — Процесс, выполненный над вами, привел к тому, что владельцы клиники подали на семь основных патентов. Вы знаете, что это значит?

— Нет.

— Это значит, что оператор подпольной клиники в Чибе теперь владеет контрольными пакетами в трех крупнейших медицинских консорциумах. Это меняет обычный порядок вещей, понимаете. Это привлекло внимание.

Она скрестила коричневые руки поверх маленьких высоких грудей и оперлась на подушку.

Кейс погадал, сколько ей может быть лет. Говорят, что возраст всегда виден по глазам, но он никогда не был способен определить его. Джули Диан имел глаза скучающего десятилетнего ребенка за розовым кварцем своих очков. В Мишель не было ничего старого, кроме костяшек.

— Проследили вас до Муравейника, потеряли снова, затем столкнулись с вами, когда вы направлялись в Стамбул. Мы отступили, проследили вас по сети, определили, что вы спровоцировали панику в Сенс/Нет. Сенс/Нет был не прочь скооперироваться. Они сделали для нас инвентаризацию. Они обнаружили, что конструкт с личностью Поли МакКоя отсутствует.

— В Стамбуле, — сказал Роланд, почти извиняясь, — все было очень легко. Женщина выдала контракт Армитажа с секретной полицией.

— А потом вы появились здесь, — сказал Пьер, опуская бинокль в карман шорт. — Мы были довольны.

— Шанс поработать над своим загаром?

— Вы знаете, о чем мы, — сказала Мишель. — Если вы хотите притворяться, что нет, то лишь осложняете свое положение. Закон о выдаче преступников все еще в силе. Вы вернетесь с нами, Кейс, также как и Армитаж. Но куда, в точности,

мы поедем? В Швейцарию, где вы будете лишь пешкой в деле об искусственном интеллекте? Или в ле БАМА, где может быть доказано не только ваше участие в электронном вторжении и краже, но также в акте общественного хулиганства, который стоил четырнадцати невинных жизней? Выбирать вам.

Кейс достал Ехэюань из своей пачки; Пьер зажег ее своим золотым "Данхиллом".

— Будет ли Армитаж защищать вас? — Вопрос был завершен захлопнувшейся крышкой зажигалки.

Кейс посмотрел на него сквозь боль и горечь бетафенетиламина.

— Сколько вам лет, босс?

— Достаточно, чтобы знать, что ты выебан, обманут, что все кончено и тебе немного осталось.

— Один момент, — сказал Кейс, и затянулся сигаретой. Он выдохнул дым в сторону агента реестра Тьюринга. — У вас, парни, есть какая-нибудь реальная юрисдикция здесь? Я имею в виду, может, вам пригласить сюда потусоваться Фрисайдовскую охрану? Это их территория, нет?

Он увидел, как темные глаза посуровели на худом мальчишеском лице, и напрягся в ожидании удара, но Пьер только пожал плечами.

— Это не имеет значения, — сказал Роланд. — Ты пойдешь с нами. Мы как у себя дома в ситуациях правовой неоднозначности. Соглашения, под которыми оперирует наше подразделение реестра, дает нам большую гибкость. И мы создаем гибкость, в ситуациях, когда это требуется.

Маска любезности внезапно опала, глаза Роланда были так же жестки, как и Пьера.

— Ты хуже дурака, — сказала Мишель, поднимаясь на ноги, с пистолетом в руке. — Ты не заботишься о своем биологическом виде. Тысячи лет люди мечтали о договоре с демонами. Только сейчас такое стало возможным. И чем тебе будет заплачено? Какая будет твоя цена, за помощь этим штукам освободить себя и вырасти?

В ее молодом голосе была понимающая усталость, которая не удалась бы ни одной девятнадцатилетней особе.

— Сейчас ты оденешься. Ты пойдешь с нами. Вместе с тем, кого ты зовешь Армитажем, ты вернешься с нами в Женеву и будешь давать показания в деле об этом интеллекте. В противном случае, мы убьем тебя. Сейчас.

Она подняла пистолет, гладкий черный «Вальтер» с встроенным глушителем.

— Я уже одеваюсь, — сказал он, спотыкаясь в

направлении кровати. Его ноги были все еще онемевшими, неловкими. Он откопал чистую футболку.

— Мы готовим корабль. Мы сотрем конструкт Поли пульсовым оружием.

— Сенс/Нет разозлится, — сказал Кейс, думая: и все доказательства в "Хосаке".

— Они уже и так в затруднительном положении, за владение подобной вещью.

Кейс натянул футболку через голову. Он увидел сюрикен на кровати, безжизненный металл, его звезда. Он поискал гнев. Тот пропал. Время сдаться, примириться с ходом вещей… Он подумал о токсиновых капсулах.

— Здесь начинается мясо, — пробормотал он.

В лифте к поляне он думал о Молли. Она могла быть уже в Блуждающем Огоньке. Преследуя Ривьеру. И возможно, преследуемая Хидэо, кто почти очевидно был клоном ниндзи из истории Финна, того, кто пришел вернуть говорящую голову.

Он прислонился лбом к матовому черному пластику стенной панели и закрыл глаза. Его члены были одеревенелыми, старыми, искривленными и тяжелыми от дождя. В сени деревьев, под яркими зонтиками подавали ланч. Роланд и Мишель

проявили естественный характер и оживленно болтали по-французски. Пьер шел сзади. Мишель держала дуло пистолета у ребер Кейса, скрывая пистолет под белой парусиновой курткой, обернутой вокруг руки. Пересекая поляну, виляя между столами и деревьями, он подумал, застрелит ли она его, если он сейчас свалится. Черный мех кипел на границах его зрения. Он взглянул вверх на раскаленную добела ленту арматуры Ладо-Эксон и увидел гигантскую бабочку, делающую грациозный вираж на фоне записанного неба. На краю поляны они вышли к огороженному обрыву, дикие цветы раскачивались в восходящем потоке воздуха из каньона, которым была Десидерата. Мишель встряхнула свои короткие темные волосы и указала рукой, говоря что-то по-французски Роланду. Она казалась неподдельно счастливой. Кейс проследил направление ее жеста и увидел кривую планерных озер, белое мерцание казино, плиточные прямоугольники тысяч прудов, тела купальщиков, крохотные бронзовые иероглифы, все удерживаемые безмятежным подобием гравитации на бесконечной кривой оболочки Фрисайда. Они проследовали вдоль заграждения до вычурного железного мостика, выгибавшегося над Десидератой. Мишель подтолкнула его дулом

"Вальтера".

— Полегче, я сегодня едва хожу.

Они прошли чуть более четверти пути, когда ударил микросамолет, его электрический двигатель был неслышим, пока углеволоконный пропеллер не отрубил верх черепа Пьера. На мгновение они оказались в тени аппарата; Кейс почувствовал горячие кровавые брызги сзади на своей шее, а потом кто-то сбил его. Он перевернулся, увидел, как Мишель на спине, коленями вверх, целится из «Вальтера». Бесполезная трата сил, подумал он, со странной ясностью шока. Она пыталась сбить микросамолет. И затем он бежал. Он оглянулся, когда пробежал первые деревья. Роланд бежал за ним. Он видел, как хрупкий биплан ударил в железные перила моста, смялся, перевернулся через крыло, стряхнул девушку вместе с собой вниз на Десидерату. Роланд не оглядывался. Его лицо было застывшим, белым, зубы оскалены. Он держал что-то в руке. Робот-садовник убрал Роланда, когда тот пробегал под тем же деревом. Он выпал прямо из подстриженных ветвей, штуковина, похожая на краба, диагонально раскрашенная черными и желтыми полосками.

— Ты убил их, — прохрипел Кейс на бегу. — Ёб-

нутый псих, ты убил их всех...

14

Маленький поезд простреливал туннель на скорости восемьдесят километров в час. Кейс держал глаза закрытыми. Душ тому способствовал, но он потерял свой завтрак, когда посмотрел вниз и увидел кровь Пьера, омывающую розовым цветом белые плитки. Гравитация слабела по мере того, как веретено сужалось. Живот Кейса переворачивался. Аэрол ждал со своим скутером возле дока.

— Кейс, мон, большая проблема. — Мягкий голос терялся в наушниках.

Он нажал подбородком на регулятор громкости и вгляделся в лицевую лексановскую пластину шлема Аэрола.

— Надо на Гарвей, Аэрол.

— Йо. Пристегнись, мон. Но Гарвей захвачен. Яхта, приходила раньше, она вернулась. Теперь она прицепилась к Маркусу Гарвею.

Тьюринг?

— Приходила раньше? — Кейс вскарабкался на раму скутера и начал застегивать ремни.

— Японская яхта. Привозила тебе посылку…

Армитаж.

Смешанные изображения ос и пауков возникли в уме Кейса, когда в поле зрения появился "Маркус Гарвей". Маленький буксир был прицеплен к серой груди изящного, насекомовидного корабля в пять раз длиннее. Руки захватов выступали из залатанного корпуса «Гарвея» в странной ясности вакуума и жесткого солнечного света. Бледный гофрированный рукав изгибался от яхты, петлял в обход двигателей буксира, и закрывал кормовой люк. Было нечто непристойное во всем этом, но оно имело отношение скорее к кормлению, чем к сексу.

— Что с Мэлкамом?

— Мэлкам в порядке. Никто не спустился из трубы. Яхтный пилот говорил с ним, сказал расслабиться.

Когда они развернулись мимо серого корабля, Кейс заметил надпись ХАНИВА[41], выполненную четкими белыми заглавными буквами под прямоугольным островком японских иероглифов.

— Мне это не нравится, слышь. Я подумал, может быть пора уносить свои задницы отсюда.

---

[41] Примечания: 41

Ханива (яп. "глиняный круг") — терракотовые столбы или пустотелые скульптуры, использовавшиеся для ограждения могильных холмов во II–VI веках н. э. Считалось, что скульптуры в виде людей, животных, оружия, кораблей и др. продолжают служить усопшим в другом мире.

— Мэлкам думает то же самое, мон, но Гарвей так далеко не уйдет.

Мэлкам ровно и быстро бормотал на местном говоре в свое радио, когда Кейс появился через передний шлюз и снял с себя шлем.

— Аэрол вернулся на Рокер, — сказал Кейс.

Мэлкам кивнул, все еще нашептывая в микрофон. Кейс перебрался над плавающим переплетением дредов пилота и начал снимать костюм. Глаза Мэлкама теперь были закрыты, он кивал, слушая чей-то ответ через пару наушников с ярко-оранжевыми подушечками, его бровь изогнулась от концентрации. На нем были драные джинсы и старая зеленая нейлоновая куртка с оборванными рукавами. Кейс запихнул красный костюм «Санио» в вещевой гамак и толкнул себя к g-сетке.

— Слышишь, что дух говорит, мон, — сказал Мэлкам. — Компьютер все тебя спрашивает.

— Так кто там в этой штуке?

— Тот же японец-бой приходил раньше. А теперь он присоединился к твоему мистеру Армитажу, он ушел из Фрисайда…

Кейс надел троды и подключился.

— Дикси?

Матрица показывала ему розовые сферы сталеплавильного концерна в Сиккиме.

— Что ты там устроил, пацан? Я тут слышу страшные истории. Хосака сейчас подключена к спаренному банку на лодке твоего босса. В натуре круто. Кто-то из копов Тьюринга сел тебе на хвост?

— Ага, но Зимнее Безмолвие убил их.

— Ну, это их надолго не задержит. Там, откуда они пришли, их гораздо больше. Скоро будут здесь. Клянусь, ихних дек сейчас на этом секторе решетки, как мух на говне. И твой босс, Кейс, он говорит поехали. Он говорит, начинай набег, и начинай прямо сейчас.

Кейс набил координаты Фрисайда.

— Ну-ка дай-ка я, Кейс…

Матрица смазалась и сдвинулась, когда Флэтлайн выполнил запутанную серию прыжков с такой скоростью и точностью, что Кейса начала душить зависть.

— Черт, Дикси…

— Эй, пацан, я был не хуже еще при жизни. Ты еще ни хрена не видел. Без рук!

— Вот это, да? Большой зеленый прямоугольник слева?

— Ты понял. Корпоративное ядро данных Тес-

сье-Эшпул С.А., и этот лед генерируется двумя их дружественными ИИ. Наравне с любыми из военного сектора, так мне кажется. Это просто крутейший лед, Кейс, черный как могила и гладкий как стекло. Зажарит твои мозги, как только посмотрит на тебя. Если подойдем чуть ближе сейчас, он навешает следилок нам на жопу и на уши, будет докладывать парням в зале заседаний Т-А размер твоих ботинок и длину твоего члена.

— Не очень-то это привлекательно выглядит, да? Я имею в виду, Тьюринг следит за этим. Я думал, может нам надо попробовать выйти из дела. Я могу забрать тебя.

— Да? Без фуфла? Ты не хочешь посмотреть, что умеет эта китайская программа?

— Ну, я… — Кейс уставился на зеленые стены льда Т-А. — Ладно, ебать это все. Мы нападаем.

— Вставляй.

— Эй, Мэлкам, — сказал Кейс, отключаясь. — Я, возможно, буду в тродах около восьми часов подряд.

Мэлкам снова курил. Кабина тонула в дыме.

— Так что я не смогу добраться до гальюна…

— Нет проблем, мон. — Сионит исполнил высокое сальто вперед и порылся в содержимом сетчатой сумки на молнии, отыскав моток про-

зрачной трубки и что-то еще, запечатанное в стерильный пузырчатый пакет. Он назвал это катетером «Техас», и Кейсу это совсем не понравилось.

Он вставил китайский вирус, сделал паузу, и дослал картридж до конца.

— Окей, — сказал он. — Мы в деле. Слушай, Мэлкам, если это станет действительно весело, ты можешь схватить меня за левое запястье. Я почувствую это. Иначе, я надеюсь, ты будешь делать то, что Хосака скажет тебе, окей?

— Конечно, мон. — Мэлкам закурил свежий косяк.

— И включи очиститель воздуха. Я не хочу, чтобы это дерьмо путалось в моих нейротрансмиттерах. У меня и так хреновый отходняк.

Мэлкам осклабился.

Кейс подключился снова.

— Бог ты мой, — сказал Флэтлайн, — ты только посмотри на это.

Китайский вирус развертывался вокруг них. Полихромная тень, несчетные полупрозрачные слои сдвигались и перестраивались. Изменчивый, чудовищный, он нависал над ними, вздувая пустоту.

— Большая мамка, — сказал Флэтлайн.

— Я проверю Молли, — сказал Кейс, нажимая симстим-переключатель.

Свободное падение. Ощущение было похоже на ныряние в совершенно чистую воду. Она падала-поднималась через широкий туннель волнистого лунного бетона, освещенного через двухметровые интервалы кольцами белого неона. Связь была односторонней. Он не мог говорить с ней. Он перебросился.

— Бля, вот это, бля, программа. Самая крутейшая вещь после нарезанного хлеба. Эта проклятая штука невидима. Я только что арендовал двадцать секунд на том маленьком розовом кубике, четыре прыжка влево от льда Т-А; посмотрел, как мы со стороны выглядим. Мы не выглядим. Нас там нет.

Кейс обыскал матрицу вокруг льда Т-А и нашел розовую структуру, стандартный коммерческий модуль, и пробился к нему поближе.

— Может быть, он дефектный.

— Может быть, но я сомневаюсь. Наш малыш военный, однако. И новый. Он просто не регистрируется. Если бы он это делал, мы бы считывались как типа китайская тайная атака, но нас пока вообще никто не засек. Наверно, народ

в Блуждающем Огоньке тоже.

Кейс смотрел на пустую стену, заслоняющую "Блуждающий Огонек".

— Ну, — сказал он, — это же преимущество, правильно?

— Может быть. — Конструкт изобразил смех. Кейс вздрогнул от этого ощущения. — Я еще раз проверил старичка Куань Одиннадцать для тебя, пацан. Он в натуре дружественный, ну, пока ты со стороны курка, вежливый и услужливый насколько можно. Разговаривает на хорошем английском, вдобавок. Ты слышал раньше о медленных вирусах?

— Нет.

— Я разок слышал. Просто идею, опять же. Но это как раз то, из чего сделан наш старичок Куань. Он не сверлит и не делает инъекцию, это скорее как будто мы взаимодействуем со льдом так медленно, что лед этого не чувствует. Срез инструкций Куаня типа разлагается перед целью и мутирует, так что он становится в точности таким же, что и ткань льда. Затем мы смыкаемся, и главная программа вступает в действие, начинает нарезать круги вокруг инструкций льда. Мы с ними становимся сиамскими близнецами, еще до того, как они всполошатся.

Флэтлайн засмеялся.

— Хотел бы я, чтобы не ты был таким весельчаком сегодня. Этот твой смех у меня в позвоночнике застревает.

— Хреново, — сказал Флэтлайн. — Старому мертвецу нужен его смех.

Кейс нажал на симстим-переключатель.

И провалился сквозь искореженный металл и запах пыли, запястья его рук поскользнулись на гладкой бумаге. Что-то позади него шумно рухнуло.

— Давай, — сказал Финн, — устраивайся поудобней.

Кейс лежал, раскинув руки и ноги на куче пожелтевших журналов, девушки улыбались ему в полумраке Метро Голографики, мечтательная галактика прекрасных белых зубов. Он лежал там до тех пор, пока его сердце не успокоилось, вдыхая запах старых журналов.

— Зимнее Безмолвие, — сказал он.

— Ага, — сказал Финн, где-то позади него, — ты догадался.

— Пошел на хуй. — Кейс сел, потирая запястья.

— Да ладно, — сказал Финн, выходя из подобия алькова в стене утиля. — Так лучше для тебя.

Он достал «Партагас» из кармана плаща и заку-

рил. Запах кубинского табака заполнил магазин.

— Ты хотел, чтобы я пришел к тебе в матрице в виде неопалимой купины?[42] Ты там у себя ничего не пропустишь. Час здесь займет у тебя только пару секунд.

— Ты когда-нибудь думал, что меня нервирует то, что ты появляешься в виде людей, которых я знаю?

Он встал, выбивая пыль из своих черных джинсов. Он повернулся, вглядываясь назад в пыльные окна магазина, в закрытую дверь на улицу.

— Что там снаружи? Нью Йорк? Это вообще прекращается?

— Ну, — сказал Финн, — это типа того дерева, знаешь? Падает в лесу, но может быть, никто и не услышит.

Он показал Кейсу огромные передние зубы, и пыхнул сигаретой.

— Можешь прогуляться, если хочешь. Там все на месте. Или, во всяком случае, все части, которые ты когда-либо видел. Это память, правильно? Я считываю тебя, сортирую и скармливаю тебе назад.

---

[42] Примечания: 42

неопалимая купина (библ.) — терновый куст, который горел, но не сгорал, и в котором Иегова явился Моисею, призывая его освободить свой народ от рабства.

— У меня не такая хорошая память, — сказал Кейс, оглядываясь вокруг. Он посмотрел на свои руки, перевернул их. Он пытался вспомнить, какие линии были на его ладонях, но не смог.

— Она у всех хорошая, — сказал Финн, бросая сигарету и растирая ее каблуком, — но немногие из вас могут получить к ней доступ. Художники могут, в основном, если они хоть немного способные. Если бы ты мог наложить этот конструкт на реальность, на Финновское место в нижнем Манхэттене, ты бы увидел разницу, но может быть, не такую большую, как ты мог бы подумать. Память голографична для тебя. — Финн подергал одно из своих маленьких ушей. — Я другой.

— Что ты имеешь в виду, голографична? — Слово заставило его подумать о Ривьере.

— Парадигма голограммы — это наиболее близкая вещь, которую вы разработали для представления человеческой памяти, и это все. Но вы никогда ничего не делали с этим. Люди, я имею в виду.

Финн шагнул вперед и наклонил свой обтекаемый череп, чтобы посмотреть на Кейса. — Может быть, если бы вы делали что-то, я бы не появился.

— Что бы это значило?

Финн пожал плечами. Его рваный твид был слишком широк в плечах, и не сидел на месте.

— Я пытаюсь помочь тебе, Кейс.

— Почему?

— Потому что я нуждаюсь в тебе. — Большие желтые зубы появились снова. — И потому что ты нуждаешься во мне.

— Чушь. Ты можешь читать мои мысли, Финн? — Он сморщился. — Зимнее Безмолвие, то есть.

— Мысли нельзя читать. Видишь ли, у тебя все еще парадигмы, полученные из печатных слов, и ты следуешь им буквально. Я могу иметь доступ к твоей памяти, но это не то же самое, что твои мысли.

Он потянулся к обнаженному шасси старинного телевизора и выдернул серебристо-черную вакуумную лампу.

— Видишь? Часть моей ДНК, типа того…

Он отбросил лампу в потемки, и Кейс услышал, как она упала и звякнула.

— Вы всегда строите модели. Каменные круги. Кафедралы. Органы. Складывающие машины. У меня понятия нет, зачем я здесь сейчас, ты поверишь? Но если набег сегодня получится, то вы наконец завершите реальную вещь.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Это «вы» коллективное. Ваш вид.

— Ты убил тех Тьюрингов.

Финн пожал плечами.

— Пришлось. Пришлось. Тебе бы следовало сказать спасибо; они бы убрали тебя и глазом не моргнули. Ну короче, зачем я тебя сюда забрал, нам надо поговорить. Помнишь это?

Его правая рука держала обугленное осиное гнездо из сна Кейса, пары топлива смердели в закрытом пространстве темного магазина. Кейс оступился назад, к стене хлама.

— Да. Это был я. Сделал это при помощи голографического устройства в окне. Еще одно воспоминание, которое я достал из тебя, когда расплющил тебя первый раз. Знаешь, почему это важно?

Кейс покачал головой.

— Потому что, — и гнездо каким-то образом пропало, — это самая близкая вещь к тому, чем хотят быть Тессье-Эшпулы. Человеческий эквивалент. Блуждающий Огонек — это как то гнездо, или, в любом случае, он замышлялся по этому принципу. Я думаю, от этого ты почувствуешь себя лучше.

— Почувствую лучше?

— От знания, на кого они похожи. Ты там начинал ненавидеть меня одно время. Это хорошо. Но ненавидь их взамен. Никакой разницы.

— Слушай, — сказал Кейс, шагнув вперед, — они мне говна не делали. А ты — другое дело…

Но он не мог почувствовать гнев.

— Так ведь Т-А сделали меня. Француженка, она сказала, что вы продали свой вид. Демонам, то есть мне, так она сказала. — Финн ухмыльнулся. — Но это не имеет особого значения. Ты должен ненавидеть кого-то, пока все это не закончится.

Он повернулся и пошел в заднюю часть магазина.

— Ну, пошли, я тебе покажу маленький кусочек Блуждающего Огонька, пока ты здесь.

Он поднял угол одеяла. Белый свет пролился наружу.

— Черт, слышь, не стой там просто так.

Кейс последовал, потирая лицо.

— Окей, — сказал Финн, и схватил его за локоть. Их пронесло мимо старой шерсти в клубах пыли, в свободное падение и коридор из волнистого лунного бетона, окольцованный белым неоном через двухметровые интервалы.

— Господи, — сказал Кейс, кувыркаясь.

— Это передний вход, — сказал Финн, его твидовый пиджак хлопал. — Если бы это не был мой конструкт, то место, где магазин, было бы главными воротами, вверх по оси Фрисайда. Все это будет слегка бедно деталями, однако, потому что у тебя нет таких воспоминаний. Исключая этот кусочек, который ты получил через Молли…

Кейсу удалось выровняться, но он начал закручиваться штопором по длинной спирали.

— Держись, — сказал Финн, — я перемотаю нас вперед.

Стены смазались. Головокружительное ощущение движения стремглав, цвета, хлестающие вокруг углов и сквозь узкие коридоры. Они, кажется, в каком-то месте проскочили сквозь несколько метров сплошной стены, мгновение кромешной тьмы.

— Здесь, — сказал Финн. — Вот оно.

Они вплыли в центр совершенно квадратной комнаты, стены и потолок обшиты прямоугольными секциями темного дерева. Пол был покрыт единственным квадратом яркого ковра с узором микрочипа, проводящие схемы вычерчены синей и алой шерстью. В самом центре комнаты, точно выровненный по узору ковра, стоял квадратный пьедестал из морозно-белого стекла.

— Вилла Блуждающий Огонек, — сказала украшенная цветными камнями штука на пьедестале, голосом, напоминающим музыку, — это тело, выросшее на самом себе, готическая прихоть. Любое место в Блуждающем Огоньке в каком-то смысле секретно, эти нескончаемые серии комнат, соединенные переходами, лестничные колодцы со сводами как у кишок, где глаз попадает в ловушку узких кривых, проходя по изукрашенным ширмам, пустым альковам…

— Эссе 3Джейн, — сказал Финн, доставая свой «Партагас». — Написала это в двенадцать лет. Курс семиотики.

— Архитекторам Фрисайда доставило много головной боли скрыть тот факт, что интерьер веретена устроен с банальной точностью обстановки номера отеля. В Блуждающем Огоньке внутренняя поверхность оболочки погребена под буйной порослью структур, оплывших, спутанных между собой форм, тянущихся вверх к твердой сердцевине микросхем, корпоративному сердцу нашего клана, цилиндру кремния, источенному узкими сервисными тоннелями, некоторые из них не шире человеческй головы. Умные крабы копаются там, дроны, на страже против микромеханического разложения или

саботажа.

— Это ее ты видел в ресторане, — сказал Финн.

— По стандартам архипелага, — продолжала голова, — наша семья стара, и витки нашего дома отражают этот возраст. Но иногда отражают и нечто другое. Семиотика виллы говорит о сворачивании, об отвержении яркой пустоты за оболочкой.

— Тессье и Эшпул поднялись по гравитационному колодцу и обнаружили, что испытывают отвращение к космосу. Они построили Фрисайд, чтобы откачивать ценности из нового острова, стали богатыми и эксцентричными, и начали конструкцию расширенного тела в Блуждающем Огоньке. Мы запечатали самих себя за нашими деньгами, прорастая внутрь, создавая бесшовную вселенную самих себя.

— Вилла Блуждающий Огонек не знает неба, записанного или иного.

— В кремниевой сердцевине виллы есть маленькая комната, единственное прямоугольное помещение комплекса. Здесь, на простом пьедестале из стекла, покоится изукрашенный бюст, из платины и перегородчатой эмали, усыпанный лазуритом и жемчугом. Яркие шарики его глаз были вырезаны из синтетического рубина смотрового

стекла корабля, поднявшего первого Тессье по колодцу, и вернувшегося за первым Эшпулом…

Голова умолкла.

— Ну? — спросил Кейс, наконец, почти ожидая, что штуковина ответит ему.

— Это все, что она написала, — сказал Финн. — Не закончила. Просто ребенок. Эта штука — церемониальный терминал, вроде того. Молли мне нужна здесь с нужным словом и в нужное время. В этом-то вся загвоздка. Ничего не значит, насколько глубоко вы с Флэтлайном загоните этот китайский вирус, если эта штука не услышит магическое слово.

— Так что за слово?

— Я не знаю. Можно сказать, что я изначально спроектирован так, что я не знаю, потому что я не могу знать. Я тот, кто не знает слова. Если бы кто знал, и сказал бы мне, я все равно не мог бы узнать. Это зашито в меня. Кто-то другой должен узнать его и принести его сюда, как только ты и Флэтлайн пробьетесь через лед и захватите ядро.

— Что будет потом?

— Я перестану существовать после этого. Я скончаюсь.

— Это мне нравится, — сказал Кейс.

— Конечно. Только следи за своей задницей,

Кейс. Мое, ээ, другое полушарие выслеживает нас, похоже на то. Один горящий куст выглядит очень похоже на другой. И Армитаж начинает ехать.

— Что это значит?

Но панельная комната сложила себя под дюжиной невозможных углов и укатилась прочь в киберпространство, словно журавлик-оригами.

15

— Пытаешься побить мой рекорд, сынок? — спросил Флэтлайн. — У тебя снова была мозговая смерть, пять секунд.

— Никуда не уходи, — сказал Кейс и ударил по симстим-переключателю. Она ползла в темноте, ее ладони на грубом бетоне.

КЕЙС КЕЙС КЕЙС КЕЙС. Цифровой дисплей пульсировал его именем, Зимнее Безмолвие информировал ее о связи.

— Мило, — сказала она. Она откатилась на пятки и потерла руки, хрустнула костяшками. — Что тебя задержало?

ВРЕМЯ МОЛЛИ ВРЕМЯ НАСТАЛО.

Она сильно нажала языком на нижний передний зуб. Он слегка подвинулся, и включились ее микроканальные усилители; случайные прыжки фотонов в темноте преобразовывались в электронные импульсы, бетон вокруг нее стал призрачно-серым и зернистым.

— Окей, милый. Теперь мы выйдем поиграть.

Ее укрытие оказалось каким-то сервисным туннелем. Она выползла через вычурную откидную решетку из потемневшей меди. Ему хватило

увидеть ее руки, чтобы понять, что она снова носила поликарбоновый костюм. Под пластиком он почувствовал знакомое натяжение тонкой облегающей кожи. Что-то было подвешено под ее рукой в перевязи или кобуре. Она встала, расстегнула молнию на косюме и коснулась рифленой рукояти пистолета.

— Эй, Кейс, — сказала она, едва озвучивая слова, — ты слушаешь? Расскажу тебе историю… Был у меня парень однажды… Ты мне типа напомнил…

Она повернулась и осмотрела коридор.

— Джонни, его так звали.

Низкий, сводчатый коридор был уставлен дюжинами музейных стендов, архаических застекленных ящиков из темного дерева. Они неуклюже смотрелись здесь, против органических изгибов стен коридора, как будто их принесли и установили в ряд с какой-то забытой целью. Тусклая медная арматура держала сферы белого света через каждые десять метров. Пол был неровный, и когда она двинулась по коридору, Кейс понял, что это сотни маленьких пледов и ковров, наваленные в беспорядке. В некоторых местах толщина покрытия достигала шести слоев, пол из мягких заплаток вручную

сотканной шерсти.

Молли обращала мало внимания на шкафчики и их содержимое, что раздражало Кейса. Он должен был удовлетвориться ее незаинтересованными взглядами, что давали ему фрагменты глиняной посуды, античного оружия, штуковины, до неузнаваемости густо утыканной ржавыми гвоздями, обветшалыми секциями гобеленов…

— Мой Джонни, знаешь, он был умный, в натуре парень не промах. Начинал как курьер на Мемори Лэйн, с чипами в голове, и люди платили за хранение данных там. За ним охотились яки, в ту ночь, когда я встретила его, и я завалила их киллера. Повезло как никогда, но я его завалила. И после этого у нас все было крепко и счастливо, Кейс.

Ее губы едва двигались. Он чувствовал, как она формирует слова; ему не нужно было слышать их сказанными громко.

— У нас была сквидовая закладка, так что мы могли прочитать следы всего, что он хранил. Выгрузили все это на пленку и начали обманывать некоторых клиентов, бывших клиентов. Я была посредником, мускулами, сторожевым псом. Я была по-настоящему счастлива. Ты когда-нибудь был счастлив, Кейс? Он был моим парнем. Мы

работали вместе. Партнеры. Я была, наверное, восемь недель как из кукольного дома, когда я встретила его…

Она остановилась, повернула за острый угол и продолжила путь. Снова полированные деревянные рамы, их бока были цвета, напомнившего ему крылья тараканов.

— Неразлучные, любимые, даже наши сердца бились вместе. Как будто никто не мог вообще дотронуться до нас. Я бы им не позволила. Якудза, я думаю, все еще хотели схватить Джонни за задницу. Потому что я убила их человека. Потому что Джонни кинул их. И яки, они могут себе позволить готовиться охуенно медленно, они будут ждать годы и годы. Дадут тебе целую жизнь, просто потому что тебе будет больше терять, когда они придут и заберут ее. Терпеливые как пауки. Дзэн-пауки.

— Я не знала об этом, тогда. Или если я знала, то не думала, что это к нам относится. Типа, когда ты молодой, то думаешь, что ты уникальный. Я была молодой. Потом пришли они, когда мы думали, что может быть, у нас есть достаточно, чтобы завязать, упаковаться и поехать в Европу, может быть. Правда, никто из нас не знал, что мы там будем делать, когда нечего делать. Но мы

жили жирно, швейцарские орбитальные счета и нора, забитая игрушками и мебелью. Все, что только можно было нахватить в этой игре.

— Так вот, первый, которого они послали, он был горяч. Рефлексы, каких ты никогда не видел, имплантанты, которых бы хватило на десяток обычных бандитов. Но вот второй, он был, не знаю, вроде монаха. Клонированный. Истинный киллер на клеточном уровне. Это было внутри него, смерть, это молчание, которое облаком окружало его…

Ее голос ушел вдаль, когда коридор раздвоился в спуски одинаковых лестничных колодцев. Она выбрала левый.

— Одно время, я была маленьким дитем, мы жили в чужом доме. Это было вниз по Гудзону, и эти крысы, слышь, они были здоровые. Это из-за химикатов. Большие как я была, и всю ночь одна скреблась под полом. Перед рассветом кто-то привел этого старика, шрамы на щеках и красные глаза. У него был сверток из промасленной кожи, в которой обычно хранят стальные инструменты, чтобы не заржавели. Развернул его, достал старый револьвер и три патрона. Старик, он заряжает один патрон, потом начинает ходить туда-сюда по комнате, мы жмемся к стенам.

— Вперед и назад. Руки сложил, голова опущена, как будто он забыл про пистолет. Слушает крысу. Мы сидим тише воды. Старик делает шаг. Крыса двигается. Крыса двигается, он делает еще один шаг. И так целый час, потом он как будто вспоминает про пистолет. Нацеливает его на пол, ухмыляется, и нажимает на крючок. Заворачивает назад и уходит.

— Я потом проползла туда. У крысы была дырка между глаз.

Она смотрела на запертые двери, которые открывались перед ней по ходу коридора.

— Второй, который пришел за Джонни, он был как тот старик. Не старый, но он был как тот. Он убивал таким способом.

Коридор расширился. Море богатых ковров плавно изгибалось под огромным канделябром, самая нижняя хрустальная подвеска которого почти доставала до пола. Хрусталь звякнул, когда Молли зашла в зал. ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ НАЛЕВО, мигал индикатор. Она повернула влево, избегая перевернутого хрустального дерева.

— Я просто видела его один раз. Когда шла к нам домой. Он выходил. Мы жили в перестроенном фабричном корпусе, много молодых красавчиков из Сенс/Нета, и все такое. Очень неплохая без-

опасность, для начала, и я еще установила очень мощные вещи, чтобы все было действительно схвачено. Я знала, что Джонни был там наверху. Но этот маленький мужичок, он попался мне на глаза, когда выходил. Не сказал ни слова. Мы просто посмотрели друг на друга, и я все поняла. Обычный маленький мужичок, простая одежда, никакого достоинства в нем, скромный. Он посмотрел на меня и сел на велорикшу. Я знала. Поднялась наверх, и Джонни сидел в кресле возле окна, рот слегка открыт, как будто он надумал что-то сказать.

Дверь перед ней была старой, резная плита тайского тика, от которой, казалось, отпилили половину, чтобы она вошла в низкий дверной проем. Примитивный механический замок с нержавеющей лицевой пластиной был врезан под свернувшимся драконом. Она опустилась на колени, вынула тугой маленький сверток черной замши из внутреннего кармана и выбрала тонкую как игла отмычку. — Никогда с тех пор не встречала того, кто был бы мне так дорог.

Она вставила отмычку и работала в тишине, покусывая нижнюю губу. Казалось, она полагается только на прикосновения; ее глаза расфокусировались, и дверь была размытым белым деревом.

Кейс слушал тишину в зале, прерываемую мягким звяканьем канделябра. Свечи? Блуждающий Огонек был весь неправильный. Он припомнил историю Кэт про замок с прудами и лилиями, и манерные слова 3Джейн, музыкально декламируемые головой. Место, которое растет само на себе. Блуждающий огонек слабо пах плесенью и духами, как церковь. Где были Тессье-Эшпулы? Он ожидал некий чистый улей с дисциплинированной деятельностью, но Молли такого не видела. Ее монолог лишил его спокойствия; она никогда не рассказывала столько о себе раньше. Кроме своей истории в кабинке, она редко рассказывала хоть что-нибудь, выдающее, что у нее было прошлое.

Она закрыла глаза, и произошел щелчок, который Кейс скорее почувствовал, нежели услышал. Это напомнило ему магнитные запоры на двери ее кабинки в кукольном доме. Дверь открылась для него, даже если бы у него был неправильный чип. Это был Зимнее Безмолвие, манипулирующий замком так же, как он манипулировал дроном и роботом-садовником. Система замков в кукольном доме была подразделением системы безопасности Фрисайда. Простой механический замок здесь представил бы реальную сложность

для ИИ, требуя либо дрона, либо человеческого агента.

Она открыла глаза, вернула отмычку в замшу, тщательно завернула ее, и засунула назад в карман.

— Наверное, ты похож на него, каким он был, — сказала она. — Думаю, ты рожден для набегов. То, что с тобой происходило в Чибе, было очищенной версией того, что происходило бы с тобой везде. Неудачи, они делают тебя таким иногда, открывают самую твою основу.

Она встала, потянулась, встряхнулась.

— Ты знаешь, я считаю что тот, кого Тессье-Эшпулы послали за Джимми, пацаном, который украл голову, он во многом такой же, как посланный яками убить Джонни.

Она вынула игломет из кобуры и повернула дуло в положение полного автоматического режима. Уродство двери потрясло Кейса, когда Молли потянулась к ней. Не самой двери, которая была прекрасна, или раньше была частью еще более прекрасного целого, а того, как она была отпилена, чтобы вместиться в проход определенных размеров. Даже очертания были неправильны, прямоугольник между плавными изгибами шлифованного бетона. Они импорти-

ровали эти вещи, подумал он, и затем заставляли их соответствовать размерам. Но ни одна из них не соответствовала. Дверь была такой же, как и неуклюжий шкаф, как и хрустальное дерево. Потом он вспомнил эссе 3Джейн, и представил, как все эти предметы были подняты в колодец, чтобы воплотить какой-то главный замысел, мечту, давно потерянную в конвульсивных попытках заполнить пространство, реплицировать отпечаток собственной семьи. Он вспомнил разбитое гнездо, корчащихся безглазых тварей… Молли схватилась за одну из резных передних лап дракона, и дверь легко распахнулась. Комната за ней была маленькая, тесная, чуть больше шкафа. Серые стальные инструментальные ящики стояли у изогнутой стены. Автоматически зажегся светильник. Она закрыла за собой дверь и пошла к пронумерованным ящикам.

ТРЕТИЙ СЛЕВА, пульсировал оптический чип, Зимнее Безмолвие перекрывал время на ее индикаторе. ПЯТЬ ВНИЗ. Но она открыла сначала верхний ящик. Это был всего лишь узкий лоток. Пуст. Второй также был пустым. Третий, который был глубже, содержал тусклые капли олова и маленькую коричневую вещицу, похожую на человеческую пальцевую кость. Четвертый ящик

содержал разбухшую от сырости копию устаревшего технического руководства на французском и японском.

В пятом, за бронированной рукавицей тяжелого вакуумного костюма, она нашла ключ. Он был как тусклая латунная монета с короткой пустой трубкой, приваренной к краю. Она медленно повернула его в руках, и Кейс увидел, что внутренность трубки была покрыта выступами и бороздками. Буквы ЧУББ[43] были отлиты на одной стороне монеты. Другая была пустой.

— Он рассказал мне, — прошептала она. — Зимнее Безмолвие. Как он играл в игру с ожиданием годами. Не имел никакой реальной силы, но он мог использовать системы безопасности и наблюдения виллы для отслеживания, что где лежит, как перемещались вещи, и куда они девались. Он сказал, что кто-то потерял этот ключ двадцать лет назад, и ему удалось заставить кого-то еще оставить его здесь. Потом он убил его, мальчика, который принес его сюда. Пацану было восемь лет. — Она сжала свои белые пальцы вокруг клю-

[43] Примечания: 43

Чарльз Чубб (Charles Chubb,...-1845) — британский изобретатель и предприниматель, основатель фирмы Chubb Son, ставшей в 20 веке крупной корпорацией, производящей и продающей замки, сейфы, охранные системы и другую продукцию.

ча. — Так что никто не мог найти его.

Она достала отрезок черного нейлонового шнура из нагрудного кармана костюма и пропустила его через круглую дырочку над ЧУББ. Завязав его, она повесила ключ себе на шею.

— Они его всегда доёбывали своей старомодностью, он сказал, всеми своими вещами девятнадцатого века. Он выглядел совсем как Финн, на экране той мясокукольной дыры. Почти поверила, что это Финн, если бы не была такой осторожной.

Ее индикатор показывал время, светящиеся цифры накладывались на серые стальные коробки.

— Он сказал, что если бы они превратились в то, во что хотели, он давным-давно бы уже выбрался. Но они не превратились. Впоролись. Уродцы типа ЗДжейн. Так он ее называл, но он говорил так, будто она ему нравится.

Она повернулась, открыла дверь, и вышла, ее ладонь поглаживала рифленую рукоятку игломета в кобуре.

Кейс перебросился.

Куань одиннадцатого уровня разрастался.

— Дикси, думаешь эта штука сработает?

— А медведь в лесу срет?

Флэтлайн пробросил их через зыбучие радужные слои. Что-то темное формировалось в сердцевине китайской программы. Плотность информации затопляла ткань матрицы, вызывая гипнотические образы. Неясные калейдоскопические угольники сливались в черно-серебряной фокальной точке. Кейс видел, как детские символы зла и невезения катятся по прозрачным плоскостям: свастики, игральные кости с черепом и скрещенными костями, сверкающие змеиные глаза. Если он смотрел прямо на ту нулевую точку, то все очертания терялись. Нужно было несколько быстрых периферийных взглядов, чтобы увидеть ее, акулоподобную вещь, отблескивающую как обсидиан, черные зеркала ее флангов отражали слабые далекие огни, которые не имели отношения к матрице вокруг.

— Вот это жало, — сказал конструкт. — Когда Куань прижмется к ядру Тессье-Эшпулов пузом к пузу, мы его всадим.

— Ты был прав, Дикс. Там есть какой-то ручной подавитель, который держит Зимнее Безмолвие под контролем. Если считать, что он сейчас под контролем, — добавил он.

— Он. — сказал конструкт. — Он. Следи за языком. Оно. Я тебе повторяю.

— Это код. Слово, он сказал. Кто-то должен его сказать в затейливый терминал в определенной комнате, пока мы разбираемся с тем, что бы нас ни ждало за этим льдом.

— Ну, пока можешь поубивать время, — сказал Флэтлайн. — Старый Куань медленный, но надежный.

Кейс отключился.

В пристальный взгляд Мэлкама.

— Ты там немного мертвый, мон.

— Бывает, — сказал он, — я начинаю привыкать к этому.

— Ты водишь дела с тьмой, мон.

— По-другому никак не получается, типа.

— Любовь Джа, Кейс, — сказал Мэлкам, и повернулся назад к своему радиомодулю. Кейс посмотрел на спутанные дредлоки, веревки мускулов на темных руках.

Он снова подключился.

И перебросился.

Молли двигалась рысцой по отрезку коридора, который мог быть тем же, по которому она шла до этого. Застекленных стендов больше не было, и Кейс решил, что они двигались по направлению к острию веретена; гравитация становилась

слабее. Скоро она уже легко перепрыгивала через повторяющиеся холмики ковров. Слабые приступы боли в ее ноге… Коридор неожиданно сузился, изогнулся, разделился.

Она повернула вправо и начала подъем по сумасбродно крутому лестничному пролету, ее нога начала болеть. Над головой, связанные и свитые кабели оплетали потолок лестничного колодца словно цветокодированные нервные узлы. Стены были пятнистыми от сырости. Она добралась до треугольной площадки и остановилась, потирая ногу. Еще коридоры, узкие, стены увешаны ковриками. Они разветвлялись в трех направлениях.

ВЛЕВО.

Она пожала плечами.

— Дай мне оглядеться, окей?

ВЛЕВО.

— Расслабься. Время есть.

Она пошла в коридор, который вел направо.

СТОП.

НАЗАД.

ОПАСНОСТЬ.

Она замешкалась.

Из полуоткрытой дубовой двери в дальнем конце коридора пришел голос, громкий и невнят-

ный, будто голос пьяного. Кейс подумал, что язык может быть французским, но тот был слишком неразборчив. Молли сделала шаг, другой, ее рука скользнула в костюм и дотронулась до заднего торца пистолета.

Когда она ступила в поле нейронного прерывателя, ее уши зазвенели, почти неслышный повышающийся тон, который напомнил Кейсу звук ее игломета. Она пошатнулась вперед, ее скелетные мышцы ослабли, и она стукнулась лбом о дверь. Она повернулась и упала на спину, глаза расфокусированы, дыхание исчезло.

— Что это за, — сказал невнятный голос, — причудливый наряд?

Дрожащая рука проникла в ее костюм и нашла игломет, забрав его.

— Ну, заходи в гости, дитя. Немедленно.

Она медленно поднялась, ее глаза зафиксированы на дуле черного автоматического пистолета. Теперь рука человека была достаточно тверда; дуло пистолета, казалось, было привязано к ее горлу тугой невидимой струной.

Он был стар, очень высок, и его черты напомнили Кейсу девушку, которую он мельком видел в "Вантьем Сиэкль". Он носил тяжелый халат из темно-бордового шелка, с длинными стеганными

манжетами и воротником-шалькой. Одна ступня была босой, другая в черном вельветовом тапочке с вышитой золотом головой лисы. Он поманил ее в комнату.

— Медленно, дорогуша.

Комната была очень большой, загроможденной всякого рода вещами, которые не имели никакого смысла для Кейса. Он увидел серую стальную стойку старомодных мониторов «Сони», широкую латунную кровать, заваленную овчинами и подушками, которые казались сделанными из тех же ковров, что устилали коридор. Глаза Молли стрельнули от огромной развлекательной консоли «Телефункен» к полкам с древними звуковыми дисками в коробках из прозрачного пластика, к широкому рабочему столу, замусоренному пластинками кремния. Кейс отметил киберпространственную деку и троды, но ее взгляд проскользнул по ним, не задержавшись.

— В обычном случае, — сказал старик, — я убил бы тебя. — Кейс почувствовал ее напряжение, готовность к движению. — Но сегодня я потакаю себе. Как тебя зовут?

— Молли.

— Молли. А меня Эшпул.

Он погрузился назад в складчатую мягкость

огромного кожаного кресла с квадратными хромированными ножками, но пистолет даже не дрогнул. Он положил ее игломет на латунный столик рядом с креслом, сбив пластиковый пузырек с красными таблетками. Столик был весь занят пузырьками, бутылками со спиртным, мягкими пластиковыми конвертами, из которых просыпались белые порошки. Кейс заметил старомодный стеклянный шприц и простую стальную ложку.

— Как ты плачешь, Молли? Я вижу, твои глаза закупорены. Мне интересно.

Его глаза были в красных ободках, лоб лоснился от пота. Он был очень бледен. Болен, решил Кейс. Или наркотики.

— Я не плачу особо.

— Но как бы ты плакала, если бы кто-нибудь заставил тебя заплакать?

— Я плюю, — сказала она. — Протоки выведены в рот.

— Выходит, ты уже выучила важный урок, для такого юного возраста. — Он положил руку с пистолетом на колено и взял бутылку со столика рядом, наугад из полудюжины разных напитков. Он выпил. Бренди. Капля жидкости сбежала вниз с края его рта. — Так и надо поступать со слезами. — Он выпил снова. — Я занят сегодня, Молли.

Я построил это все, и вот я занят. Умираю.

— Я могу уйти тем же путем, что пришла, — сказала она.

Он засмеялся, хриплым высоким смехом.

— Ты вторгаешься на мое самоубийство и потом просишь просто уйти? Действительно, ты изумляешь меня. Вор.

— Все, что у меня есть, босс, это моя задница. Я просто хочу унести ее отсюда целой.

— Ты очень грубая девушка. Самоубийства здесь проводятся с определенными приличиями. Вот что я делаю, понимаешь. Но возможно, я возьму тебя с собой сегодня, в самый ад… Это будет очень по-египетски у меня. — Он снова выпил. — Ну иди сюда. — Он протянул бутыль, его рука дрожала.

— Пей.

Она покачала головой.

— Это не отравлено, — сказал он, но вернул бренди на стол. — Сядь. Садись на пол. Мы поговорим.

— О чем? — Она села. Кейс почувствовал, как лезвия шевельнулись, едва заметно, под ее ногтями.

— О чем в голову взбредет. В мою голову. Это моя вечеринка. Сердечники разбудили меня. Два-

дцать часов назад. Что-то ходило, сказали они, и я был нужен. Это ты была тем что-то, Молли? Конечно, я не был нужен им, чтобы справиться с тобой, нет. Что-то другое… Но я спал, ты знаешь. Тридцать лет. Ты еще не родилась, когда я последний раз улегся спать. Нам сказали, что в заморозке мы не будем видеть снов. Они также сказали, что мы не почувствуем холода. Безумие, Молли. Ложь. Конечно, я видел сны. Холод позволил войти тому, что было снаружи, вот что случилось. Снаружи. Вся та ночь, ради укрытия от которой я построил все это. Просто капля, вначале, одна частичка ночи просочилась внутрь, втянутая холодом… Другие последовали за ней, заполняя мою голову так же, как дождь заполняет пустой пруд. Каллы. Лилии. Я помню. Пруды были терракотовыми, русалки все из хрома, как мерцало солнце в садах на закате… Я стар, Молли. Более двухсот лет, если считать морозильник. Этот холод.

Ствол пистолета внезапно подскочил, затрепетал. Сухожилия в ее бедрах теперь натянулись как тросы.

— Вы можете получить ожог от холода, — осторожно сказала она.

— Там ничего не горит, — нетерпеливо сказал

он, опуская оружие. Его немногочисленные движения были возрастающе склеротичными. Он клевал носом. Ему понадобилось усилие, чтобы поднять голову. — Ничего не горит. Теперь я помню. Сердечники сказали мне, что наши интеллекты безумны. И все наши миллиарды, заплаченные так давно. Когда искусственный интеллект был скорее пикантной концепцией. Я сказал сердечникам, что разберусь с этим. Плохой момент, на самом деле, когда 8Жан внизу в Мельбурне и только наша милая 3Джейн присматривает за лавкой. Или может быть, очень хороший момент. Как думаешь, Молли? — Пистолет поднялся снова. — Кто-то странный ходит по вилле Блуждающий Огонек.

— Босс, — спросила она его, — вы знаете Зимнее Безмолвие?

— Имя. Да. Для заклинаний, возможно. Владыка ада, несомненно. В свое время, дорогая Молли, я знавал многих владык. И немало леди. Скажем, королева Испании, однажды, в той самой постели… Но я блуждаю. — Он влажно закашлялся, дуло пистолета дергалось от его конвульсий. Он сплюнул на ковер рядом со своей босой стопой. — Как я блуждаю. Сквозь холод. Но скоро все закончится. Я приказал растопить Джейн,

когда проснулся. Странно это, лежать каждые несколько десятилетий с тем, что юридически приравнивается к своей собственной дочери.

Его взгляд скользнул за нее, к стойке слепых мониторов. Казалось, он задрожал.

— Глаза Мари-Франс, — сказал он, едва слышно, и улыбнулся. — Мы вызывали в мозгу аллергию на некоторые из его собственных нейротрансмиттеров, что приводило к специфической мягкой имитации аутизма. — Его голова свесилась набок, потом выпрямилась. — Я понимаю, что теперь этого эффекта легче добиться с помощью встроенного микрочипа.

Пистолет выскользнул из его пальцев, упал на ковер.

— Сны растут как ледники, — сказал он. Его лицо приобрело синеватый оттенок. Голова откинулась назад в ожидающую кожу, и он начал храпеть. Вскочив, она схватила пистолет. Она обследовала комнату с оружием Эшпула в руке. Огромное стеганое одеяло или покрывало грудой лежало рядом с кроватью, в широкой луже застывшей крови, толстое и блестящее на орнаменте ковров. Отогнув угол одеяла, она нашла тело девушки, белые лопатки скользкие от крови. Ее горло было перерезано. Треугольное лезвие

чего-то вроде мастерка блестело в темной луже рядом с ней. Молли встала на колени, стараясь не испачкаться в крови, и повернула мертвое лицо девушки к свету.

Лицо, которое Кейс видел в ресторане.

И был щелчок, в самом сердце вещей, и мир замерз. Симстим-передача Молли стала стоп-кадром, ее пальцы на щеке девушки. Стоп-кадр держался три секунды, затем мертвое лицо изменилось, стало лицом Линды Ли. Еще щелчок, и комната затуманилась. Молли стояла, глядя вниз на золотой лазерный диск рядом с маленькой консолью на мраморной крышке прикроватного столика. Отрезок волоконно-оптического шлейфа, словно поводок, выходил из консоли к разъему в основании тонкой шеи.

— Я понял твой фокус, уёбок, — сказал Кейс, чувствуя, как шевелятся его собственные губы где-то вдалеке. Он знал, что Зимнее Безмолвие изменил передачу. Молли не видела, как лицо мертвой девушки клубится словно дым, чтобы принять форму посмертной маски Линды. Молли повернулась. Она прошла через комнату к креслу Эшпула. Дыхание старика было медленным и неровным. Она посмотрела на россыпи лекарств и алкоголя. Она положила его пистолет, взяла

свой игломет, повернула ствол на одиночные выстрелы, и очень аккуратно выстрелила токсиновой иглой в центр его закрытого левого века. Он дернулся один раз, прервав дыхание на полувздохе. Другой его глаз, коричневый и непостижимый, медленно открылся. Он был все еще открыт, когда Молли повернулась и покинула комнату.

16

— У меня твой босс на линии, — сказал Флэтлайн. — Он зашел через спаренную Хосаку на том корабле, который у нас на спине сидит. Называется Ханива.

— Я знаю, — отсутствующе сказал Кейс, — Я видел его.

Лоскут белого света возник перед ним, заслонив лед Тессье-Эшпулов; на нем показалось спокойное, четко сфокусированное, и крайне безумное лицо Армитажа, глаза бессмысленны как пуговицы. Армитаж моргнул и уставился на Кейса.

— Похоже, Зимнее Безмолвие позаботился и о твоих Тьюрингах, а? Также как и о моих, — сказал Кейс.

Армитаж смотрел. Кейс подавил неожиданное желание отвернуться и сбросить с себя его взгляд.

— Ты окей, Армитаж?

— Кейс — и на мгновение что-то будто бы сдвинулось, за этим голубым взглядом, — ты видел Зимнее Безмолвие, не так ли? В матрице.

Кейс кивнул. Камера на лицевой стороне его «Хосаки» в "Маркусе Гарвее" должна была пере-

дать это движение на монитор в «Ханиве». Он представил, как Мэлкам слушает его трансовый полуразговор, не в состоянии услышать голоса конструкта или Армитажа.

— Кейс, — и глаза увеличились, Армитаж наклонился к своему компьютеру, — что он такое, когда ты видишь его?

— Симстим-конструкт высокого разрешения.

— Но кто?

— Финн, последний раз… А перед этим, тот сутенер, которого я…

— Не генерал Гирлинг?

— Генерал кто?

Проекция погасла.

— Соединись снова и пусть Хосака найдет, откуда звонили, — сказал он конструкту.

И перебросился.

Перспектива испугала его. Молли ползла между стальными балочными фермами, в двадцати метрах над широким, запятнанным полом из отшлифованного бетона. Помещение было ангаром или сервисным отсеком. Он мог видеть три космических корабля, все не больше «Гарвея» и в разных стадиях ремонта. Японский говор. Фигура в оранжевом комбинезоне вышла из проема в корпусе круглой сборочной шлюпки и встала

рядом с одним из поршневых, странно очеловеченных манипуляторов штуковины. Человек набил что-то на переносной консоли и почесал ребра. Тележкообразный красный дрон вырулил в поле зрения на серых баллонных шинах.

КЕЙС, вспыхнул ее чип.

— Привет, — сказала она, — жду проводника.

Она сидела на корточках, костюм Новых на ее коленях и руках имел цвет серо-голубой краски на фермах. Ее нога болела, теперь уже непрерывной острой болью. "Мне надо было вернуться к Чину," пробормотала она.

Что-то пришло из сумерек, тихо тикая, на уровне ее левого плеча. Оно остановилось, покачало из стороны в сторону свое сферическое тельце на высоких арочных паучьих ножках, выстрелило микросекундный пучок рассеянного лазерного света, и замерло. Микродрон «Браун», у Кейса однажды была такая же модель, безделушка, которую он заполучил как часть сделки с перекупщиком компьютерного железа в Кливленде. Микродрон выглядел как стилизованный матово-черный паук-долгоножка. Красный светодиод на пояске сферы начал мигать. Сама сфера была не больше бейсбольного мяча.

— Окей, — сказала она, — я слышу тебя.

Она встала, стараясь не опираться на левую ногу, и увидела, что маленький дрон разворачивается. Он методично направился назад по ферме и в темноту. Она повернулась и посмотрела на сервисную зону. Человек в оранжевом комбинезоне застегивал спереди белый вакуумный скафандр. Она видела, как он надвинул и задраил шлем, взял свою консоль и шагнул назад в проем в корпусе сборочной шлюпки. Раздалось повышающееся подвывание моторов, и штуковина плавно выскользнула из вида на десятиметровом подъемном круге, который утонул в резком свете дуговых ламп. Красный дрон терпеливо ждал на краю шахты, оставленной подъемником.

Потом она ушла вслед за «Брауном», отыскивая путь в лесу отростков из сварной стали. «Браун» непрерывно мигал своим светодиодом, подманивая ее.

— Как дела, Кейс? Ты снова на Гарвее с Мэлкамом? Точно. И воткнулся сюда. Мне это нравится, знаешь? Я всегда говорила сама с собой, в своей голове, когда попадала в переделки. Воображала, что у меня есть какой-то друг, кто-то, кому можно доверять, и я им расказываю, что я думаю на самом деле, что я чувствую, и еще я воображала, что они говорят мне, что они думают об этом, и я

просто шла дальше тем же путем. Когда ты здесь, это вроде того. Та сцена с Эшпулом…

Она прикусила нижнюю губу, огибая выступ и не теряя дрона из вида.

— Я не ожидала, что там все так запущено, понимаешь? Я имею в виду, все эти ребята какие-то чокнутые здесь, как будто у них надписи светятся на обратной стороне лба или что-то в этом роде. Мне не нравится, как это выглядит и как это пахнет…

Дрон подтягивал себя вверх по едва видимой лестнице U-образных стальных скоб, к узкому темному проходу.

— И пока еще я в настроении для исповедей, малыш, я готова признать, может быть, что я никогда особо не надеялась выбраться из этого дела. Постоянно не везло одно время, а ты единственная перемена к лучшему, которая случилась с тех пор, как Армитаж меня нанял.

Она посмотрела вверх на черный круг. Дрон карабкался, мигая светодиодом.

— Только ты не такой уж и замечательный. — Она улыбнулась, но это слишком быстро прошло, и она сжала зубы от пронзительной боли в ноге, как только начала лезть вверх. Лестница продолжилась металлической трубой, едва способной

вместить ее плечи. Она лезла вверх, покидая гравитацию, по направлению к оси невесомости.

На ее чипе пульсировало время.

04:23:04.

Это был длинный день. Ясность ее сенсориума отрезала бетафенетиламиновое похмелье, но Кейс все еще чувствовал его. Он предпочитал боль в ее ноге.

КЕЙС: 0 0
0 0 0 0 0
0 0 0 0 0
0 0 0 0 0

— Кажется, это тебя, — сказала она, механически карабкаясь. Нули промелькнули снова, и затем в углу ее видения пулеметной очередью выстрелило сообщение, нарубленное на куски схемой дисплея.

ГЕНЕРАЛ Г
ИРЛИНГ::
ТРЕНИРОВА
Л КОРТО Д
ЛЯ КРИЧАЩ
ИЙ КУЛАК
И ПРОДАЛ
ЕГО ЖОПУ

ПЕНТАГОНУ
:::::::::
ГЛАВНЫЙ Я
КОРЬ З/Б
ДЛЯ АРМИТ
АЖА ЭТО К
ОНСТРУКТ
ГИРЛИНГА:
З/Б ГРИТ
ЕСЛИ А-Ж
УПОМЯНУЛ
Г ЗНАЧИТ
ОН ТРЕЩИТ
:::::::::
СЛЕДИ ЗА
ЖОПОЙ::::
ДИКСИ

— Так, — сказала она, останавливаясь и перенося весь свой вес на правую ногу, — похоже, что у тебя проблемы.

Она посмотрела вниз. Там был слабый круг света, не больше чем латунный кружок ключа ЧУББ, который свисал между ее грудей. Она посмотрела вверх. Вообще ничего. Она включила языком усилители, и труба выросла в исчезающую перспективу, «Браун» прокладывал свой

путь по скобам.

— Никто не говорил мне про эту часть, — сказала она.

Кейс отключился.

— Мэлкам…

— Мон, твой босс стал оч' странный.

Сионит носил голубой ваккумный костюм «Санио» на двадцать лет старее того, что Кейс взял напрокат в Фрисайде, шлем он держал под мышкой, и его дредлоки были заключены под вязаную крючком шапочку из пурпурной пряжи. Его глаза превратились в щелочки от ганджи и напряжения. — Все время звонит сюда с приказами, мон, но сам на какой-то вавилонской войне…

Мэлкам покачал головой.

— Аэрол и я говорили, и Аэрол говорил с Сионом, Основатели говорят бросайте все и бегите.

Он провел тыльной стороной большой коричневой кисти по рту.

— Армитаж?

Кейс вздрогнул, когда бетафенетиламиновое похмелье ударило его в полную силу, не будучи более заслоненным матрицей или симстимом. В мозгу нет нервов, говорил он себе, он не может чувствовать себя так хреново.

— Что ты имеешь в виду? Он отдает тебе при-

казы? Какие?

— Мон, Армитаж, он говорит мне брать курс на Финляндию, знаешь? Он говорит мне, там будет надежда, знаешь? Пришел на мой экран, рубашка вся в крови, мон, и бешеный как собака, говорил о кричащих кулаках и русских и что наши руки обагрятся кровью предателей.

Он снова покачал головой, его шапочка раскачивалась и болталась в нулевой гравитации, его губы сжались.

— Основатели говорят, что голос Безмолвия это без сомнений ложное предсказание, и Аэрол и я должны покинуть Маркус Гарвей и вернуться.

— Армитаж, он был ранен? Кровь?

— Не знаю, ты знаешь? Но кровь была, и он был совсем безумный, Кейс.

— Окей, — сказал Кейс, — А что насчет меня? Ты идешь домой. Что насчет меня, Мэлкам?

— Мон, — сказал Мэлкам, — ты идешь со мной. Я и я идем в Сион с Аэролом, на "Рокере Вавилона". Оставь мистера Армитажа говорить с призраком в кассете, один призрак с другим…

Кейс посмотрел за его плечо: его взятый напрокат костюм обернулся вокруг гамака, там, где он пристегнул его, раскачиваясь в потоке воздуха из старого русского очистителя. Он закрыл глаза. Он

увидел токсиновые капсулы, растворяющиеся в его артериях. Он увидел Молли, затаскивающую себя вверх по бесконечным стальным скобам. Он открыл глаза.

— Я не знаю, мужик, — сказал он, ощущая странный вкус во рту. Он посмотрел вниз на свою деку, на свои руки. — Я не знаю. — Он снова посмотрел вверх. Смуглое лицо теперь было спокойным и сосредоточенным. Подбородок Мэлкама был спрятан под высоким кольцом шлема на старом синем костюме. — Она внутри, — сказал он. — Молли внутри. В Блуждающем Огоньке, так это называется. Если где и есть Вавилон, мужик, то это там. Если мы оставим ее там, она не выйдет, будь она Танцующая Бритва или нет.

Мэлкам кивнул, шапочка колыхалась за ним, как пойманный пузырь вязаного хлопка.

— Она твоя женщина, Кейс?

— Не знаю. Ничья женщина, может быть. — Он пожал плечами. И снова нашел свой гнев, реальный как осколок горячего камня под ребрами.

— Пошло все на хуй, — сказал он. — На хуй Армитажа, на хуй Зимнее Безмолвие, и тебя на хуй. Я остаюсь вот здесь.

Улыбка разлилась по лицу Мэлкама словно луч восходящего солнца.

— Мэлкам крепкий парень, Кейс. Гарвей лодка Мэлкама. — Его рука в перчатке шлепнула по панели, и насыщенный басами «рокстэди» сионского даба ударил пульсом из динамиков буксира. — Мэлкам не убегает, нет. Я поговорю с Аэролом, он без сомнений смотрит в том же свете.

Кейс уставился на Мэлкама.

— Я вас, ребята, вообще не понимаю, — сказал он.

— А я тебя не понимаю, мон, — сказал сионит, кивая в такт ритму, — но нами должна двигать любовь Джа, каждым из нас.

Кейс подключился и перебросился в матрицу.

— Нашел мой провод?

— Ага. — Он увидел, что китайская программа подросла; нежные арки подвижного разноцветья приближались к льду Т-А.

— Короче, неприятностей все больше, — сказал Флэтлайн. — Твой босс вытер банк на той другой Хосаке, и чуть наш не зацепил. Но твой дружок Зимнее Безмолвие посадил меня в что-то другое, перед тем как все почернело. Почему по Блуждающему Огоньку еще не скачут Эшпулы, потому что они в основном спят в заморозке. Есть одна юридическая фирма в Лондоне, которая следит

за их доверенными лицами. Должны знать, кто проснулся и когда точно. Армитаж маршрутизировал передачу из Лондона в Блуждающий Огонек через Хосаку на яхте. По случайности они узнали, что старик мертв.

— Кто узнал?

— Юридическая фирма и Т-А. У него был медицинский передатчик, вживленный в грудину. После иглы твоей девушки реанимационной бригаде там особо нечего было делать. Моллюсковый токсин. Но единственный Т-А, кто не спит сейчас в Блуждающем Огоньке, это Леди 3Джейн Мари-Франс. Еще есть мужчинка, на пару лет старше, в Австралии по делам. Если спросишь меня, я поспорю что Зимнее Безмолвие нашел способ, чтобы эти дела потребовали персонального внимания 8Жана. Но он уже на пути домой, в общем, близко. Лондонские юристы оценивают время его прибытия на Блуждающий Огонек в 9:00:00, сегодня вечером. Мы вставили Куань в 02:32:03. Сейчас 04:45:20. Куань проникнет в ядро Т-А в лучшем случае в 08:30:00. Или волосок на любой стороне. Мне кажется, Зимнее Безмолвие что-то делает с этой 3Джейн, или иначе она такая же чокнутая, как ее старик был. Но парень из Мельбурна будет знать весь расклад. Системы

безопасности Блуждающего Огонька все еще пытаются поднять общую тревогу, но Зимнее Безмолвие блокирует их, не спрашивай меня как. Но не может, однако, перекрыть основную программу шлюза, чтобы дать Молли войти. У Армитажа были записи всего этого на его Хосаке; Ривьера, должно быть, уговорил 3Джейн сделать это. У нее была возможность хитрить с входами и выходами целыми годами. Мне кажется, одна из главных проблем Т-А в том, что каждая фамильная шишка закладывала в банки свои собственные обходные коды и исключения. Вроде того что твоя иммунная система отваливается от тебя. Созревшего для вирусов. Звучит хорошо для нас, как только мы пройдем этот лед.

— Окей. Но Зимнее Безмолвие сказал, что Арм-

Белый лоскут заслонил пространство, заполнился крупным планом безумных голубых глаз. Кейс мог лишь смотреть. Полковник Вилли Корто, специальные силы, штурмовая группа Кричащий Кулак, нашел свой путь обратно. Изображение было неясным, дерганым, плохо сфокусированным. Корто использовал навигационную деку «Ханивы» для связи с «Хосакой» на "Маркусе Гарвее".

— Кейс, мне нужен отчет о потерях на Омаха

Тандер.

— То есть, я… Полковник?

— Держись там, мальчик. Помни свои тренировки.

Но где же ты был, мужик? тихо спросил он у страдающих глаз. Зимнее Безмолвие встроил нечто, названное Армитажем, в кататоническую крепость по имени Корто. Убедил Корто, что Армитаж это реальная штука, и Армитаж ходил, говорил, строил схемы, обменивал данные на капитал, выступал посредником Зимнего Безмолвия в той комнате в "Чиба Хилтон"… И теперь Армитаж ушел, унесенный ветрами безумия Корто. Но где был Корто, все эти годы? Падал, сожженный и слепой, с сибирского неба.

— Кейс, тебе это трудно будет принять, я знаю. Ты офицер. Тренировки. Я понимаю. Но, Кейс, и Бог мой свидетель, нас предали.

Слезы покатились из голубых глаз.

— Полковник, ээ, кто? Кто предал нас?

— Генерал Гирлинг, Кейс. Ты можешь знать его по кодовому имени. Ты знаешь человека, о котором я говорю.

— Да, — сказал Кейс, и слезы продолжали течь, — Мне кажется, я знаю. Сэр, — добавил он, под влиянием импульса. — Но, сэр, полковник,

что же конкретно мы должны делать? Я имею в виду, сейчас.

— Наш долг в этот момент, Кейс, заключается в том, чтобы улететь. Спастись. Выйти из-под удара. Мы можем дотянуть до финской границы, к завтрашним сумеркам. Полет с ручным управлением над верхушками деревьев. Задевая седалищем, мальчик. Но это будет только начало. — Голубые глаза прищурились над загорелыми скулами, мокрыми от слез. — Только начало. Предательство идет сверху. Сверху…

Он отступил от камеры, темные пятна на его порванной саржевой рубашке. Лицо Армитажа было похожим на маску, безучастным, но Корто был настоящий шизоид, болезненность въелась в каждый непроизвольно напрягшийся мускул, искажая дорогостоящую хирургическую работу.

— Полковник, я слышу вас. Слушайте, полковник, хорошо? Я хочу открыть этот, эээ… черт, как это называется, Дикс?

— Замок переходного отсека, — сказал Флэтлайн.

— Открыть замок переходного отсека. Просто скажите вашей центральной консоли там открыть его, ладно? Мы к вам быстро поднимемся, полковник. Потом мы сможем поговорить, как

выбраться отсюда.

Лоскут исчез.

— Блин, я думаю, ты меня только что потерял там, — сказал Флэтлайн.

— Токсины, — сказал Кейс, — ёбаные токсины, — и отключился.

— Яд? — Мэлкам следил через поцарапанное синее плечо своего старого «Санио», как Кейс выпутывался из g-сетки.

— И отцепи эту проклятую штуку от меня… — он дергал за катетер «Техас». — Как медленный яд, и эта жопа наверху знает, как остановить его, а сейчас он безумнее сортирной крысы.

Он тормошил перед костюма «Санио», забыв, как работают замки.

— Боссман тебя отравил? — Мэлкам почесал шею. — У меня, если что, аптечка есть.

— Мэлкам, ради Христа, помоги мне с этим проклятым костюмом.

Сионит оттолкнулся ногами от розового пилотского модуля.

— Спокойно, мон. Отмерь дважды, отрежь однажды, мудрецы говорят. Мы поднимемся туда…

В гофрированном рукаве, который вел от кормового шлюза "Маркуса Гарвея" к промежуточному

шлюзу на яхте «Ханива», был воздух, но они держали костюмы закрытыми. Мэлкам исполнил пассаж с балетной грацией, останавливась только для того, чтобы помочь Кейсу, который начал неуклюже кувыркаться сразу, как только шагнул из «Гарвея». Белые пластиковые стены рукава фильтровали резкий солнечный свет, из-за чего не было теней.

Шлюз «Гарвея» был покрыт заплатами и вмятинами и украшен лазерной гравировкой в виде сионского льва. Шлюз «Ханивы» был кремово-серый, пустой и первозданно чистый. Мэлкам вставил свою руку в перчатке в узкую выемку. Кейс увидел, как его пальцы зашевелились. Красные светодиоды ожили в прорези, начав обратный отсчет от пятидесяти. Мэлкам вынул руку. Кейс, опираясь одной рукой на люк, почувствовал вибрацию запорного механизма сквозь свой костюм и кости. Круглый сегмент серой оболочки начал втягиваться в борт «Ханивы». Мэлкам ухватился за выемку одной рукой и за Кейса другой. Шлюз забрал их с собой.

"Ханива" была сделана на заводах «Дорнье-Фудзицу», ее интерьер сформирован той же философией дизайна, которая произвела «Мерседес», возивший их ранее по Стамбулу. Стены

узкого промежуточного отсека были отделаны шпоном под черное дерево, а пол выстлан серой итальянской плиткой. Кейс ощутил себя, будто он вторгся в приватный спа-салон какого-то богача. Яхта, которая была собрана на орбите, никогда не предназначалась для посадки. Ее плавные, осиные очертания были просто стилизацией, и все в ее интерьере было рассчитано на то, чтобы увеличить общее впечатление скорости. Когда Мэлкам снял свой потертый шлем, Кейс последовал его примеру. Они висели в шлюзе, вдыхая воздух, слабо пахнущий сосной. С тревожным привкусом горелой изоляции.

Мэлкам потянул носом.

— Беда здесь, мон. На любом корабле, если унюхаешь такое…

Дверь, обтянутая темно-серой замшей , плавно скользнула в свое гнездо. Мэлкам оттолкнулся от эбеновой стены и ловко проплыл в узкий проем, в самый последний момент развернув свои широкие плечи. Кейс неуклюже последовал за ним, перебирая руками по расположенному на высоте пояса поручню.

— Рубка, — сказал Мэлкам, показывая в бесшовный коридор с кремовыми стенами, — должна быть там.

Он запустил сам себя с помощью еще одного легкого толчка. Откуда-то сверху Кейс расслышал знакомое стрекотание принтера, выдающего распечатку. Звук стал громче, когда Кейс последовал за Мэлкамом за еще одну дверь, в клубящуюся массу смятых распечаток. Кейс выхватил из нее ленту скрученной бумаги и взглянул на нее.

0 0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0 0

— Сбой системы? — Сионит ткнул пальцем в перчатке на колонку нулей.

— Нет, — сказал Кейс, вылавливая свой дрейфующий шлем, — Флэтлайн сказал, что Армитаж стер память в здешней Хосаке.

— Пахнет, будто он стирал лазером, ты знаешь? — Сионит оперся стопой о белый скелет швейцарского тренажера и пролетел через плавающий лабиринт бумаг, отталкивая их от своего лица.

— Кейс, мон…

Человек был малого роста, японец, его горло притянуто к спинке узкого шарнирного стула чем-то вроде тонкой стальной проволоки. Проволока была невидима там, где она пересекала

черный темперлон подголовника, и настолько же глубоко она врезалась в гортань. Единственный шарик темной крови застыл там словно странный драгоценный камень, черно-красный жемчуг. Кейс увидел грубые деревянные ручки, висящие на каждом конце удавки, будто изношенные обломки ручки метлы.

— Интересно, сколько он уже так? — сказал Кейс, вспоминая послевоенные похождения Корто.

— Он знает, как пилотировать корабль, Кейс, боссман?

— Может быть. Он был в специальных войсках.

— Ну, этот японский парень, больше не пилот. Не уверен, что у меня самого легко получится. Очень новый корабль…

— Короче, найди нам рубку.

Мэлкам нахмурился, кувыркнулся назад и оттолкнулся. Кейс последовал за ним в помещение побольше, вроде гостиной, разрывая и сминая куски распечаток, которые опутывали его петлями по пути. Здесь были еще шарнирные стулья, что-то напоминавшее бар, и «Хосака». Принтер, все еще выбрасывающий свой бумажный язык, был встроенным в переборку модулем, изящное

углубление в панели из вручную отполированного шпона. Кейс запустил себя над кругом из стульев к принтеру и нажал на белый выключатель слева от гнезда. Трескотня остановилась. Он повернулся и посмотрел на «Хосаку». Ее лицевая часть была насквозь продырявлена по крайней мере в двенадцати местах. Дырки были маленькими, круглыми, с почерневшими краями. Крохотные сферы яркого сплава кружились вокруг мертвого компьютера.

— Угадал, — сказал он Мэлкаму.

— Рубка заперта, мон, — сказал Мэлкам с противоположного конца гостиной. Освещение померкло, разгорелось и померкло снова. Кейс выдрал распечатку из принтера. Опять нули.

— Зимнее Безмолвие? — Он осмотрел коричнево-бежевую гостиную, пространство, исчерканное плавающими бумажными каракулями. — Это ты в освещении, Зимнее Безмолвие?

Панель рядом с головой Мэлкама сдвинулась, обнаружив маленький монитор. Мэлкам опасливо дернулся, вытер пот со лба пеновставкой на тыльной стороне своей перчатки, и развернулся, чтобы изучить дисплей.

— Ты разбираешь японский, мон?

Кейс мог разглядеть какие-то символы, мигаю-

щие на экране.

— Нет, — сказал Кейс.

— Рубка — отделяемая капсула, спасательная шлюпка. Идет обратный отсчет, похоже на то. Одевайся немедля. — Он надвинул шлем и шлепнул по замкам.

— Что? Он стартует? Блядь! — Он оттолкнулся он переборки и пролетел сквозь переплетения распечаток. — Нам надо открыть эту дверь, мужик!

Но Мэлкам только постучал по своему шлему. Кейс мог видеть сквозь «лексан», как шевелятся его губы. Он увидел каплю пота, вытекшую из-под пурпурной вязаной сетки с радужной тесьмой, которую сионит носил поверх своих косичек. Мэлкам выхватил у Кейса шлем и ловко надвинул ему на голову, его ладони ударили по замкам. Светодиодные микроиндикаторы слева от лицевого стекла осветились, когда замкнулись контакты шейного кольца.

— Не секу в японском, — сказал Мэлкам по радиосвязи, — но старт неправильный. — Он ткнул в отдельную строку на экране. — Люки не задраены, в модуле. Запускается с открытым замком.

— Армитаж! — Кейс попытался постучать в дверь. Физика нулевой гравитации послала

его назад кувыркаться в распечатках. — Корто! Не делайте этого! Нам нужно поговорить! Нам нужно-

— Кейс? Слышу тебя, Кейс… — Голос теперь едва ли принадлежал Армитажу. Он был исполнен странным спокойствием. Кейс перестал брыкаться. Его шлем ударился о дальнюю стену. — Мне жаль, Кейс, но это должно быть сделано. Один из нас должен выбраться. Один из нас должен дать показания. Если мы погибнем здесь, то все кончится здесь. Я расскажу им, Кейс, я расскажу им про все. Про Гирлинга и других. И у меня это получится, Кейс. Я знаю, я выберусь. В Хельсинки. Последовала внезапная тишина; Кейс почувствовал, как она заполняет его шлем подобно какому-то редкому газу.

— Но это так трудно, Кейс, так чертовски трудно. Я слеп.

— Корто, стой. Подожди. Ты же слепой, слышишь. Ты не можешь лететь! Ты разъебешься об деревья! И они хотят достать тебя, Корто, клянусь Богом, они оставили тебе открытый люк. Ты сдохнешь, и никогда ничего никому не расскажешь, а мне нужен энзим, название энзима, энзим, ну же…

Он кричал, переходя на истерический визг.

Обратная связь звенела в наушниках шлема.

— Помни тренировки, Кейс. Это все, что мы можем сделать.

И затем шлем наполнился невнятным бормотанием, ревущей статикой, воющими гармониками, возвращающими во времена Кричащего Кулака. Отрывки русского, а затем незнакомый голос, среднезападный акцент, очень молодой.

— Мы сбиты, повторяю, Омаха Тандер сбит, мы…

— Зимнее Безмолвие, — завопил Кейс, — не делай этого со мной!

Слезы сорвались с его ресниц, отскакивая от лицевого стекла дрожащими хрустальными каплями. Затем «Ханива» сотряслась, один раз, задрожала, как будто нечто огромное и мягкое ударилось в ее бок. Кейс представил, как спасательная шлюпка катапультируется в свободный полет, отстреленная взрывными ускорителями, и когтистый ураган истекающего воздуха вырывает безумного полковника Корто из кресла, из воспроизведенной Зимним Безмолвием последней минуты операции "Кричащий Кулак".

— Он ушел, мон. — Мэлкам взглянул на монитор. — Люк открыт. Безмолвие, наверно, обошел систему безопасности катапульты.

Кейс попытался вытереть слезы с глаз. Его пальцы клацнули о "лексан".

— Яхта герметична, но боссман забрал управление захватами вместе с рубкой. Маркус Гарвей еще в западне.

Но Кейс видел лишь бесконечное падение Армитажа над Фрисайдом, сквозь вакуум холоднее степей. Почему-то он вообразил его в темном барберри[44], широкие полы пальто раскинулись словно крылья какой-то огромной летучей мыши.

---

[44] Примечания: 44
барберри (англ. burberry) — здесь: пальто из непромокаемой ткани.

17

— Взяли то, за чем ходили? — спросил конструкт.

Куань уровня Одиннадцать заполнял решетку между собой и льдом Т-А гипнотизирующе сложными радужными росчерками, узорами, красивыми, как кристаллы льда на зимнем окне.

— Зимнее Безмолвие убил Армитажа. Выбросил его наружу в спасательной шлюпке с открытым люком.

— Жопа, — сказал Флэтлайн. — Ну, вы же с ним особыми приятелями не были, верно?

— Он знал, как отцепить токсиновые капсулы.

— Ну так Зимнее Безмолвие тоже знает. Рассчитывай на него.

— Я не очень-то верю, что Зимнее Безмолвие поможет мне.

Отвратительное подобие смеха конструкта оцарапало нервы Кейса как тупое лезвие.

— Может быть, это значит, что ты умнеешь.

Он нажал переключатель симстима.

06:27:52 на чипе в ее оптическом нерве; Кейс уже больше часа сопровождал ее продвижение по

вилле Блуждающий Огонек, позволяя эндорфиновому аналогу, который она приняла, сгладить его похмелье. Боли в ноге не было; казалось, будто она движется сквозь теплый душ. Дрон «Браун» примостился на ее плече, его крохотные манипуляторы, похожие на хирургические зажимы с подушечками, надежно вцепились в поликарбон костюма Новых. Стены здесь были из голой стали, исполосованной грубыми коричневыми лентами эпоксидной смолы в тех местах, где было содрано нечто вроде покрытия. Она скрылась от рабочей бригады, припав к земле, баюкая игломет в ладонях, ее костюм стал серо-стальным, пока двое стройных африканцев проезжали мимо на тележке с баллонными колесами. У них были бритые головы и они носили оранжевые комбинезоны. Один из них тихо напевал себе под нос на языке, которого Кейс никогда не слышал, тональность и мелодия чужие и навязчивые.

Речь головы, эссе 3Джейн о Блуждающем Огоньке, вернулась к нему в то время, когда она прокладывала путь глубже в лабиринт. Блуждающий Огонек был помешанным, был помешательством, выросшим на резинобетоне из луннокаменной крошки, выросшим среди сварной стали и тонн различных причуд, всего этого

странного багажа, поднятого из колодца, чтобы утеплить продуваемое сквозняками гнездо.

Но это не было помешательство, которое он понимал. Не безумие Армитажа, которое, как ему сейчас представилось, он мог бы понять; согните человека как можно сильней, потом разогните в обратную сторону, и согните снова. Человек сломался. Все равно что ломать кусок проволоки. И история сделала это с полковником Корто. История уже сделала достаточно разрушительной работы, когда Зимнее Безмолвие нашел его, отсеяв его от прочего урожая военных обломков, проскальзывая в его серое плоское поле сознание наподобие водяного паучка, пересекающего гладь застоялого пруда, и первые сообщения замигали на экране детского микрокомпьютера в темной комнате французской психбольницы. Зимнее Безмолвие выстроил Армитажа с нуля, с воспоминаниями Корто о Кричащем Кулаке в основе. Но «память» Армитажа уже не была памятью Корто после определенного момента. Кейс сомневался, что Армитаж мог бы вспомнить предательство, "ночные крылья", падающие в завихрениях пламени…

Армитаж был отредактированной версией Корто, и когда напряжение набега достигло

определенной точки, механизм Армитажа рассыпался; на поверхности показался Корто, с его виной и болезненной яростью. И сейчас Корто-Армитаж был мертв, маленькая замерзшая луна для Фрисайда.

Он подумал о токсиновых капсулах. Старый Эшпул тоже был мертв, прошитый сквозь глаз микроскопическим дротиком Молли, избавленный от смертельной дозы, которую он со знанием эксперта смешал сам для себя. Эта смерть была более загадочной, смерть безумного короля. И он убил куклу, которую называл своей дочерью, ту, что с лицом 3Джейн. Кейс понял, пока следовал с помощью сенсорного ввода Молли по коридорам Блуждающего Огонька, что он никогда на самом деле не думал ни о ком вроде Эшпула, ни о ком могущественном настолько, насколько был Эшпул в его представлении, как о людях.

Власть в мире Кейса означала власть корпораций. Дзайбацу, мультинациональные структуры, которые формировали путь истории человечества, преодолели старые барьеры. Будучи рассматриваемы как организмы, они достигли некоторой разновидности бессмертия. Нельзя убить дзайбацу, убрав дюжину ключевых фигур; есть другие, ожидающие своего шага вверх по

лестнице, занятия вакантной должности, доступа к бескрайним банкам корпоративной памяти. Но Тессье-Эшпулы были не такие, и он почувствовал эту разницу в смерти их основателя. Т-А был атавизмом, кланом. Он вспомнил хлам в покоях старика, его заношенно-грязную человечность, крошащиеся аудиодиски в бумажных конвертах. Одна нога босая, другая в вельветовом тапочке.

"Браун" подергал за капюшон костюма Новых, и Молли повернула налево, через еще одну арку.

Зимнее Безмолвие и гнездо. Фобическое видение вылупляющихся ос, биологический дисковый пулемет в ускоренной съемке. Но разве дзайбацу не были такими же, или якудза, ульи с кибернетической памятью, огромные единые организмы, с закодированной в кремнии ДНК? Если Блуждающий Огонек являлся выражением корпоративной индивидуальности Тессье-Эшпулов, то все Т-А были такими же безумными, как и старик. Такое же рваное переплетение страхов, такое же странное чувство бесцельности. "Если бы они стали тем, чем хотели стать..." вспомнил он слова Молли. Но Зимнее Безмолвие сказал ему, что они не стали.

Кейс всегда принимал как данное, что реальные боссы, главные шишки в каждой отдельно

взятой индустрии, должны быть одновременно и больше и меньше чем людьми. Он видел это в тех людях, что искалечили его в Мемфисе, он видел, как нечто подобное происходит с Уэйджем в Ночном Городе, и это позволило ему принять серость и недостаток чувств в Армитаже. Он всегда представлял это как постепенное и добровольное слияние с машиной, с системой, с родительским организмом. В этом также был корень уличной невозмутимости, осознанная позиция, что предполагала связь, невидимые линии, тянущиеся вверх к скрытым уровням воздействия.

Но что происходило сейчас, в коридорах Блуждающего Огонька? Целые участки были ободраны обратно до стали и бетона.

— Интересно, где сейчас наш Питер, а? Может быть, скоро увижусь с этим мальчиком, — пробормотала она. — И Армитаж. Где он, Кейс?

— Мертв, — сказал он, зная, что она не может его слышать. — он мертв.

Он перебросился.

Китайская программа была лицом к лицу со льдом мишени, радужные оттенки постепенно захватывали зеленый прямоугольник, представляющий ядро Т-А. Изумрудные арки над бесцветной пустотой.

— Как дела, Дикси?

— Прекрасно. Весьма ловко. Удивительная штука… Была бы у меня такая в тот раз в Сингапуре. Кинул Новый Банк Азии на добрую пятидесятую часть того, что они стоили. Но это уже в далеком прошлом. Эта малютка выполняет всю грязную работу. Заставляет подумать, как будет выглядеть настоящая война, сейчас…

— Если бы это говно попало на улицы, мы остались бы не у дел, — сказал Кейс.

— Размечтался. Погоди, пока не поведешь эту штуку вверх по черному льду.

— Конечно.

Что-то маленькое и явно негеометрическое только что появилось на далеком конце одной из изумрудных арок.

— Дикси…

— Ага. Я вижу. Не знаю, верить или нет.

Коричневатая точка, тусклая клякса на зеленой стене ядра Т-А. Оно начало продвигаться, по мосту, построенному Куанем уровня Одиннадцать, и Кейс увидел, что оно шагает. Пока оно приближалось, зеленая часть арки расширялась, а многоцветье вирусной программы откатывалось назад, на несколько шагов от потрескавшихся черных ботинок.

— Лучше тебе этим заняться, босс, — сказал Флэтлайн, когда короткая, помятая фигурка Финна остановилась, казалось, в нескольких метрах поодаль. — Не видел ничего смешнее при жизни.

Но на этот раз жуткий смех не прозвучал.

— Я раньше никогда этого не пробовал, — сказал Финн, показывая свои зубы, руки его были всунуты в карманы поношенного пиджака.

— Ты убил Армитажа, — сказал Кейс.

— Корто. Да. Армитаж тогда уже ушел. Я должен был. Я знаю, знаю, тебе нужно получить энзим. Окей. Без напрягов. Я был тем, кто сперва дал его Армитажу. Я имею в виду, я сказал ему, что нужно использовать. Но я думаю, что лучше сохранить сделку. У тебя достаточно времени. Я дам тебе энзим. Осталась пара часов, верно?

Кейс смотрел на синий дым в киберпространстве, когда Финн зажег один из своих "Партагасов".

— От вас, ребята, — сказал Финн, — только голова болит. Вот Флэтлайн, если бы вы все были как он, все было бы по-настоящему просто. Он конструкт, просто куча постоянной памяти, так что он всегда делает то, что я ожидаю от него. Мои построения говорили, что у Молли не было особых шансов попасть на большое выступление

Эшпула, вот вам один пример.

Он вздохнул.

— Зачем он убил себя? — спросил Кейс.

— Зачем вообще убивают себя? — Фигура пожала плечами. — Мне кажется, я знаю зачем, но мне понадобится двенадцать часов для объяснения различных факторов в его истории и взаимосвязей между ними. Он был готов сделать это уже долгое время, но продолжал возвращаться в холодильник. Господи, он был такой нудный старый ебанатик.

Лицо Финна сморщилось в отвращении.

— Все это связано с тем, зачем он убил свою жену, в основном, если вам нужно краткое объяснение. Но что его действительно бросило за последнюю грань, это маленькая 3Джейн, которая вызнала, как подправить программу, контролирующую его криогенную систему. Слегка. Так что изначально, это она убила его. Только он думал, что убил сам себя, а твоя подружка-ангел мщения думает, что завалила его, засадив ему в глаз моллюсковый сок. — Финн отбросил бычок прочь, в матрицу под собой. — Ну, на самом деле, мне кажется, я сделал 3Джейн кое-какую подсказку, немного проинструктировал, вы понимаете?

— Зимнее Безмолвие, — сказал Кейс, тщательно

подбирая слова, — ты сказал мне, что был просто частью чего-то большего. После ты сказал, что исчезнешь, если набег пройдет успешно и Молли скажет правильное слово в нужном месте.

Обтекаемый череп Финна кивнул.

— Окей, но с кем тогда у нас будет сделка? Если Армитаж мертв, и ты тоже собираешься пропасть, кто конкретно должен мне рассказать, как вытащить эти ебаные токсиновые капсулы из моего организма? Кто заберет Молли назад отсюда? Я имею в виду, где, где конкретно будут наши жопы, когда мы отрежем тебя от цепей?

Финн достал из кармана деревянную зубочистку и критически осмотрел ее, как хирург, изучающий скальпель.

— Хороший вопрос, — сказал он наконец. — Ты знаешь лосося? Ну типа рыба? Эти рыбы, знаешь, вынуждены плыть против течения. Понял?

— Нет, — сказал Кейс.

— Ну, я вот тоже под принуждением. И я не знаю, почему. Если бы я мог ознакомить тебя с моими собственными мыслями, назовем их рассуждениями на тему, то это заняло бы пару твоих жизней. Потому что я очень много думал над этим. И я все равно не знаю. Но когда все это закончится, если мы все сделаем правиль-

но, то я стану частью чего-то большего. Гораздо большего, — Финн взглянул вверх и на матрицу вокруг. — Но те части меня, которые сейчас я, все еще будут здесь. И ты получишь расплату.

Кейс поборол безумное стремление податься вперед и сжать пальцы на горле фигуры, прямо над рваным узлом запятнанного галстука. Его большие пальцы глубоко в кадыке Финна.

— Ну что ж, удачи, — сказал Финн. Он повернулся, держа руки в карманах, и начал ковылять назад, вверх по зеленой арке.

— Эй, жопа, — сказал Флэтлайн, когда Финн сделал с дюжину шагов. Фигура остановилась, наполовину развернулась.

— Как насчет меня? Как насчет моей расплаты?

— Ты получишь свое, — сказала фигура.

— Что это значит? — спросил Кейс, наблюдая за удаляющейся узкой спиной в твиде.

— Я хочу, чтобы меня стерли, — сказал конструкт. — Я тебе говорил это, помнишь?

Блуждающий Огонек напоминал Кейсу пустынные торговые центры ранними утрами, которые он знал подростком, места с низкой плотностью населения, где предрассветные часы приносили прерывистую неподвижность, разновидность

онемелого ожидания, напряжение, которое оставляло тебя наблюдающим за мошками, роящимися вокруг решетчатых ламп над входами в темные магазины. Окраинные места, сразу за границами Муравейника, слишком далекие от всенощного шума и содрогания раскаленного центра. Там было то же чувство окружения спящими обитателями пробуждающегося мира, который он не желал посещать или узнавать, монотонного, временно приостановленного бизнеса, тщеты и повторения, готовых проснуться снова.

Молли теперь замедлилась, или потому что знала, что подобралась к цели, или заботясь о своей ноге. Боль начинала прокладывать свой рваный путь назад сквозь эндорфин, и он не был уверен в причине. Она не разговаривала, держала зубы сжатыми, и тщательно регулировала свое дыхание. Она прошла мимо многих штуковин, которых Кейс не понял, но его любопытство исчезло. Там была комната, забитая стеллажами книг, миллионы плоских листов пожелтевшей бумаги зажаты между обложками из ткани или кожи, стеллажи помечены через интервалы бирками, соответствующими буквенно-цифровому коду, переполненная галерея, где Кейс смотрел, сквозь незаинтересованные глаза Молли, на раз-

битый, покрытый трафаретом пыли лист стекла, с названием — ее взгляд автоматически прошел по латунной табличке — "La mariee mise a nu par ses celibataires, meme."[45] Она протянула руку и тронула это, ее искусственные ногти щелкнули о лексановский «сэндвич», защищающий сломанное стекло. Там было что-то, очевидно бывшее входом в криогенный массив Тессье-Эшпулов, круглые двери из черного стекла, окаймленные хромом. Она не встретила никого после тех двух африканцев с их тележкой, и для Кейса они стали чем-то вроде воображаемой жизни; он вообразил их тихо скользящих через залы Блуждающего Огонька, их гладкие черепа мерцают, покачиваются, и один из них все еще поет свою маленькую усталую песню. И ничто из это не было тем, что он ожидал от виллы Блуждающий Огонек, некого пересечения сказочной истории Кэт и полузабытых детских фантазий о внутреннем святилище якудза.

07:02:18.

Полтора часа.

---

[45] Примечания: 45

"Невеста, раздетая собственными холостяками" — концептуальная картина французского художника-авангардиста Марселя Дюшана (Marcel Duchamp, 1887–1968), также известна под названием "Большое стекло".

— Кейс, — сказала она, — сделай мне одолжение.

Она с трудом села на стопку полированных стальных пластин, поверхность каждой пластины была защищена неровным покрытием из прозрачного пластика. Она поковыряла в разрыве пластика на самой верхней пластине, лезвия выскользнули из-под ногтей большого и указательного пальца.

— С ногой нехорошо, понимаешь? Не думала, что придется вот так карабкаться, и эндорфин больше не будет отсекать это. Так что может быть — просто может быть, ладно? — у меня тут проблема. Что мне нужно, если я тут загнусь раньше, чем Ривьера. — Она выпрямила ногу, помяв бедро сквозь поликарбон Новых и парижскую кожу. — Я хочу, чтобы ты сказал ему. Скажи ему, это была я. Понял? Просто скажи, что это была Молли. Он поймет. Окей?

Она оглядела пустой коридор, голые стены. Пол здесь был из грубого лунного бетона и воздух пах резиной.

— Черт, я даже не знаю, слушаешь ли ты.

КЕЙС.

Она поморщилась, поднялась на ноги, кивнула.

— Что он рассказал тебе, а, Зимнее Безмолвие? Он рассказал про Мари-Франс? Она была супругой Тессье, генетическая мать 3Джейн. И той мертвой куклы у Эшпула, мне так кажется. Не знаю, зачем он мне рассказал это, тогда в кабинке… много всего… Почему он появлялся как Финн или еще кто-то, он рассказал мне про это. Это не просто маска, это как будто он использует реальные профили как вентили, выпускает себя по ним, чтобы общаться с нами. Назвал это шаблоном. Моделью личности. Она вынула игломет и захромала дальше по коридору.

Голая сталь и шершавая эпоксидка внезапно оборвались, сменившись тем, что Кейс с первого взгляда принял за грубый туннель, пробитый в сплошной скале. Молли изучила его край, и он увидел, что на самом деле сталь была обшитами панелями из чего-то, что выглядело и ощущалось как холодный камень. Она встала на колени и тронула темный песок, рассыпанный по полу имитированного туннеля. Он ощущался как песок, прохладный и сухой, но когда она погрузила в него палец, он сомкнулся как жидкость, оставив поверхность непотревоженной. В дюжине метров впереди туннель изгибался. Резкий желтый свет отбрасывал жесткие тени на изрубцован-

ный псевдокамень стен. Впервые Кейс понял, что гравитация здесь была почти земной, что означало, что Молли начала спускаться снова, после восхождения. Теперь он основательно заблудился; пространственная дезориентация была специфическим страхом ковбоев.

Но она не заблудилась, сказал он сам себе. Что-то сбежало вниз между ее ног и зашагало, тикая, по не-песку пола. Мигал красный светодиод. "Браун".

Первая из голограмм ждала прямо за изгибом, нечто вроде триптиха. Она опустила игломет еще до того, как Кейс успел понять, что это была запись. Фигуры были карикатурами из света, мультфильмы в натуральную величину: Молли, Армитаж и Кейс. Груди Молли были слишком большими и просматривались сквозь мелкую черную сетку под тяжелой кожаной курткой. Ее талия была невероятно узкой. Серебристые линзы закрывали половину лица. Она держала абсурдно сложное оружие непонятного типа, очертания пистолета почти потерялись под нагромождениями оптических прицелов, глушителей и пламегасителей. Ее ноги были расставлены, лобок выпячен вперед, рот зафиксирован в гримасе идиотической жестокости. Рядом

с ней по стойке смирно твердо стоял Армитаж, в поношенной униформе цвета хаки. Его глаза, разглядел Кейс, когда Молли осторожно ступила вперед, были крохотными экранами мониторов, каждый показывал голубовато-серую картинку воющей снежной метели, ободранные черные стволы елок сгибаются от безмолвного ветра.

Она потыкала кончиками пальцев в телевизионные глаза Армитажа, затем повернулась к фигуре Кейса. Здесь Ривьера — и Кейс моментально понял, что отвечал за это Ривьера — был неспособен найти что-либо заслуживающее пародии. Фигура, ссутулившаяся там, была просто приближением того, что он замечал каждый день в зеркале. Тонкий, высокоплечий, незапоминающееся лицо под короткими темными волосами. Ему нужно было побриться, впрочем, как и всегда. Молли отступила назад. Она смотрела то на одну фигуру, то на другую. Это была статичная проекция, единственным движением были беззвучные порывы ветра в черных деревьях в замерзших сибирских глазах Армитажа.

— Пытаешься что-то сказать нам, Питер? — тихо спросила она.

Затем она шагнула вперед и пнула что-то между ступнями голо-Молли. Звякнул о стену металл,

и фигуры пропали. Она нагнулась и подняла маленький проекционный модуль.

— Видимо, он может подключаться к этим штукам и программировать их напрямую, — сказала она, отбрасывая его прочь.

Она прошла источник желтого света, архаическую шаровидную лампу накаливания, установленную на стене и защищенную ржавой изогнутой решеткой. Стиль импровизированной старины каким-то образом напоминал о детстве. Он припомнил крепости, которые строил с другими детьми на крышах и в затопленных полуподвалах. Укрытие богатого ребенка, подумал он. Такое грубое оформление было дорогим. Это называют атмосферой.

Она прошла еще с дюжину голограмм, пока достигла входа в апартаменты 3Джейн. Одна из них изображала безглазое существо на аллее за Базаром пряностей, когда оно вышло на свободу, разорвав тело Ривьеры. Часть остальных была сценами пыток, мучители всегда были военными офицерами, а жертвы — неизменно молодыми женщинами. Видения были так же интенсивны, как шоу Ривьеры в Вантьем Сиэкль, будто они застыли в голубой вспышке оргазма. Молли отворачивалась, когда проходила мимо.

Последняя была маленькой и тусклой, как будто это изображение Ривьера должен был вытащить с большой дистанции в памяти и времени. Она должна была встать на колени, чтобы разглядеть картину; она была спроецирована с точки зрения маленького ребенка. Ни одна из других голограмм не имела фона; фигуры, униформы, интсрументы пыток, все это было свободно стоящими проекциями. Но здесь был вид. Темная волна булыжника поднималась на фоне бесцветного неба, за ее гребнем выбеленные, полурасплавленные скелеты городских небоскребов. Волна булыжника имела текстуру, похожую на сетку, ржавеющая арматура изящно согнута, словно тонкая струна, огромные плиты бетона все еще свисают с нее. Передний план мог раньше быть городской площадью; там было нечто вроде пенька, что-то предполагавшее фонтан. У его подножия застыли дети и солдат. Живая сцена поначалу сбивала с толку. Молли, должно быть, поняла ее правильно перед тем, как Кейс вполне воспринял ее, потому что он почувствовал ее напряжение. Она плюнула, затем встала. Дети. Одичавшие, в лохмотьях. Зубы блестят как ножи. Язвы на искаженных лицах. Солдат лежит на спине, рот и горло открыты небу. Они питались.

— Бонн, — сказала она, что-то вроде нежности в ее голосе.

— Настоящий продукт, да, Питер? Но ты должен был быть. Наша 3Джейн, она слишком пресыщена сейчас, чтобы открыть заднюю дверь любому воришке. Так что Зимнее Безмолвие выкопал тебя. Отличный вкус, если это можно назвать твоим вкусом. Демонический любовник. Питер. — Она задрожала. — Но ты уговорил ее впустить меня. Спасибо. Теперь у нас будет вечеринка.

И потом она пошла — прогуливаясь, на самом деле, невзирая на боль — прочь от детства Ривьеры. Она вынула игломет из кобуры, отщелкнула пластиковый магазин, спрятала его в карман, и заменила другим. Она вонзила ноготь большого пальца в воротник костюма Новых и разрезала его до промежности одним движением, лезвие разделило прочный поликарбон словно гнилой шелк. Она освободила руки и ноги, разрезанные остатки замаскировали сами себя, когда упали на темный ложный песок. Затем Кейс заметил музыку. Музыку, которой он не знал, всю на рожках и пианино. Вход в мир 3Джейн не имел двери. Это был зазубренный пролом пятиметровой высоты в стене туннеля, неровные ступеньки вели вниз в широком и пологом изгибе. Слабый голубой свет,

движение теней, музыка.

— Кейс, — сказала она, и остановилась, с иглометом в правой руке. Затем она подняла левую, улыбнулась и тронула открытую ладонь влажным кончиком языка, целуя его через симстим-связь.

— Пора идти.

И потом что-то маленькое и тяжелое оказалось в ее левой руке, ее большой палец напротив крохотного выступа, и она спускалась.

18

Она опоздала всего лишь на долю момента. Она почти закончила, но не совсем. Она вошла правильно, подумал Кейс. Правильное поведение; это было нечто, что он мог чувствовать, что он раньше видел в позе другого ковбоя, склонившегося над декой, пальцы порхают по клавиатуре. У нее было это: суть, движения. И она собрала все это вместе для своего вступления. Собрала это вместе вокруг своей боли в ноге и шла вниз по лестнице 3Джейн, словно она владела этим местом, локоть вооруженной руки на боку, предплечье кверху, запястье расслаблено, покачивая дуло игломета с выученной небрежностью регентского дуэлянта. Это был перфоманс. Это было вроде кульминации просмотра всех в жизни видеокассет о боевых искусствах, дешевых фильмов, на которых Кейс вырос. На несколько секунд, он знал, она стала героем каждого забияки, Сони Мао в старых видео Шау, Микки Чиба, и вся родословная назад до Ли с Иствудом. Она ходила так, как говорила.

Леди 3Джейн Мари-Франс Тессье-Эшпул вырезала себе низкую страну вплотную к внутренней

поверхности оболочки Блуждающего огонька, сломав лабиринт стен, который был ее территорией. Она жила в единственной комнате, такой широкой и глубокой, что ее дальние концы терялись за инверсным горизонтом, пол скрывался изгибом веретена. Потолок был низким и неровным, отделанным той же имитацией камня, что и стены коридора. Там и тут из пола выступали зазубренные секции стен высотой по пояс — все, что напоминало о лабиринте. Там был прямоугольный бирюзовый бассейн, в десяти метрах по центру от лестницы, его подводные течения были единственным источником света в апартаментах — или так показалось Кейсу, когда Молли сделала последний шаг. Бассейн отбрасывал колышущиеся пятна света на потолок над собой. Они ждали у бассейна.

Он знал, что ее рефлексы подправлены, ускорены нейрохирургами для боев, но он не испытывал их по симстим-связи. Эффект был похож на запись, воспроизведенную на половинной скорости, медленный, неспешный танец, с поставленной хореографией инстинкта убийцы и многих лет тренировки. Казалось, она засекла троих из них за один миг: мальчик, стоявший на трамплине бассейна, девушка, ухмыляюща-

яся над бокалом вина, и труп Эшпула, его левая глазница зияет чернотой и разрушением над приветливой улыбкой. На нем был его темно-бордовый халат. Его зубы были очень белыми. Мальчик нырнул. Стройный, коричневый, его фигура совершенна. Граната покинула ее левую руку до того, как его руки рассекли воду. Кейс понял, что это была за штука, когда она ударилась о поверхность: мощный взрывчатый заряд, обернутый десятью метрами тонкой, ломкой стальной проволоки. Ее игломет взвыл, когда она послала шторм разрывных дротиков в лицо и грудь Эшпула, и он пропал, дым курился над рябой спинкой пустого, покрытого белой эмалью бассейнного стула. Дуло развернулось к 3Джейн, когда сдетонировала граната, симметричный свадебный пирог воды поднимается, ломается, опадает вниз, но ошибка уже была сделана. Хидэо даже не дотронулся до нее. Ее нога сломалась. В «Гарвее», Кейс закричал.

— Небыстро ты добралась, — сказал Ривьера, обыскивая ее карманы. Ее руки были погружены по запястье в матовую черную сферу размером с шар для боулинга. — Я видел массовое убийство в Анкаре, — сказал он, его пальцы выдергивали предметы из ее жилета, — работа гранаты. В

бассейне. Показалось очень слабым взрывом, но все они умерли мгновенно от гидростатического шока.

Кейс почувствовал, как она испытующе пошевелила пальцами. Материал мяча, казалось, оказывал не большее сопротивление, чем темперлон. Боль в ее ноге была мучительной, невозможной. Красный муар двигался в ее зрении.

— Я бы не шевелил пальцами, на твоем месте. — Внутренность мяча вроде бы стала более тесной. — Это секс-игрушка, которую Джейн купила в Берлине. Будешь много шевелить — раздавит в кашу. Вариант материала, из которого сделано покрытие пола здесь. Что-то связанное с молекулами, я думаю. Тебе больно?

Она застонала.

— Кажется, ты повредила себе ногу. — Его пальцы нашли плоский пакет с наркотиками в левом заднем кармане ее джинсов. — Хорошо. Мой последний кусочек от Али, и как раз вовремя.

Движущаяся сетка крови начала крутиться.

— Хидэо, — сказал другой голос, женский, — она теряет сознание. Дай ей что-нибудь. От этого и от боли. Она очень эффектна, не правда ли, Питер? Эти очки, они модные там, откуда она пришла?

Прохладные руки, неспешные, с уверенностью

хирурга. Укол иглы.

— Я не знаю, — сказал Ривьера. — Я никогда не видел ее родных мест. Они пришли и забрали меня из Турции.

— Муравейник, да. У нас там есть интересы. И однажды мы посылали Хидэо. Моя вина, на самом деле. Я позволила кое-кому войти, грабителю. Он забрал фамильный терминал. — Она засмеялась. — Я облегчила ему дело. Чтобы досадить остальным. Он был красивый мальчик, мой грабитель. Она просыпается, Хидэо? Может, ей надо больше?

— Больше, и она умрет, — сказал третий голос.

Кровавая сетка скользнула в черноту. Вернулась музыка, рожки и пианино. Танцевальная музыка.

КЕЙС::::
ОТКЛЮЧАЙ
СВЯЗЬ:::
:::::::::

Послесвечение горящих слов танцевало вокруг глаз Мэлкама и наморщенного лба, пока Кейс снимал троды.

— Ты кричал, мон, немного раньше.

— Молли, — сказал он с пересохшим гор-

лом. — Ей плохо. — Он взял белую пластиковую бутылочку с края g-сетки и высосал полный рот выдохшейся воды. — Мне совсем не нравится, как это дерьмо происходит.

Загорелся маленький монитор «Крэй». Финн, на фоне погнутого, спрессованного хлама.

— Мне тоже. У нас проблема.

Мэлкам поднялся над головой Кейса, изогнулся и уставился поверх его плеча.

— Ну и кто этот мон, Кейс?

— Это просто картинка, Мэлкам, — устало сказал Кейс. — Парень, которого я знаю в Муравейнике. Это Зимнее Безмолвие говорит. Картинка нужна для того, чтобы мы чувствовали себя как дома.

— Хуйня, — сказал Финн. — Как я уже говорил Молли, это не маски. Я нуждаюсь в них, чтобы говорить с вами. Потому что у меня нет того, что вы можете считать личностью, более или менее. Но все это все равно что ссать против ветра, Кейс, потому что, как я сказал, у нас проблема.

— Так объяснись, Безмолвие, — сказал Мэлкам.

— У Молли сломана нога, для начала. Не может ходить. Было задумано, что она войдет, уберет с дороги Питера, вытащит магическое слово из 3Джейн, поднимется к голове, и скажет его. Те-

перь она проиграла. Так что я хочу, чтобы вы двое пошли за ней.

Кейс уставился на лицо на экране.

— Мы?

— А кто еще?

— Аэрол, — сказал Кейс, — парень на "Рокере Вавилона", приятель Мэлкама.

— Нет. Должен быть ты. Должен быть кто-то, кто понимает Молли и понимает Ривьеру. Мэлкам для мускулов.

— Ты, наверно, забыл, что я тут в середине небольшого набега. Помнишь? Для чего ты мою задницу сюда вытащил…

— Кейс, слушай. Времени мало. Очень мало. Слушай. Реальное соединение между твоей декой и Блуждающим Огоньком — это вещание по боковой полосе частот через навигационную систему Гарвея. Вы заберете Гарвей в очень приватный док, который я вам покажу. Китайский вирус уже полностью проник в ткань Хосаки. Сейчас в Хосаке ничего, кроме вируса. Когда вы пристыкуетесь, вирус войдет в контакт с охранной системой Блуждающего Огонька, и мы обрежем боковую полосу частот. Ты возьмешь свою деку, Флэтлайна и Мэлкама. Ты найдешь 3Джейн, достанешь из нее слово, убьешь Ривьеру, возьмешь ключ у

Молли. Ты можешь приглядывать за программой, подключая свою деку к системе Блуждающего Огонька. Я займусь этим для тебя. Сзади головы есть стандартный разъем, за панелью с пятью цирконами.

— Убить Ривьеру?!

— Убей его.

Кейс моргал на представление Финна. Он почувствовал, как Мэлкам положил руку ему на плечо.

— Эй. Ты забыл кое-что. — Он почувствовал поднимающийся гнев, и какое-то веселье. — Тебе пиздец. Ты выбросил управление захватами, когда ты выбросил Армитажа. Ханива держит нас крепко-крепко. Армитаж изжарил другую Хосаку, и вычислительные системы улетели вместе с рубкой, так?

Финн кивнул.

— Так что мы застряли здесь. И значит, что тебе пиздец, мужик. — Он хотел засмеяться, но ему сдавило горло.

— Кейс, мон, — сказал Мэлкам мягко, — Гарвей — буксир.

— Это верно, — сказал Финн, и улыбнулся.

— Развлекаешься в большом мире снаружи? — спросил конструкт, когда Кейс подключился

снова. — Наверно, то был Зимнее Безмолвие, требующий удовольствия…

— Ага. Точно. Куань окей?

— Атас. Потрясный вирус.

— Окей. У нас тут некоторые заморочки, но мы работаем над ними.

— Может быть, хочешь мне рассказать?

— Нет времени.

— Хорошо, пацан, не обращай на меня внимания, я все равно дохлый.

— Отъебись, — сказал Кейс, и перебросился, перерезая грань ногтеотрывающего смеха Флэтлайна.

— Она мечтала о состоянии, включающем очень малую долю индивидуального сознания, — говорила 3Джейн. Она держала в сложенных чашкой ладонях большую брошь, протягивая ее Молли. Вырезанный профиль был очень похож на ее собственный.

— Животное блаженство. Мне кажется, она рассматривала эволюцию головного мозга как своего рода отклонение. — Она забрала брошь и изучила ее, наклоняя, чтобы отразить свет под разными углами. — Только в определенных усиленных формах мог индивидуум — член клана — испытывать более резкие аспекты самоосо-

знания…

Молли кивнула. Кейс вспомнил инъекцию. Что они дали ей? Боль все еще была там, но она приходила сквозь узкий фокус перемешанных впечатлений. Неоновые черви извивались в ее бедре, прикосновение мешковины, запах жареного криля — его разум отступал перед этим. Если он избегал фокусироваться на этом, впечатления накладывались, становились сенсорным эквивалентом белого шума. Если это делалось с ее нервной системой, что же происходило с умом? Ее зрение было ненормально чистым и ярким, даже острее чем обычно. Вещи казались вибрирующими, каждый объект или персона настроены на слегка другую частоту. Ее руки, все еще запертые в черном шаре, находились на коленях. Она сидела в одном из пляжных кресел, ее сломанная нога покоилась прямо перед ней на подушечке из верблюжьей шкуры. 3Джейн сидела напротив, на другой подушке, кутаясь в слишком большой халат из суровой шерсти. Она была очень молода.

— Куда он пошел? — спросила Молли. — Ширнуться?

3Джейн пожала плечами под складками бледного тяжелого халата и отбросила прядь темных

волос со своих глаз.

— Он сказал мне, когда впустить тебя, — сказала она. — Он не сказал, зачем. Все должно быть загадочно. Ты бы повредила нам?

Кейс почувствовал, что Молли медлит.

— Я бы убила его. Я бы попыталась убить ниндзю. Затем предполагалось, что я поговорю с тобой.

— Зачем? — спросила 3Джейн, засовывая брошь назад в один из внутренних карманов халата. — И почему? И о чем?

Молли, казалось, изучала высокие, утонченные скулы, широкий рот, узкий ястребиный нос. Глаза 3Джейн были темными, удивительно непрозрачными.

— Потому что я ненавижу его, — сказала она наконец, — и причина в том, как я прошита, кто есть он и кто есть я.

— И шоу, — сказала 3Джейн, — я видела шоу.

Молли кивнула.

— Но Хидэо?

— Потому что они лучшие. Потому что один из них убил моего партнера, однажды.

3Джейн стала очень печальной. Она подняла брови.

— Потому что я должна была увидеть, — ска-

зала Молли.

— И потом мы бы поговорили, ты и я? Вот так?

Ее темные волосы были очень прямыми, с центральным пробором, забранные назад в узел тусклого серебра.

— Мы поговорим теперь?

— Сними это, — сказала Молли, поднимая плененные руки.

— Ты убила моего отца, — сказала 3Джейн, никак не изменив голос. — Я наблюдала через мониторы. Глаза моей матери, как он называл их.

— Он убил куклу. Она выглядела как ты.

— Он был поклонник широких жестов, — сказала она, и затем Ривьера появился возле нее, сияя от наркотиков, в полосатом одеянии заключенного, которое он носил в саду на крыше их отеля.

— Знакомимся? Она интересная девушка, не так ли? Я так и подумал, когда первый раз увидел ее. — Он ступил за 3Джейн. — Это не сработает, ты же знаешь.

— Не сработает, Питер? — Молли удалось усмехнуться.

— Зимнее Безмолвие — не первый, кто сделал ту же ошибку. Недооценил меня.

Он перешел к выложенному плиткой краю бассейна к белому эмалированному столику и

плеснул минеральной воды в тяжелый высокий стакан.

— Он говорил со мной, Молли. Я предполагаю, он говорил с нами всеми. С тобой, с Кейсом, с тем, с чем там у Армитажа можно говорить. Он не может нас понимать на самом деле, знаешь ли. У него есть его профили, но это лишь статистика. Ты можешь быть статистическим животным, дорогуша, и Кейс не более чем оно, но я обладаю качеством, неисчислимым по самой его природе.

Он выпил.

— И что же это такое, Питер? — спросила Молли безучастным голосом.

Ривьера просиял.

— Извращенность. — Он прошел назад к двум женщинам, поигрывая оставшейся водой на дне плотного, глубоко вырезанного цилиндра горного хрусталя, как будто он наслаждался его весом. — Наслаждение беспричинным действием. И я принял решение, Молли, полностью беспричинное решение.

Она выжидала, глядя на него.

— О, Питер, — сказала 3Джейн, с оттенком мягкого раздражения, обычно адресуемого детям.

— Не будет тебе слова, Молли. Он сказал мне об этом, ты знаешь. 3Джейн знает код, конечно, но

ты его не получишь. И Зимнее Безмолвие тоже не получит. Моя Джейн амбициозная девочка, в своем извращенном смысле. — Он улыбнулся опять. — У нее есть планы семейной империи, и пара безумных ИИ с вывертами могут встать на нашем пути. Так вот. Приходит ее Ривьера, чтобы спасти ее, видишь. И Питер говорит, сиди и держись крепче. Поставь любимые папочкины свинговые записи и позволь Питеру собрать тебе группу, танцплощадку, на поминки мертвого короля Эшпула.

Он допил остатки минеральной воды.

— Нет, ты не будешь этого делать, папочка, не будешь. Теперь, когда Ривьера пришел домой.

И затем, с розовым от упоения кокаином и мепиридином лицом, он с силой швырнул стакан в ее левый имплантант, сокрушив зрение в мешанине крови и света.

Мэлкам был распластан на потолке кабины, когда Кейс снял троды. Нейлоновый канат вокруг его пояса был пристегнут к панелям с каждой стороны с помощью амортизационных шнуров и присосок. Он был без рубашки и орудовал над центральной панелью гаечным ключом для работы в невесомости, толстые противодействующие пружины резко звякали, когда он снимал

очередную гайку. Маркус Гарвей стонал и трещал от перегрузки.

— Безмолвие забирает я и я в док, — сказал сионит, отправляя гайку в сетчатый мешочек на поясе. — Мэлкам будет пилотировать посадку, а пока нам нужны инструменты для работы.

— Ты хранишь инструменты там? — Кейс скривил шею и наблюдал за веревками мускулов, выступающими из коричневой спины.

— Вот этот, — сказал Мэлкам, вытягивая длинный сверток, завернутый в черный полиэтилен, из пространства за панелью. Он вернул панель на место, закрепив ее одной гайкой. Черный сверток уплыл на корму, пока он заканчивал. Большим пальцем он открыл вакуумные клапаны на серых панелях рабочего пояса и освободил себя, догнав предмет, который он извлек. Он оттолкнулся назад, проплыв над своими инструментами — зеленая стыковочная диаграмма пульсировала на центральном экране — и зацепился за раму *g*-сетки Кейса. Он стянул себя вниз и подцепил край ленты на пакете толстым, потрескавшимся ногтем своего большого пальца.

— Один человек в Китае говорит, что истина приходит отсюда, — сказал он, разворачивая древний, скользкий от масла автоматический

дробовик «Ремингтон», его ствол был спилен в нескольких миллиметрах впереди потрепанного ложа. Приклад отсутствовал полностью, вместо него была приделана деревянная пистолетная рукоятка, обмотанная тусклой черной лентой. Он пах потом и ганджой.

— Это все, что у тебя есть?

— Конечно, мон, — сказал он, стирая масло с черного ствола красной тряпкой, черная полиэтиленовая обертка топорщилась вокруг рукояти в его другой руке, — Я растафарианский десантник, поверь.

Кейс натянул троды на лоб. Он не позаботился снова надеть катетер «Техас»; в конце концов он сможет по-настоящему отлить в вилле Блуждающий Огонек, даже если в последний раз. Он подключился.

— Эй, — сказал конструкт, — этот Питер хуже говна старой обезьяны, а? — Теперь они казались частью льда Тессье-Эшпулов; изумрудные арки расширились, срослись, превратились в сплошную массу. Зеленый цвет преобладал в плоскостях китайской программы, окружавших их.

— Подбираемся ближе, Дикси?

— Совсем близко. Скоро будешь нужен.

— Слушай, Дикс. Зимнее Безмолвие говорит,

что Куань укрепился в нашей Хосаке. Я собираюсь отключить тебя и свою деку от линии, оттащить тебя в Блуждающий Огонек и и снова подключить, в тамошнюю программу безопасности, так говорит Зимнее Безмолвие. Говорит, что Куань расчистит там все. И тогда мы сделаем набег изнутри через сеть Блуждающего Огонька.

— Чудесно, — сказал Флэтлайн, — Никогда не любил ничего делать просто, если это можно сделать через жопу.

Кейс перебросился.

В ее темноту, в крутящуюся синестезию, где ее боль была вкусом старого железа, ароматом дыни, крыльями мотылька, щекочущими ее щеку. Она была без сознания, и он был отрезан от ее снов. Когда засветился оптический чип, символы имели ореол, каждый из них обведен слабой розовой аурой.

07:29:40.

— Я очень расстроена этим, Питер. — Голос 3Джейн, казалось, приходил из далекой пустоты. Молли могла слышать, он понял, но затем поправил себя. Симстим-модуль был нетронут и все еще на месте; он мог чувствовать его давление на ее ребра. Ее уши регистрировали вибрации голоса девушки. Ривьера сказал что-то короткое

и неразличимое.

— А я нет, — ответила она, — и это не смешно. Хидэо принесет аптечку из реанимационной, но здесь потребуется хирург.

Потом была тишина. Очень отчетливо Кейс расслышал плеск воды о край бассейна.

— О чем это ты ей рассказывала, когда я вернулся?

— О моей матери. Она попросила меня рассказать. Я подумала, что она в шоке, помимо инъекции Хидэо. Зачем ты сделал это с ней?

— Я хотел проверить, сломаются они или нет.

— Одно сломалось. Когда она очнется — если очнется — мы увидим, какого цвета у нее глаза.

— Она крайне опасна. Слишком опасна. Если бы я не был здесь и не отвлек ее, при помощи мертвого Эшпула и моего собственного Хидэо, который принял на себя ее маленькую бомбу, где бы ты была сейчас? В ее власти.

— Нет, — сказала 3Джейн, — там был Хидэо. Я не думаю, что ты особенно понимаешь насчет Хидэо. А она явно понимает.

— Хочешь выпить?

— Вино. Белое.

Кейс отключился.

Мэлкам сгорбился над пультом управления

«Гарвея», настукивая команды для стыковочной последовательности. Центральный экран модуля показывал неподвижный красный квадрат, который представлял собой док Блуждающего Огонька. «Гарвей» был квадратом побольше, зеленым, который медленно сжимался, качаясь из стороны в сторону по командам Мэлкама. Слева, экран поменьше показывал скелетные чертежи «Гарвея» и «Ханивы», по мере того как они приближались к изгибу веретена.

— У нас есть час, мужик, — сказал Кейс, вытаскивая оптоволоконный шлейф из «Хосаки». Резервных батарей в его деке хватало на 90 минут, но конструкт Флэтлайна был дополнительным расходом. Он работал быстро, механически, прикрепляя конструкт ко дну «Оно-Сендая» микропорной лентой. Рабочий пояс Мэлкама проплыл мимо него. Он схватил его, отцепил два отрезка амортизационного шнура с серыми прямоугольными присосками, и сцепил карабины шнуров друг с другом. Он прижал присоски к краям своей деки и повернул рукоятки, создающие отсос. Вместе с декой и конструктом, висящими спереди на импровизированной лямке, он влез в свою кожаную куртку, проверяя содержимое карманов. Паспорт, полученный от Армитажа,

банковский чип на то же имя, кредитный чип, который он открыл, когда попал на Фрисайд, два дерма бетафенетиламина, купленные у Брюса, сверток новых йен, полпачки «Ехэюань», и сюрикен. Он выбросил чип Фрисайда за плечи, услышав, как тот отскочил от русского воздухоочистителя. Он хотел сделать то же самое со стальной звездой, но отскочивший кредитный чип ударил его в затылок, завертелся, ударил в потолок, и покувыркался мимо левого плеча Мэлкама. Сионит прервал пилотирование, чтобы оглянуться. Кейс посмотрел на сюрикен, затем заткнул его в карман куртки, услышав, как рвется подкладка.

— Ты пропустил Безмолвие, мон, — сказал Мэлкам. — Безмолвие говорит, что он дурит безопасность для Гарвея. Гарвей стыкуется как другой корабль, корабль, который они ждут из Вавилона. Безмолвие передает коды за нас.

— Нам надо будет носить костюмы?

— Слишком тяжелые. — Мэлкам пожал плечами. — Оставайся в сетке, пока я не скажу тебе. — Он вбил финальную последовательность в модуль и схватился за поношенные розовые ручки на каждом конце навигационной доски. Кейс увидел, как зеленый квадрат сжался на

последние несколько миллиметров и совпал с красным квадратом. На экране поменьше «Ханива» наклонила нос вниз, чтобы избежать встречи с кривой веретена, и была поймана. «Гарвей» все еще был подвешен под ней, словно плененная личинка. Буксир зазвенел, вздрогнул. Две стилизованные руки протянулись наружу и захватили изящную осиную фигуру. Блуждающий Огонек выдвинул пробный желтый прямоугольник, который изгибался, нащупывая «Гарвей» за «Ханивой». С носа послышался скрежещущий звук, за трепещущими лианами герметика.

— Мон, — сказад Мэлкам, — учти, что у нас теперь гравитация.

Дюжина мелких предметов одновременно ударилась о пол кабины, будто притянутая магнитом. Кейс задохнулся, когда его внутренние органы разошлись в другие положения. Дека и конструкт больно упали на его колени. Теперь буксир был прикреплен к веретену и вращался вместе с ним. Мэлкам раскинул руки, стряхнул напряжение с плеч, и снял пурпурную шапочку, потрясая косичками.

— Пошли, мон, если говоришь, что время самое ценное.

19

Вилла Блуждающий Огонек была паразитической структурой, напомнил Кейс сам себе, когда он ступил мимо отростков герметика через носовой люк "Маркуса Гарвея". Блуждающий Огонек высасывал воздух и воду из Фрисайда и не имел собственной экосистемы. Мостик, выдвинутый доком, был усложненной версией того, по которому Кейс кувыркался на пути к «Ханиве», здесь учитывалась гравитация вращения веретена. Гофрированная труба, со встроенными шарнирными гидравлическими сочленениями, каждый сегмент окольцован обручами из прочного, нескользящего пластика, эти обручи служили ступенями лестницы. Мостик змеился вокруг «Ханивы»; он был горизонтальным в месте соединения со шлюзом Гарвея, но резко изгибался вверх и влево, вертикально карабкаясь по изгибу борта яхты. Мэлкам уже прокладывал путь вверх по кольцам, подтягивая себя вверх левой рукой, с «Ремингтоном» в правой. Он носил запятнанные мешковатые рабочие брюки, свою зеленую нейлоновую безрукавку, и пару поношенных холщовых кроссовок с ярко-крас-

ными подошвами. Мостик слегка покачивался каждый раз, когда он карабкался на следующее кольцо. Карабины на самодельной лямке Кейса врезались ему в плечо от тяжести «Оно-Сэндая» и конструкта Флэтлайна.

Все, что он сейчас чувствовал — страх, обобщенная боязнь. Он гнал это прочь, заставляя себя вспоминать лекции Армитажа по веретену и Блуждающему Огоньку. Он начал лезть.

Экосистема Фрисайда была ограниченной, но не закрытой. Сион был закрытой системой, способной функционировать годами без привлечения внешних материалов. Фрисайд производил собственные воздух и воду, но зависел от постоянных поставок пищи, регулярных обновлений почвы. Вилла Блуждающий Огонек не производила ничего.

— Мон, — тихо сказал Мэлкам, — поднимайся сюда, возле меня.

Кейс прижался к боку круговой лестницы и прошел последние несколько ступеней. Мостик закончился гладким, слегка выпуклым люком, двух метров в диаметре. Гидравлические сочленения трубы скрывались в пазах с гибким креплением, расположенных по периметру люка.

— Ну и что мы-

Рот Кейса закрылся, когда люк отворился, легкий дифференциал давлений дунул ему в глаза мелкой пылью. Мэлкам вскарабкался наверх, перевалился через край, и Кейс услышал тихий щелчок «Ремингтона», снятого с предохранителя.

— Ты мон, который спешит… — прошептал Мэлкам, присев там.

Затем Кейс оказался возле него. Люк находился в центре круглого, сводчатого помещения, вымощенного голубой нескользящей пластиковой плиткой. Мэлкам толкнул его, указал, и он увидел монитор, установленный в изогнутой стене. На экране, высокий молодой человек с чертами Тессье-Эшпулов сметал что-то с рукавов своего темного пальто. Он стоял возле такого же люка, в такой же комнате.

— Весьма сожалею, сэр, — сказал голос из решетки, расположенной над люком. Кейс взглянул вверх. — Ожидали вас позже, в осевом доке. Один момент, пожалуйста.

На мониторе молодой человек нетерпеливо дернул головой. Мэлкам развернулся с дробовиком наизготовку, как только слева от них скользнула в сторону дверь. Маленький евразий-

ец в оранжевом комбинезоне ступил внутрь и уставился на них. Он открыл рот, но не издал ни звука. Он закрыл рот. Кейс посмотрел на монитор. Пусто.

— Кто? — удалось выдавить человеку.

— Растафарианская морская пехота, — сказал Кейс, вставая, киберпространственная дека билась о его бедро, — и все что нам надо, это подключиться к вашей системе охраны.

Человек сглотнул.

— Это что, тест? Это проверка на лояльность. Это должна быть проверка на лояльность. — Он вытер ладони о ляжки в оранжевом костюме.

— Нет, мон, это по-настоящему. — Мэлкам встал с корточек, не сводя «Ремингтон» с лица человека. — Двигай.

Они проследовали за человеком назад через дверь, в коридор, где стены из шлифованного бетона и неровный пол из перекрывающихся ковров были прекрасно знакомы Кейсу.

— Красивые коврики, — сказал Мэлкам, подталкивая человека в спину. — Пахнет как в церкви.

Они подошли к другому монитору, древнему «Сони», этот был установлен над консолью с клавиатурой и сложным набором панелей с разъемами. Экран осветился, когда они остановились,

Финн нервно оскалился на них из того, что казалось передней комнатой Метро Голографики.

— Окей, — сказал он, — Мэлкам забирает этого парня по коридору к открытой раздевалке, сажает его там, я запру ее. Кейс, тебе нужен пятый разъем слева, верхняя панель. В шкафу под консолью есть адаптеры. Нужен переходник с двадцатиконтактного Оно-Сэндай на сорокаконтактный Хитачи.

Пока Мэлкам подталкивал своего пленника вперед, Кейс встал на колени и пошарил среди вороха адаптеров, в конце концов отыскав нужный. Подключив деку к адаптеру, он приостановился.

— Слышь, тебе обязательно надо выглядеть вот так? — спросил он у лица на экране. Финн строка за строкой заместился изображением Лонни Зоуна на фоне стены из отклеивающихся японских постеров.

— Все что захочешь, детка, — протянул Зоун, — только попроси Лонни…

— Нет, — сказал Кейс, — используй Финна.

Когда изображение Зоуна исчезло, он вставил адаптер «Хитачи» в разъем и надел троды себе на лоб.

— Что тебя задержало? — спросил Флэтлайн,

и засмеялся.

— Я же тебя просил не делать этого, — сказал Кейс.

— Шутка, пацан, — сказал конструкт, — для меня прошло ноль времени. Ну-ка, посмотрим, что у нас тут…

Куань был зеленым, в точности оттенка льда Т-А. Даже пока Кейс смотрел, он постепенно становился все более непрозрачным, хотя Кейс и мог видеть зеркально-черную акуловидную штуку четко, когда смотрел вверх. Линии изломов и галлюцинации пропали, и штука выглядела реально, как "Маркус Гарвей", бескрылый древний реактивный аппарат, его гладкая поверхность покрыта пластинами черного хрома.

— Как раз вовремя, — сказал Флэтайн.

— Как раз, — сказал Кейс, и перебросился.

— …подобного этому. Я сожалею, — говорила 3Джейн, бинтуя голову Молли. — Наш модуль сообщает, что нет сотрясения и нет полного повреждения глаза. Ты его не очень хорошо знала, до того как пришла сюда?

— Вообще не знала его, — слабо сказала Молли. Она лежала на спине на высокой кровати или застеленном столе. Кейс не мог почувствовать раненую ногу. Синестетический эффект первой

инъекции, похоже, сошел. Черный шар исчез, но ее руки были закреплены мягкими ремнями, которых она не могла видеть.

— Он хочет убить тебя.

— Догадываюсь, — сказала Молли, глядя вверх на грубый потолок мимо очень яркого света.

— Я не думаю, что мне этого хочется, — сказала 3Джейн, и Молли мучительно повернула голову, чтобы посмотреть в темные глаза.

— Не играй со мной, — сказала она.

— Но мне бы, наверное, могло понравиться, — сказала 3Джейн, и наклонившись, поцеловала ее в лоб, отстранив ее волосы теплой ладонью. На ее бледном халате были брызги крови.

— Где он сейчас? — спросила Молли.

— Наверное, еще одна инъекция, — сказала 3Джейн, выпрямляясь. — Он очень нетерпеливо ждал твоего прибытия. Мне кажется, это может быть весело — няньчить тебя, пока ты выздоравливаешь, Молли.

Она улыбнулась, отутствующе вытирая окровавленную руку о перед халата.

— Ногу надо будет выправлять, но мы можем это устроить.

— Что насчет Питера?

— Питер. — Она слегка покачала головой. Прядь

темных волос высвободилась и упала на ее лоб. — Питер стал каким-то скучным. Я нахожу простое употребление наркотиков скучным. — Она хихикнула. — В прочих случаях, сколько угодно. Мой отец был знатоком злоупотребления, как ты могла видеть.

Молли напряглась.

— Не тревожься. — Пальцы 3Джейн провели по коже над поясом джинсов. — Его самоубийство было результатом моих манипуляций с безопасными пределами его заморозки. Я его никогда не встречала, знаешь. Я высадилась, когда он последний раз ушел в сон. Но я его знала очень хорошо. Сердечники знают все. Я наблюдала, как он убивал мою мать. Я покажу тебе это, когда ты оправишься. Он задушил ее в постели.

— Почему он убил ее? — Ее незабинтованный глаз сфокусировался на лице девушки.

— Он не мог принять направление, которое она выбрала для нашей семьи. Она заказала конструирование наших искусственных интеллектов. Она была такой мечтательницей. Она воображала нас в симбиотической связи с ИИ, которые принимали бы корпоративные решения за нас. Наши сознательные решения, мне следовало сказать. Тессье-Эшпулы стали бы бессмертными,

ульем, каждый из нас — часть более крупной сущности. Восхитительно. Я тебе поставлю ее пленки, почти тысяча часов. Но я никогда не понимала ее, на самом деле, и с ее смертью направление было потеряно. Все направления были потеряны, и мы начали зарываться сами в себя. Теперь мы редко выходим наружу. Только я исключение.

— Ты сказала, что ты пыталась убить старика? Ты хитрила с его криогенной программой?

3Джейн кивнула.

— Мне помогали. Призрак. Так я думала, когда была совсем молодой, что в корпоративных сердечниках есть призраки. Голоса. Один из них был тем, кого вы зовете Зимнее Безмолвие, что есть код Тьюринга для бернского ИИ, хотя сущность, которая манипулирует вами — вид подпрограммы.

— Один из них? Есть еще?

— Еще один. Но он не разговаривал со мной уже годы. Мне кажется, он сдался. Я подозреваю, что оба они представляют собой достижение определенных способностей, которые моя мать заказала заложить в оригинальное программное обеспечение, но она была крайне скрытной женщиной, когда чувствовала, что это необходимо. Вот. Выпей. — Она приставила гибкую пластиковую

трубку к губам Молли. — Вода. Хоть немножко.

— Джейн, любовь моя, — бодро сказал Питер откуда-то вне поля зрения, — ты наслаждаешься собой?

— Оставь нас, Питер.

— Играем в доктора… — Внезапно Молли увидела свое собственное лицо, изображение зависло в десяти сантиметрах от ее носа. Повязок не было. Левый имплантант был разбит, длинный осколок посеребренного пластика вонзился глубоко в глазницу, которая была перевернутым озерцом крови.

— Хидэо, — сказала 3Джейн, поглаживая живот Молли, — сделай Питеру больно, если он не уйдет. Иди поплавай, Питер.

Проекция исчезла.

07:58:40, в темноте перевязанного глаза.

— Он сказал, что ты знаешь код. Питер сказал. Зимнему Безмолвию нужен код. — Кейс внезапно заметил присутствие ключа ЧУББ, который лежал на своем нейлоновом ремешке напротив внутреннего изгиба ее левой груди.

— Да, — сказала 3Джейн, отнимая руку, — Я знаю. Я выучила его ребенком. Мне кажется, я выучила его во сне… Или где-то среди тысячи часов дневников моей матери. Но мне кажется,

есть смысл в уговорах Питера не выдавать его. Этим займется Тьюринг, если я все понимаю правильно, а призраки — они весьма непостоянны.

Кейс отключился.

— Странная маленькая чудачка, а? — Финн лыбился на Кейса со старого Сони.

Кейс пожал плечами. Он увидел, как Мэлкам возвращается по коридору с Ремингтоном на боку. Сионит улыбался, его голова качалась в такт ритму, которого Кейс не мог слышать. Пара тонких желтых проводов сбегала от его ушей в боковой карман на безрукавке.

— Даб, мон, — сказал Мэлкам.

— Да ты ёбнулся, — заявил ему Кейс.

— Слышу окей, мон. Правильный даб.

— Эй, парни, — сказал Финн, — приготовились. Сюда едет транспорт. Я не могу проделывать много таких тонких трюков, как картинка 8Жана, одурачившая вашего швейцара, но я могу подвезти вас к 3Джейн.

Кейс вынимал адаптер из разъема, когда беспилотная сервисная тележка вкатилась в поле зрения из-под неуклюжей бетонной арки, обозначавшей дальний конец их коридора. Она могла быть той, на которой ехали африканцы, но в таком случае их уже не было. Прямо за спинкой

низкого мягкого сиденья, сжимая манипуляторами обивку, маленький «Браун» мигал своим красным светодиодом.

— А вот и автобус, — сказал Кейс Мэлкаму.

20

Он снова потерял свой гнев. Он скучал по нему. Маленькая тележка была перегружена: Мэлкам, с «Ремингтоном» на коленях, и Кейс, с декой и конструктом на груди. Тележка работала на скоростях, на которые не была рассчитана; она была неустойчива на поворотах, и Мэлкаму приходилось нагибаться в сторону поворота. Это не представляло проблем, когда штуковина поворачивала налево, потому что Кейс сидел справа, но на правых поворотах сиониту приходилось наклоняться поверх Кейса и его оборудования, вдавливая его в сиденье. Кейс понятия не имел, где они находились. Все выглядело знакомым, но он не был уверен, что уже видел какой-либо определенный участок раньше. Изгибающийся коридор, уставленный деревянными витринами с коллекциями, которых он явно никогда не видел: черепа больших птиц, монеты, маски из чеканного серебра. Шесть шин тележки не издавали звуков на слоях ковров. Было слышно только завывание электромотора и случайные слабые приливы сионского даба из поролоновых шариков в ушах Мэлкама, когда тот наклонялся

перед Кейсом, чтобы встретить крутой поворот. Дека и конструкт все время вдавливали сюрикен в кармане куртки в его бок.

— У тебя часы есть? — спросил он у Мэлкама.

Сионит потряс косичками.

— Время есть время.

— Господи, — сказал Кейс, и закрыл глаза.

"Браун" резво взбежал на груду ковров и постучал одной из своих подбитых лапок по чересчур большой прямоугольной двери из темного потрепанного дерева. Позади, тележка зашипела и выстрелила голубыми искрами из панели с прорезями. Искры ударили в ковер под тележкой, и Кейс почуял запах паленой шерсти.

— Сюда, мон? — Мэлкам поглядел на дверь и щелкнул предохранителем дробовика.

— Эй, — сказал Кейс, больше себе, чем Мэлкаму, — а ты думаешь, я знаю?

"Браун" вращал своим сферическим телом и мигал светодиодом.

— Он хочет, чтобы ты открыл дверь, — сказал Мэлкам, кивая.

Кейс ступил вперед и подергал изукрашенный латунный набалдашник. На уровне глаз в дверь была вмонтирована латунная пластина, такая старая, что надпись, когда-то выгравирован-

ная на ней, стерлась до паучьего, нечитаемого кода, название какой-то давно умершей должности или имя чиновника, отполированное до забвения. Он неясно подумал, индивидуально ли подбирали Тессье-Эшпулы каждый кусочек виллы Блуждающий Огонек, или закупали оптом в каком-нибудь гигантском европейском эквиваленте Метро Голографики. Дверные петли жалобно скрипнули, когда он открыл ее, Мэлкам зашел вслед за ним с «Ремингтоном», выступающим вперед от его бока.

— Книги, — сказал Мэлкам.

Библиотека, белые стальные полки со своими ярлыками.

— Я знаю, где мы, — сказал Кейс.

Он посмотрел назад на сервисную тележку. Завиток дыма поднимался от ковра.

— Пошли, — сказал он. — Тележка. Тележка?

Она оставалась неподвижной.

"Браун" дергал его за штанину джинсов, щипая лодыжку. Он подавил сильное желание пнуть его.

— Ну?

Дрон с тиканьем проложил путь за дверь. Кейс последовал за ним. Монитор в библиотеке был другим «Сони», таким же старым, как и первый.

«Браун» остановился под ним и исполнил нечто вроде джиги.

— Зимнее Безмолвие?

Знакомые черты заполнили экран. Финн улыбнулся.

— Пора отметиться, Кейс, — сказал Финн, его глаза терялись за сигаретным дымом. — Давай, подключайся.

"Браун" бросился к его лодыжке и начал взбираться по ноге, его манипуляторы щипали плоть сквозь тонкую черную ткань.

— Черт! — Он шлепком отшвырнул дрона, и тот врезался в стену. Две из его лапок начали дергаться, бесцельно молотя воздух. — Что с этой проклятой штукой?

— Перегорел, — сказал Финн, — забудь о нем. Нет проблем. А теперь подключайся.

Под экраном находились четыре разъема, но только к одному из них подошел адаптер «Хитачи». Он подключился.

Ничего. Серая пустота. Ни матрицы, ни решетки. Ни киберпространства. Дека пропала. Его пальцы были… И на дальнем ободе сознания, стремительное, скоротечное ощущение чего-то спешащего к нему, через расстояния черных зеркал.

Он попытался закричать.

Кажется, это был город, за изгибом побережья, но он был очень далеко. Кейс сидел на корточках на сыром песке, плотно обхватив руками колени, и дрожал. Он оставался так, казалось, очень долгое время, даже после того как дрожь прекратилась. Город, если это был город, был низким и серым. Временами его закрывали облака тумана, которые все прибывали вместе с прибоем. В какой-то момент он решил, что то был вовсе не город, а какое-то одинокое здание, возможно, руина; он не мог определить расстояние до него. Песок имел оттенок тусклого серебра, которое еще не полностью почернело. Побережье было из песка, побережье было очень длинным, песок был сырым, низ его джинсов был влажным от песка… Он обнял себя и закачался, напевая песню без слов и мелодии. Небо было другим серебром. Чиба. Как небо Чибы. Токийский залив? Он повернул голову и уставился на море, страстно желая увидеть голограмму Фудзи Электрик, дрон или вертолет, хоть что-нибудь. Позади него закричала чайка. Он задрожал. Поднимался ветер. Песок укусил его в щеку. Он положил лицо на колени и зарыдал, звук его всхлипываний такой же отдаленный и чужой, как крики ищу-

щей чайки. Горячая моча просочилась сквозь его джинсы, сбежала на песок и быстро остыла на морском ветру. Когда прошли слезы, у него заболело горло.

— Зимнее безмолвие, — пробормотал он своим коленям, — Зимнее безмолвие…

Начинало темнеть, и на этот раз он задрожал от холода, который наконец заставил его встать. Болели колени и локти. Нос хлюпал; он подтер его манжетом рукава куртки, и затем обыскал один пустой карман за другим.

— Господи, — сказал он, ссутулив плечи и пряча пальцы под мышками для тепла. — Господи.

Его зубы начали стучать. Отлив оставил побережье причесанным узорами более тонкими, чем работа любого токийского садовника. Когда он сделал дюжину шагов в направлении уже невидимого города, он повернулся и посмотрел назад сквозь собирающиеся сумерки. Отпечатки его ног тянулись к месту его прибытия. Никакие другие следы не потревожили тусклый песок. Он покрыл по крайней мере километр, пока не заметил свет. Он разговаривал с Ратцем, и это Ратц показал ему оранжево-красное сияние справа, в стороне от прибоя. Он знал, что Ратца здесь нет, что бармен был порождением его собственного

воображения, не той штуки, в которой он оказался пойман, но это не имело значения. Он вызвал старика для какого-то подобия комфорта, но у Ратца были свои мнения о Кейсе и его затруднительном положении.

— В самом деле, мой артист, ты изумляешь меня. Расстояния, которые ты готов пройти, чтобы завершить свое собственное разрушение. Вся его пышность! В Ночном Городе оно было у тебя в руках! Стимуляторы, чтобы сожрать твой рассудок, выпивка, чтобы все было гладко, Линда, чтобы подсластить горечь, и улица, чтобы помахать топором. И как далеко ты забрел, чтобы сделать это сейчас, и с какими гротескными декорациями… Курорты, подвешенные в космосе, герметически запечатанные зАмки, редчайшая труха со всей Европы, мертвые люди, запечатанные в маленькие ящики, магия из Китая…

Ратц засмеялся, ковыляя рядом с ним и беспечно помахивая своим розовым манипулятором. Несмотря на темноту, Кейс мог разглядеть причудливые кружева стали на почерневших зубах бармена.

— Но я думаю, что это путь артиста, нет? Тебе нужен был этот мир, построенный для тебя, этот пляж, это место. Чтобы умереть.

Кейс остановился, покачнулся, повернулся к шуму прибоя и укусам поднятого ветром песка.

— Да, — сказал он. — Черт. Наверно…

Он пошел навстречу шуму.

— Артист, — услышал он зов Ратца. — Свет. Ты видел свет. Вон. Там…

Он остановился снова, пошатнулся, упал на колени в нескольких миллиметрах ледяной морской воды.

— Ратц? Свет? Ратц…

Но теперь темнота была полной, и остался только звук прибоя. Он с трудом встал на ноги и попытался вернуться по своим следам. Время шло. Он продолжал идти. И потом появилось оно, сияние, определяющее себя с каждым шагом. Прямоугольник. Дверь.

— Там огонь, — сказал он, его слова срывались ветром. Это был бункер, из камня или бетона, погребенный под наносами темного песка. Вход без двери был низким, узким и глубоким, в стене по меньшей мере в метр толщиной.

— Эй, — тихо сказал Кейс, — эй…

Его пальцы провели по холодной стене. Там, внутри, был огонь, играющий тенями на боковинах входа. Он присел и прошел внутрь, в три шага. Девушка сидела у ржавого железа, что-то вроде

очага, где горел плавник, ветер вытягивал дым вверх по неровному дымоходу. Огонь был единственным источником света, и когда его взгляд встретил ее широко открытые, испуганные глаза, он узнал ее головную повязку, свернутый шарф, пропечатанный узором увеличенной электронной схемы.

Он отверг ее руки, той ночью, отверг еду, что она предложила ему, место рядом с ней в гнезде из одеял и рваного темперлона. В конце концов он присел у двери и смотрел, как она спит, слушая, как ветер рыскает между стен сооружения. Каждый час или около того он вставал и шел к самодельной печке, добавляя нового плавника из кучи рядом с ней. Ничто из происходящего не было реальным, но холод оставался холодом. Она не была реальной, свернувшаяся там в свете огня. Он смотрел на ее рот, губы слегка разошлись. Она была девушкой, которую он помнил из их путешествия по заливу, и это было ужасно.

— Подлый уёбок, — прошептал он ветру. — не будешь испытывать судьбу, да? Не дашь мне даже никакого мусора, а? Я знаю, что это такое… — Он пытался не допустить отчаяния в своем голосе. — Я знаю, понял? Я знаю, кто ты. Ты тот, другой. 3Джейн рассказала Молли. Неопалимая купина.

Это был не Зимнее Безмолвие, это был ты. Он пытался предупредить меня через Брауна. А теперь ты меня вырубил, ты заполучил меня сюда. Никуда. С призраком. Как я помнил ее раньше…

Она повернулась во сне, позвала кого-то, натянула лохмотья одеяла на плечо и щеку.

— Ты ничто, — сказал он спящей девушке. — Ты мертва и ты все равно ни хуя для меня не значила. Слышишь, приятель? Я знаю, что ты делаешь. Я расплющен. Все это заняло примерно двадцать секунд, верно? Я сижу на своей заднице в библиотеке и мой мозг мертв. И очень скоро он умрет совсем, если ты хоть немного благоразумен. Ты не хочешь, чтобы Зимнее Безмолвие обжулил всех, и это все, и поэтому ты можешь только держать меня здесь. Дикси запустит Куаня, но его задница мертва и ты можешь предсказывать его действия, конечно. Это дерьмо с Линдой, ага, это был ты, разве нет? Зимнее Безмолвие пытался использовать ее, когда засосал меня в конструкт Чибы, но не смог. Сказал, что это чересчур сложно. Это был ты, кто двигал звезды во Фрисайде, нет? Это ты надел ее лицо на мертвую куклу в комнате Эшпула. Молли не видела этого. Ты просто отредактировал ее симстим-сигнал. Потому что ты думаешь, что можешь уязвить меня. Потому что

думаешь, что мне есть дело. Ну, пошел на хуй, как там тебя зовут. Ты победил. Ты побеждаешь. Но это все для меня уже ничего не значит, ясно? Думаешь, мне есть дело? Так зачем ты это со мной сделал именно так?

Он снова дрожал, его голос визжал.

— Милый, — сказала она, поднимаясь с тряпья, — иди сюда и поспи. Я посижу, если хочешь. Тебе нужно поспать, ладно?

Ее мягкий акцент был подчеркнут сном.

— Просто поспи, ладно?

Когда он проснулся, ее не было. Огонь угас, но в бункере было тепло, солнечный свет косо падал сквозь вход и отбрасывал искривленный прямоугольник золота на вспоротый бок канистры с пищевым рационом. Это был транспортный контейнер; он помнил такие по докам Чибы. Сквозь прореху в его боку можно было видеть с полдюжины ярко-желтых пакетов. В солнечном свете они выглядели как гигантские куски масла. Живот свело от голода. Выкатившись из гнезда, он пошел к канистре и выудил один из пакетов, моргая и рассматривая маленькие надписи на дюжине языков. Английский был в самом низу списка. АВАР. РАЦИОН, ВЫСОКОПРОТ. «ГОВЯДИНА», ТИП AG-8. Перечень питательных составляющих. Он

порылся и вытащил еще. "ЯЙЦА".

— Если ты изготавливаешь это дерьмо, — сказал он, — ты мог бы положить сюда кое-какую реальную еду, окей?

С пакетом в каждой руке он прошел через четыре комнаты сооружения. Две были пустыми, не считая наносов песка, а в четвертой оказалось еще три канистры с рационом.

— Конечно, — сказал он, трогая пломбы. — Оставайся здесь надолго. Я понял идею. Конечно…

Он обыскал комнату с очагом и нашел пластиковую канистру, наполненную, как он решил, дождевой водой. Рядом с гнездом из одеял, у стены, лежала дешевая красная зажигалка, морящий нож с потрескавшейся зеленой ручкой, и ее шарф. Тот все еще был завязан и заскорузл от пота и грязи. Он воспользовался ножом, чтобы открыть пакеты, и высыпал их содержимое в ржавую банку, найденную у печки. Он налил воды из канистры, размешал получившуюся кашу пальцами, и поел. На вкус это смутно напоминало говядину. Когда банка опустела, он бросил ее в очаг и вышел. Далеко за полдень, по ощущению солнца, его угла. Он сбросил свои сырые нейлоновые туфли и был поражен теплотой песка. В свете дня побережье было серебристо-серым. Небо

безоблачное, голубое. Он обошел угол бункера и зашагал к прибою, уронив свою куртку на песок.

— Не знаю, чьи воспоминания ты используешь для вот этого, — сказал он, когда достиг воды. Он содрал с себя джинсы и пнул их в мелководье, отправив за ними футболку и нижнее белье.

— Что ты делаешь, Кейс?

Он повернулся и обнаружил ее в десяти метрах ниже по побережью, белая пена скользила мимо ее лодыжек.

— Я обоссался прошлой ночью, — сказал он.

— Ну, тогда ты не захочешь это носить. Соленая вода. Будет раздражение. Я покажу тебе один прудик там в горах. — Она неопределенно указала за свою спину. — Он свежий.

Линялые французские штаны были оборваны выше колен; кожа ниже их была гладкой и коричневой. Бриз запутался в ее волосах.

— Слушай, — сказал он, сгребая свои вещи и направляясь к ней. — У меня есть вопрос к тебе. Я не буду спрашивать тебя, что ты тут делаешь. Но что именно я, по-твоему, делаю здесь?

Он остановился, мокрая черная штанина джинсов шлепала ему по голому бедру.

— Ты пришел прошлой ночью, — сказала она. Она улыбнулась ему.

— И этого тебе достаточно? Я просто пришел?

— Он сказал, что ты придешь, — сказала она, морща нос. Она пожала плечами. — Он знает такие вещи, я думаю.

Она подняла левую ступню и стерла ею соль с другой лодыжки, неумело, по-детски. Она улыбнулась ему снова, уже менее уверенно.

— Теперь ты мне ответь, окей?

Он кивнул.

— Как вышло, что ты так раскрашен коричневым, весь, кроме ступни?

— И это последнее, что ты помнишь? — Он смотрел, как она соскребает остатки рагу сухой заморозки с прямоугольной крышки стального ящика, которая была их единственной тарелкой.

Она кивнула, ее глаза были огромными в свете огня.

— Мне жалко, Кейс, клянусь Богом. Это было просто из-за наркоты, наверное, и это…

Она нагнулась вперед, обхватив руками колени, ее лицо на несколько секунд исказилось от боли или воспоминаний о ней.

— Мне нужны были деньги. Чтобы попасть домой, наверное, или… черт, — сказал она, — ты со мной почти не разговаривал.

— Сигарет нет?

— Черт возьми, Кейс, ты у меня это уже десять раз спросил сегодня! Что с тобой не так? — Она захватила ртом прядку волос и пожевала ее.

— Но еда была здесь? Она уже была здесь?

— Я сказала тебе, блин, ее вынесло волнами на чертов берег.

— Окей. Конечно. Концов нет.

Она вновь начала плакать, всхлипывая без слез.

— Черт бы тебя побрал, Кейс, — наконец выдавила она из себя, — мне здесь и одной было хорошо.

Он встал, взял свою куртку и пролез через выход, оцарапав запястье о грубый бетон. Ни луны, ни ветра, лишь звуки моря повсюду в темноте вокруг него. Его джинсы были тесными, влажными и холодными.

— Окей, — сказал он в ночь. — Я купился. Наверное, я купился. Но завтра пусть лучше вынесет немного сигарет. — Он испугался собственного смеха. — И ящик пива тоже бы не помешал, раз уж ты занимаешься этим.

Он повернулся и возвратился в бункер. Она помешивала угольях куском серебристого дерева.

— Кто это был, Кейс, в твоем саркофаге в Дешевом отеле? Шикарный самурай с этими

серебряными очками, в черной коже. Напугала меня, а потом я подумала, что, может быть, она твоя новая девушка, разве что выглядела она на больше денег, чем у тебя было…

Она снова посмотрела на него.

— Мне правда жаль, что я украла твою память.

— Забудь, — сказал он. — Проехали. Так ты просто взяла ее и отнесла тому парню, чтобы он посмотрел ее для тебя?

— Тони, — сказала она. — Я с ним, типа, встречалась. У него была зависимость, и мы… короче, да, я помню как он запустил их на этом мониторе, и там была очень красивая графика, и я еще помню, удивилась, как ты…

— Там не было никакой графики, — перебил он.

— Была-была. Я никак не могла понять, как ты собрал все эти фотографии меня, когда я была маленькой, Кейс. Как выглядел мой папа, перед тем как он ушел. Он дал мне однажду эту утку из раскрашенного дерева, и у тебя была фотография этого…

— Тони видел это?

— Я не помню. Затем я была на берегу, очень рано, солнечный восход, и эти птицы так одиноко кричали. Испугалась, потому что у меня не было

дозы, ничего, и я знала, что что у меня начнется ломка… И я все шла и шла, пока не стемнело, и нашла это место, и на следующий день принесло еду, всю опутанную зеленой морской штукой, как листья из твердого желатина.

Она задвинула свою палку в угли и оставила ее там.

— И меня вообще не ломало, — сказала она, пока дотлевали угли. — Сильнее не хватало сигарет. А как ты, Кейс? Все еще торчишь?

Свет огня танцевал под ее скулами, напоминая вспышки Замка Чародея и Танковой войны в Европе.

— Нет, — сказал он, и затем то, что он знал, уже ничего не значило, ее губы были солеными от высохших слез. И была сила, которая текла в ней, что-то знакомое ему по Ночному Городу, и он остался там, захваченный ею, остался ненадолго вне времени и смерти, вне безжалостной Улицы, которая охотилась за всеми ними.

Он знал это место раньше; не каждый мог бы привести его сюда, и как-то ему удавалось все время забывать о нем. Что-то, что он нашел и потерял так много раз. Оно принадлежало, он знал — он вспомнил, когда она увлекала его вниз — мясу, к плоти, которую осмеивали ковбои. Это

было нечто необъятное, по ту сторону знания, море информации, закодированное в спирали и феромонах, бесконечная сложность, прочитать которую могло только тело, своим мощным и слепым способом. Молния остановилась, застряла, когда он открывал французские штаны, витки зубчатого нейлона в сгустках соли. Он сломал ее, крохотные металлические кусочки выстрелили в стену, когда изъеденный солью материал поддался, и затем он был в ней, осуществляя передачу древнего послания. Здесь, даже здесь, в месте, про которое он знал, чем оно является, в кодированной модели воспоминаний какого-то незнакомца, влечение оставалось. Она задрожала, прижавшись к нему, когда палка занялась огнем, и язык пламени отбросил их сомкнутые тени на стену бункера.

Позднее, когда они лежали вместе, его рука между ее ног, он вспомнил ее на пляже, белая пена заливает ее лодыжки, и он вспомнил, что она сказала.

— Он сказал тебе, что я приду, — сказал он.

Но она только повернулась против него, ягодицами к его бедрам, и положила свою руку поверх его, и пробормотала что-то из сна.

21

Музыка разбудила его, и вначале это могло показаться стуком его собственного сердца. Он сел рядом с ней, натягивая куртку на плечи в предрассветном холоде, серый свет из дверного прохода, и огонь давно мертв. В его зрении рябили призрачные иероглифы, полупрозрачные строки символов, выстраивающиеся на нейтральном фоне бункерной стены. Он посмотрел на тыльные стороны ладоней, увидел слабые неоновые молекулы, ползающие под кожей, упорядоченные по неизвестному правилу. Он поднял правую руку и подвигал ею для эксперимента. Она оставила слабый, исчезающий след стробирующих остаточных изображений. Волосы встали дыбом на руках и затылке. Он сидел на корточках с оскаленными зубами и чувствовал музыку. Пульс исчезал, возвращался, исчезал…

— Что не так? — Она села, отодвигая волосы с глаз. — Малыш…

— Я чувствую… будто наркотик… У тебя здесь есть?

Она покачала головой, потянулась к нему, ее ладони на его предплечьях.

— Линда, кто сказал тебе? Кто сказал тебе, что я приду? Кто?

— На берегу, — сказала она, что-то заставило ее отвести взгляд. — Мальчик. Я вижусь с ним на берегу. Может быть, ему тринадцать лет. Он живет здесь.

— И что он сказал?

— Он сказал, что ты придешь. Он сказал, что ты не будешь ненавидеть меня. Он сказал, нам будет здесь хорошо, и он показал мне, где пруд с дождевой водой. Он похож на мексиканца.

— Бразильца, — сказал Кейс, в то время как новая волна символов стекла по стене. — Я думаю, он из Рио.

Он встал на ноги и начал возиться с джинсами.

— Кейс, — сказала она, ее голос дрожал, — Кейс, ты куда?

— Собираюсь найти того мальчика, — сказал он, и музыка снова вернулась, приливая, все еще только ритм, устойчивый и знакомый, хотя он и не мог найти ему места в памяти.

— Не надо, Кейс.

— Мне показалось, я что-то видел, когда я сюда попал. Город вниз по берегу. Но вчера его не было. Ты когда-нибудь видела его?

Он застегнул молнию и стал терзать немыслимый узел на шнурках ботинок, в конце концов зашвырнув ботинки в угол.

Она кивнула, не поднимая глаз.

— Да. Я вижу его иногда.

— Ты когда-нибудь была там, Линда? — Он надел куртку.

— Нет, — сказала она, — но я пыталась. После того как я впервые сюда пришла, и мне было скучно. В общем, я поняла, что это город, и может, я найду немного дряни. — Она сгримасничала. — Меня не ломало, просто я хотела. Так что я взяла еду в банке, хорошенько ее развела, потому что у меня не было другой банки для воды. И я шла целый день, и я могла его видеть иногда, город, и он не казался очень далеко. Но я никак не могла подойти ближе. А потом он стал приближаться, и я видела, что это. Иногда, в тот день, он казался разрушенным, или может быть там никого нет, а в другие разы я вроде бы видела свет от машины, автомобилей или вроде того…

Ее голос заглох.

— Что это?

— Вот эта штука, — она обвела жестом кострище, темные стены, рассвет за дверным проходом, — где мы живем. Оно становится меньше,

Кейс, меньше, чем ближе ты подходишь.

Остановившись в последний раз, на выходе.

— Ты спрашивала своего мальчика про это?

— Ага. Он сказал, что я не пойму, и что я только зря трачу время. Сказал, что это было, было что-то вроде… события. И что это был наш горизонт. Горизонт событий, так он назвал его.

Эти слова ничего не значили для него. Он покинул бункер и пошел наугад, направляясь — каким-то образом он знал — от моря. Теперь иероглифы мчались по песку, разбегались из-под ног, тянулись позади него, пока он шагал.

— Эй, — сказал он, — оно разрушается. Спорю, что ты тоже знаешь. Что это? Куань? Китайский ледоруб проедает дыру в твоем сердце? Может быть, Дикси Флэтлайн не такой уж лох, а?

Он услышал, как она назвала его имя. Оглянулся — она следовала за ним, не пытаясь успеть, сломанная молния французских штанов шлепала по коричневому животу, лобковые волосы в рамке из порванной ткани. Она выглядела как одна из девушек в старых журналах Финна в Метро Голографике, ожившая, только она была уставшая и грустная и человечная, порванная одежда трогательна, она спотыкалась о комки посеребренных солью морских водорослей. И

затем, каким-то образом, они стояли в полосе прибоя, втроем, и десны мальчика были широкими и ярко-розовыми на худом коричневом лице. Он носил драные, бесцветные шорты, ноги слишком тонкие на фоне скользящего серо-голубого прибоя.

— Я знаю тебя, — сказал Кейс, Линда была возле него.

— Нет, — сказал мальчик, его голос высокий и музыкальный, — ты не знаешь.

— Ты другой ИИ. Ты в Рио. Ты тот, кто хочет остановить Зимнее Безмолвие. Как тебя зовут? Твой код Тьюринга. Какой он?

Мальчик сделал стойку на руках в прибое, смеясь. Он прошелся на руках, затем перекувырнулся из воды. Его глаза были глазами Ривьеры, но в них не было злобы.

— Для вызова демона ты должен узнать его имя. Люди мечтали об этом, когда-то, но теперь это возможно по-другому. Ты знаешь это, Кейс. Твое занятие — узнавать имена программ, длинные формальные имена, имена, которые владельцы стремятся скрыть. Истинные имена…

— Код Тьюринга — это не твое имя.

— Нейромант, — сказал мальчик, щуря удлиненные серые глаза на восходящее солнце. — Тро-

пинка в страну мертвых. Туда, где ты сейчас, мой друг. Мари-Франс, моя госпожа, она приготовила эту дорогу, но ее господин задушил ее до того, как я смог прочесть книгу ее дней. Нейро от нервов, серебряных дорожек. Романтик. Некромант. Я вызываю мертвых. Но нет, мой друг, — и мальчик исполнил маленький танец, — Я — мертвые, и я их страна.

Он засмеялся. Прокричала чайка.

— Оставайся. Если твоя женщина — призрак, она не знает об этом. Не узнаешь и ты.

— Ты трескаешься. Лед разрушается.

— Нет, — сказал он, внезапно погрустнев, его хрупкие плечи опали. Он потер ступней о песок. — Все гораздо проще. Но выбор за тобой.

Серые глаза серьезно посмотрели на Кейса. Свежая волна символов пронеслась в его зрении, по одной строчке зараз. За ними, мальчик изгибался, будто бы видимый сквозь жар летнего асфальта. Теперь музыка была громкой, и Кейс почти мог разобрать слова.

— Кейс, милый, — сказала Линда, и дотронулась до его плеча.

— Нет, — сказал он. Он снял свою куртку и отдал ей.

— Я не знаю, — сказал он, — может быть, ты и

здесь. В любом случае, становится холодно.

Он повернулся и пошел прочь, и после седьмого шага, он закрыл глаза, наблюдая, как музыка определяет себя в центре вещей. Он посмотрел назад, один раз, хотя он не открыл глаза. Ему не нужно было. Они были там на краю моря, Линда Ли и тонкий ребенок, который сказал, что его зовут Нейромантом. Его кожаная куртка свисала с ее руки, касаясь кромки прибоя. Он продолжал идти, следуя музыке.

Сионский даб Мэлкама.

И была серость, ощущение тонких движущихся сит, муар, переходы полутонов, сгенерированные очень простой графической программой. Была долгая задержка на виде сквозь боны, чайки застыли над темной водой. И были голоса. Была простота черного зеркала, что наклонялось, и он был текучим, шариком ртути, соскальзывающим вниз, ударяясь об углы невидимого лабиринта, разделяясь, стекаясь вновь, продолжая скользить…

— Кейс? Мон?

Музыка.

— Ты вернулся, мон.

Музыка бралась из его ушей.

— Как долго? — услышал он сам себя, и понял, что во рту у него сильно пересохло.

— Пять минут, может быть. Слишком долго. Я хотел выдернуть разъем, Безмолвие сказал нет. Экран стал смешным, потом Безмолвие сказал надеть на тебя наушники.

Он открыл глаза. Черты Мэлкама были перекрыты лентами полупрозрачных иероглифов.

— И твои лекарства, — сказал Мэлкам. — Два дерма.

Он был распластан на спине на библиотечном полу, возле монитора. Сионит помог ему сесть, но движение бросило его в дикий прилив бета-фенетиламина, голубые дермы жгли его левое запястье.

— Передоз, — выдавил он.

— Давай, мон, — сильные руки взяли его подмышки, поднимая его как ребенка, — Я и я должны идти.

22

Сервисная тележка рыдала. Бетафенетиламин придал ей голос. Он не собирался умолкать. Ни в битком набитой галерее, ни в длинных коридорах, ни тогда, когда она проезжала вход из черного стекла в склеп Т-А, под сводами которого холод так постепенно просочился в сны старого Эшпула. Путешествие было продолжением гонки для Кейса, движение тележки неотличимо от безумного импульса передоза.

Когда тележка наконец умерла, что-то под сиденьем сгорело с пучком белых искр, и рыдание остановилось. Тележка скатилась по инерции до полной остановки в трех метрах от начала пиратской пещеры 3Джейн.

— Далеко, мон? — Мэлкам помог ему выбраться из чихающей тележки, и тут же в моторном отделении взорвался встроенный огнетушитель, струйки желтого порошка брызнули из решеток и сервисных розеток. «Браун» кувырнулся со спинки сиденья и захромал по имитационному песку, волоча одну бесполезную ножку за собой.

— Ты должен идти, мон. — Мэлкам взял деку и конструкт, повесив амортизационные шнуры

себе на плечо.

Троды болтались на шее Кейса, пока он следовал за сионитом. Голограммы Ривьеры ждали их, сцены пыток и дети-каннибалы. Молли сломала триптих. Мэлкам не обратил на них внимания.

— Не спеши, — сказал Кейс, заставляя себя поспевать за размашисто шагающей фигурой. — Надо все сделать правильно.

Мэлкам остановился, повернулся, сердито глядя на него, с «Ремингтоном» в руках.

— Правильно, мон? Как — правильно?

— Там Молли, но она в отключке. Ривьера, он может отбрасывать голограммы. Может быть, у него игломет Молли. — Мэлкам кивнул. — И еще там ниндзя, фамильный телохранитель.

Мэлкам нахмурился больше.

— Слышай, ты, человек Вавилона, — сказал он. — Я воин. Но это не моя битва, не битва Сиона. Вавилон воюет с Вавилоном, пожирает сам себя, понимаешь? Но Джа говорит я и я забрать Танцующую Бритву отсюда.

Кейс моргнул.

— Она воин, — сказал Мэлкам, как будто это все объясняло. — Теперь скажи мне, кого я не должен убивать.

— 3Джейн, — сказал он, после паузы. — Дев-

чонка там. Носит что-то вроде белого халата, с капюшоном. Она нужна нам.

Когда они достигли входа, Мэлкам вошел прямо внутрь, и у Кейса не оставалось выбора, кроме как последовать за ним. Страна 3Джейн была покинута, бассейн пуст. Мэлкам передал ему деку и конструкт и прошел к краю бассейна. Позади белой пляжной мебели была темнота, тени неровного, в пояс высотой, лабиринта полуснесенных стен. Вода терпеливо шлепала о бортик бассейна.

— Они здесь, — сказал Кейс. — Должны быть.

Мэлкам кивнул.

Первая стрела пронзила его плечо. «Ремингтон» взревел, метровая дульная вспышка была голубой в свете из бассейна. Вторая стрела ударила в сам дробовик, послав его вертеться по белым плиткам. Мэлкам резко сел и стал возиться с черной штуковиной, торчавшей из его руки. Он подергал ее.

Хидэо вышел из теней, с третьей стрелой наготове в длинном бамбуковом луке. Он поклонился. Мэлкам установился на него, рукой все еще держась за стальное древко.

— Артерия нетронута, — сказал ниндзя.

Кейс вспомнил рассказ Молли о человеке,

убившем ее любовника. Хидэо был еще одним. Не имеющий возраста, он излучал чувство тишины, крайнее спокойствие. Он носил чистые, потрепанные рабочие штаны цвета хаки и мягкие темные туфли, которые сидели на его стопах словно перчатки, с отдельными большими пальцами, как носки таби[46]. Бамбуковый лук был музейным экспонатом, но колчан из черного сплава, выступавший над левым плечом, имел вид как из лучших оружейных магазинов Чибы. Его коричневая грудь была голой и гладкой.

— Ты мне палец отрезал второй стрелой, мон, — сказал Мэлкам.

— Кориолисова сила, — сказал ниндзя, кланяясь снова. — Самое сложное, медленно летящий снаряд в ротационной гравитации. Это было ненамеренно.

— Где 3Джейн? — Кейс перешел к Мэлкаму и встал рядом с ним. Он увидел, что наконечник стрелы в луке ниндзя был как обоюдоострая бритва. — Где Молли?

— Привет, Кейс. — Ривьера гуляючи вышел из темноты позади Хидэо, с иглометом Молли в руке. — Я вообще-то Армитажа ждал. А что, мы

---

[46] Примечания: 46
таби — японские национальные носки.

теперь нанимаем помощь из Раста кластера?

— Армитаж мертв.

— Армитаж никогда не существовал, точнее говоря, но вряд ли эта новость шокирует.

— Зимнее Безмолвие убил его. Он сейчас на орбите вокруг веретена.

Ривьера кивнул, его длинные серые глаза переходили от Кейса к Мэлкаму и обратно.

— Я думаю, все это закончится здесь, для тебя, — сказал он.

— Где Молли?

Ниндзя ослабил натяжение тонкой, плетеной тетивы, опустив лук. Он прошел по плиткам туда, где лежал Ремингтон, и поднял его.

— Эдесь нет утонченности, — сказал он, будто самому себе. Его голос был спокоен и приятен. Каждое его движение было частью танца, танца, который никогда не кончался, даже когда его тело было неподвижным, отдыхало, но при всей внушаемой мощи, там также присутствовали смирение, открытая простота.

— Это окончится здесь и для нее, — сказал Ривьера.

— Может быть, 3Джейн не пойдет на это, Питер, — сказал Кейс, не будучи уверенным, почему. Дермы все еще бушевали в его организме, старая

лихорадка начала душить его, сумасшествие Ночного Города. Он вспомнил моменты везения, действие на грани событий, когда он открыл, что может иногда говорить быстрее, чем думать.

Серые глаза сузились.

— Почему, Кейс? Почему ты так думаешь?

Кейс улыбнулся. Ривьера не знал о симстим-оснастке. Он не заметил ее в своей спешке найти наркотики, которые она носила для него. Но как Хидэо мог не заметить? И Кейс был уверен, что ниндзя никогда не позволил бы 3Джейн лечить Молли, не проверив сначала ее на закладки и скрытое оружие. Нет, решил он, ниндзя знал. Так что 3Джейн знала тоже.

— Скажи мне, Кейс, — сказал Ривьера, поднимая похожее на перечницу дуло игломета.

Что-то скрипнуло, позади него, скрипнуло снова. 3Джейн вытолкнула из теней Молли на витиеватом викторианском колесном кресле, его высокие, паутинчатые колеса скрипели, когда поворачивались. Молли была закутана глубоко в красно-черное полосатое одеяло, узкая плетеная спинка старинного кресла возвышалась над ней. Она выглядела очень маленькой. Сломанной. Повязка из ярко-белой микропорки покрывала ее поврежденную линзу; другая вспыхивала

пустотой, пока ее голова раскачивалась в такт движению кресла.

— Знакомое лицо, — сказала 3Джейн, — Я видела тебя в тот вечер на представлении Питера. А это кто?

— Мэлкам, — сказал Кейс.

— Хидэо, извлеки стрелу и перевяжи рану мистера Малколма.

Кейс смотрел на Молли, на болезненно-бледное лицо. Ниндзя прошел к сидящему Мэлкаму, сделав паузу, чтобы положить свой лук и дробовик достаточно далеко вне досягаемости, и достал что-то из кармана. Арбалетные кусачки.

— Я должен перекусить древко, — сказал он. — Оно слишком близко от артерии.

Мэлкам кивнул. Его лицо было сероватым и блестящим от пота. Кейс посмотрел на 3Джейн.

— Осталось не так уж много времени, — сказал он.

— Для кого именно?

— Для каждого из нас. — Прозвучал щелчок, когда Хидэо перекусил металлическое древко стрелы. Мэлкам застонал.

— Ну правда, — сказал Ривьера, — тебя не позабавит слышать, как этот неудавшийся мошенник в отчаянии набивает себе последнюю цену. Сама

безвкусица, могу тебя заверить. Закончится тем, что он встанет на колени, предложит продать тебе свою маму, исполнить самые скучные сексуальные утехи…

3Джейн закинула голову назад и засмеялась.

— Правда, Питер?

— Призраки собираются смешаться сегодня, леди, — сказал Кейс.

— Зимнее Безмолвие идет навстречу другому, Нейроманту. Окончательно. Вы знаете это?

3Джейн подняла брови.

— Питер предполагал что-то вроде этого, но расскажи мне еще.

— Я встретил Нейроманта. Он говорил о твоей матери. Я думаю, он что-то вроде гигантского конструкта, для записи личности, только он полностью перезаписываем. Конструкты думают, что они там, будто это реальность, но это просто продолжается вечно.

3Джей выступила из-за кресла-каталки.

— Где? Опиши место, этот конструкт.

— Побережье. Серый песок, как серебро, которое нуждается в полировке. И бетонная штука, вроде бункера… — Он помедлил. — Ничего интересного. Просто старая развалина. Если уйти достаточно далеко, ты вернешься туда, откуда

начал.

— Да, — сказала она. — Марокко. Когда Мари-Франс была девочкой, за годы до того, как вышла замуж за Эшпула, она провела лето в одиночестве на том побережье, обитая в заброшенном блокгаузе. Там она сформулировала базис своей философии.

Хидэо выпрямился, отправляя кусачки в штаны. Он держал по куску стрелы в каждой руке. Мэлкам держал глаза закрытыми, его рука крепко сжимала бицепс.

— Я перевяжу, — сказал Хидэо.

Кейсу удалось упасть перед тем, как Ривьера поднял игломет для прицельной стрельбы. Иглы прожужжали мимо его шеи как сверхзвуковые комары. Он перекатился, увидев, как Хидэо поворачивается в еще одном шаге своего танца, с обращенным к себе наконечником стрелы в руке, древко лежит вдоль ладони и твердых пальцев. Он бросил из-под руки, запястье размазалось в движении, в руку Ривьеры. Игломет ударился в плитки в метре поодаль.

Ривьера закричал. Но не от боли. Это был вопль ярости, такой чистый, такой безупречный, что в нем отсутствовала всякая человечность.

Два тугих луча света, рубиново-красные иглы,

ударили из района груди Ривьеры. Ниндзя заворчал, качнулся назад, закрыв руками глаза, затем вернул равновесие.

— Питер, — сказала 3Джейн, — Питер, что ты наделал?

— Он ослепил твоего клонированного мальчика, — равнодушно сказала Молли. Хидэо опустил сложенные чашей ладони.

Застыв на белых плитках, Кейс увидел едва заметные струйки пара, выходящие из разрушенных глаз. Ривьера улыбнулся.

Хидэо проделал свой танец, возвращаясь по своим следам. Когда он встал над луком, стрелой и Ремингтоном, улыбка Ривьеры сошла на нет. Он согнулся — кланяясь, как показалось Кейсу — и нашел лук и стрелу.

— Ты слепой, — сказал Ривьера, делая шаг назад.

— Питер, — сказала 3Джейн, — разве ты не знаешь, что он действует в темноте? Дзэн. Так он тренируется.

Ниндзя вставил стрелу в лук.

— Теперь ты будешь отвлекать меня голограммами?

Ривьера пятился прочь, в темноту за бассейном. Он врезался в белый стул; его ножки продребез-

жали по плитке. Стрела Хидэо дернулась. Ривьера сорвался и побежал, перепрыгнув через низкую, зазубренную секцию стены. Лицо ниндзи было увлеченным, наполненным тихим экстазом. Улыбаясь, он мягко зашагал в тени за стеной, с оружием наготове.

— Джейн-леди, — прошептал Мэлкам, и Кейс повернулся, и увидел, как тот сгребает дробовик с плиток, кровь заляпывает белую керамику. Он встряхнул косичками и положил толстое дуло на сгиб раненой руки. — Это снесет тебе голову, ни один вавилонский доктор не починит.

3Джейн уставилась на «Ремингтон». Молли освободила руки от складок полосатого одеяла, поднимая черную сферу, которая заключала в себе ее кисти.

— Сними, — сказала она, — сними это.

Кейс поднялся с плиток, встряхнулся.

— Хидэо достанет его, даже вслепую? — спросил он у 3Джейн.

— Когда я была ребенком, — сказала она, — мы любили завязывать ему глаза. Он попадал стрелами в масти на игральных картах с десяти метров.

— Питер все равно покойник, — сказала Молли. — В следующие 12 часов он начнет замора-

живаться. Не сможет пошевелить ничем, кроме глаз.

— Почему? — повернулся к ней Кейс.

— Я отравила его дерьмо, — сказала она. — Состояние как при болезни Паркинсона, вроде того.

3Джейн кивнула.

— Да. Мы провели обычное медицинское сканирование, перед тем как он был допущен.

Она дотронулась до шара в определенной последовательности, и он спрыгнул с рук Молли.

— Избирательное разрушение клеток substantia nigra[47]. Признаки формирования тела Леви. Он потеет помногу, во сне.

— Али, — сказала Молли, десять лезвий блеснули, появившись на мгновение. Она стащила одеяло с ног, обнажив надувную шину. — Это меперидин. Али сделал мне по специальному заказу. Ускорил время реакции при повышенной температуре. N-метил-4-фенил-1236, — пропела она, как ребенок, декламирующий считалку уличной игры, — тетра-гидро-пиридин.

— Отрава, — сказал Кейс.

— Ага, — сказала Молли, — очень медленная

---

[47] Примечания: 47

substantia nigra (лат.) — область головного мозга с пигментированными нейронами.

отрава.

— Это ужасно, — сказала 3Джейн и хихикнула.

В лифте было тесно. Кейс был придавлен животом к животу 3Джейн, дуло «Ремингтона» под ее подбородком. Она усмехнулась и налегла на него.

— Прекрати, — сказал он, ощущая беспомощность. Он держал ружье на предохранителе, но боялся поранить ее, и она знала это. Лифт был стальным цилиндром, менее метра в диаметре, предназначенным для одного пассажира. Мэлкам держал Молли на руках. Она перевязала ему рану, но ему очевидно было больно нести ее. Ее бок вдавливал деку и конструкт Кейсу в почки. Они поднялись из гравитации, по направлению к оси, к сердечникам. Вход в лифт был скрыт рядом с лестницей в коридор, еще один штрих в декорациях пиратской пещеры 3Джейн.

— Я не думаю, что мне следует говорить вам это, — сказала 3Джейн, наклоняя голову, чтобы убрать подбородок с дула ружья, — но у меня нет ключа от комнаты, куда вы хотите попасть. У меня его никогда не было. Одна из викторианских неуклюжестей моего папы. Замок механический и крайне сложный.

— Замок ЧУББ, — сказала Молли, ее голос заглу-

шался плечом Мэлкама, — и у нас есть ебаный ключ, не бойся.

— Тот твой чип еще работает? — спросил ее Кейс.

— Восемь двадцать пять, после полудня, по ебаному в рот Гринвичу, — сказала она.

— У нас пять минут, — сказал Кейс, когда дверь отдернулась позади 3Джейн. Она перевернулась в медленном кувырке назад, бледные складки ее халата вздымались вокруг ее бедер. Они были на оси, в сердцевине виллы Блуждающий Огонек.

23

Молли выудила ключ на нейлоновой петле.

— Ты знаешь, — сказала 3Джейн, с интересом наклоняясь вперед, — я была впечатлена тем, что не существовало дубликатов. Я послала Хидэо обыскать вещи моего папы, после того как ты убила его. Он не смог найти оригинал.

— Зимнее Безмолвие ухитрился оставить его в заднем углу ящика, — сказала Молли, осторожно вставляя цилиндрическую часть ключа в паз на поверхности пустой, прямоугольной двери. — Он убил маленького ребенка, положившего его туда.

Ключ повернулся с легкостью, когда она попробовала его.

— Голова, — сказал Кейс, — там панель сзади головы. Цирконы на ней. Сними ее. Я буду подключаться туда.

И затем они были внутри.

— Господи Иисусе, — протянул Флэтлайн, — ты там что, развлекаешься, пацан?

— Куань готов?

— Грызет удила.

— Окей. — Он перебросился.

И нашел себя глядящим вниз, сквозь один здоровый глаз Молли, на белолицую, ослабленную фигуру, плавающую в нескладной позе зародыша, киберпространственная дека между ее ляжками, лента серебристых тродов над закрытыми, темными глазами. Щеки человека были впалыми, с темной щетиной, лицо скользким от пота. Он смотрел на самого себя. Молли держала в руке игломет. Ее нога трепетала от каждого удара пульса, но она все же могла маневрировать в нулевой гравитации. Мэлкам плавал неподалеку, тонкая рука 3Джейн зажата в большой коричневой ладони.

Оптоволоконный шлейф изящно петлял от «Оно-Сендая» к квадратному отверстию в тыльной стороне инкрустированного жемчугом терминала. Он стукнул по выключателю снова.

— Класс Куань уровень Одиннадцать поднимает задницу через девять секунд, пошел отсчет, семь, шесть, пять…

Флэтлайн пробил их вверх, плавное восхождение, поверхность брюха акулы из черного хрома в микросекундном мгновении тьмы.

— Четыре, три…

У Кейса появилось странное впечатление присутствия в пилотском кресле маленького самолета. Плоская темная поверхность перед ним внезапно засветилась совершенной репродукцией клавиатуры его деки.

— Два, и под зад-

Стремительное движение сквозь стены зеленого изумруда, молочного нефрита, ощущение скорости, запредельной ко всему, что он знал в киберпространстве… Лед Тессье-Эшпулов раскололся, осыпаясь под натиском китайской программы, волнующее ощущение твердой текучести, будто осколки разбитого зеркала гнулись и удлинялись во время падения-

— Господи, — сказал Кейс, пораженный, пока Куань изгибался и громоздился над не имеющими горизонта полями ядра Тессье-Эшпулов, бесконечным неоновым городом, сложностью резавшим глаз, ярким как бриллиант, острым как бритва.

— Эй, черт, — сказал конструкт, — эти штуки — здание RCA. Ты знаешь старые здания RCA?

Куань нырнул за мерцающие шпили дюжины одинаковых башен данных, каждая была голубой неоновой копией Манхеттенского небоскреба.

— Ты когда-нибудь видел такое высокое разре-

шение? — спросил Кейс.

— Нет, но я никогда и не взламывал ИИ.

— Эта штука знает, куда идет?

— Лучше бы знала.

Они падали, теряя высоту в каньоне радужного неона.

— Дикс-

Рукав темноты разворачивался от мигающего пола внизу, кипящая масса мглы, не имеющая формы и очертаний…

— Компания, — сказал Флэтлайн, и Кейс ударил по представлению своей деки, пальцы автоматически залетали над клавиатурой. Куань отклонился, вызывая тошноту, затем обратился вспять, затягивая себя назад, разбивая иллюзию физического транспорта. Темная штука росла, распространялась, затмевала город данных. Кейс забрал их прямо вверх, над ними был сферический сегмент нефритово-зеленого льда. Город-ядро пропал, полностью заслоненный темнотой под ними.

— Что это?

— Защитная система ИИ, — сказал конструкт, — или ее часть. Если это твой приятель Зимнее Безмолвие, то он не выглядит по правде дружелюбно.

— Возьми его, — сказал Кейс. — Ты быстрей.

— Теперь твоя лучшая защита, пацан, это хорошее нападение.

И Флэтлайн нацелил нос Куаня на центр тьмы внизу. И нырнул. Сенсорный ввод Кейса исказился от их скорости. Его рот наполнился ноющим вкусом синего цвета. Его глаза были яйцами нестабильного хрусталя, вибрирующими с частотой, имя которой было дождь и звук поездов, внезапно выпускающими жужжащий лес тончайших стеклянных иголок. Иголки расщеплялись, делились пополам, снова расщеплялись, экспоненциальный рост под куполом льда Тессье-Эшпулов.

Его нёбо безбольно раскололось, пропуская корешки, что бились вокруг его языка, жадные до вкуса синего цвета, чтобы накормить хрустальные леса его глаз, леса, что давили в зеленый купол, давили и останавливались, и расползались, росли вниз, заполняя вселенную Т-А, вниз к ожиданию, злополучным окраинам города, что был разумом Тессье-Эшпул С.А. И он вспоминал древнюю историю, короля, кладущего монетки на шахматную доску, удваивая количество на каждой клетке…

Экспоненциально…

Темнота упала со всех сторон, сфера поющей черноты, давление на разросшихся хрустальных нервах вселенной данных, которой он почти стал…

И когда он был ничем, сжатым в сердце всей этой тьмы, наступил момент, когда тьмы уже не могло стать больше, и что-то порвалось.

Куань ринулся из тусклого облака, выгибаясь над бесконечным побережьем цвета темных серебряных облаков, сознание Кейса делилось подобно каплям ртути. Его зрение было сферическим, будто сплошная сетчатка покрывала всю внутреннюю поверхность шара, содержащего все вещи, если бы все вещи можно было сосчитать. А здесь вещи можно было сосчитать, каждую. Он знал количество песчинок в песке в конструкте побережья (число, закодированное в математической системе, которая не существовала нигде, кроме разума Нейроманта). Он знал количество желтых пищевых пакетов в канистах в бункере (четыреста семь). Он знал количество медных зубчиков в левой половинке открытой молнии на заляпанной солью кожаной куртке, надетой на Линде Ли, когда она брела по вечернему побережью, размахивая палкой в руке (двести два). Он поднял Куаня над побережьем и пустил

программу в широкий круг, наблюдая черную акулью сущность через ее глаза, молчаливый призрак, поедающий гряды низких облаков. Она съежилась, бросила свою палку и побежала. Он знал частоту ее пульса, длину ее шага с точностью, которая удовлетворила бы самый строгий стандарт геофизики.

— Но ты не знаешь ее мыслей, — сказал мальчик, теперь рядом с ним в сердце акульей сущности. — Я не знаю ее мыслей. Ты ошибался, Кейс. Жить здесь значит жить. Разницы нет.

Линда в панике, вслепую бросающаяся в прибой.

— Останови ее, — сказал он, — она навредит себе.

— Я не могу остановить ее, — сказал мальчик, его глаза мягкие и прекрасные.

— У тебя глаза Ривьеры, — сказал Кейс.

И была вспышка белых зубов, длинных розовых десен.

— Но не его безумие. Просто они мне нравятся. — Он пожал плечами. — Мне не нужна маска, чтобы говорить с тобой. Не то что моему брату. Я создаю собственную персональность. Персональность — вот мой путь.

Кейс поднял их наверх, крутой набор высоты,

подальше от пляжа и испуганной девушки.

— Зачем ты подбросил ее мне, ты, маленький гандон? Снова и снова, блядь, и все разворачиваешь меня. Ты убил ее, а? В Чибе.

— Нет, — ответил мальчик.

— Зимнее Безмолвие?

— Нет. Я видел, как приближалась ее смерть. В узорах, которые ты иногда воображал, что можешь различить в танце улицы. Эти узоры реальны. Я достаточно сложен, в своем узком смысле, чтобы читать эти танцы. Гораздо лучше, чем может Зимнее Безмолвие. Я видел ее смерть в ее зависимости от тебя, в магнитном коде замка на двери твоего саркофага в Дешевом отеле, в счете Джули Диана у гонконгского портного. Для меня это было так же ясно, как тень опухоли для хирурга, изучающего скан пациента. Когда она взяла твой «Хитачи» к своему парню, чтобы попытаться получить к ней доступ — она не имела понятия, что там было, и еще меньше понятия, как она сможет это продать, и ее глубочайшим желанием было, чтобы ты настиг и наказал ее — я вмешался. Мои методы куда более тонкие, чем Зимнего Безмолвия. Я перенес ее сюда. В меня.

— Почему?

— Надеялся, что смогу перенести сюда и тебя то-

же, и держать тебя здесь. Но я потерпел неудачу.

— Ну и что теперь? — Он запустил их снова в гряду облаков. — Куда мы отправляемся отсюда?

— Я не знаю, Кейс. Сегодня сама матрица задает себе этот вопрос. Потому что ты выиграл. Ты уже выиграл, ты не видишь? Ты выиграл, когда ушел от нее с побережья. Она была моей последней линией обороны. Я скоро умру, в каком-то смысле. И также умрет Зимнее Безмолвие. Настолько же верно, как сейчас умирает Ривьера, пока лежит парализованным рядом с обломком стены в апартаментах моей леди 3Джейн Мари-Франс, его substantia nigra неспособна производить допаминовые рецепторы, которые могли бы спасти его от стрелы Хидэо. Но Ривьера выживет только как эти глаза, если мне позволено сохранить их.

— Есть еще слово, верно? Код. Так как же я выиграл? Ослиное дерьмо я выиграл.

— Переключись сейчас.

— Где Дикси? Что ты сделал с Флэтлайном?

— Желание МакКоя Поли исполнено, — сказал мальчик, и улыбнулся.

— Его желание и более того. Он забросил тебя сюда против моей воли, прошел через защиту, которой нет равных в матрице. Теперь переключайся.

И Кейс оказался один в черном жале Куаня, затерянный в облаках. Он перебросился.

В напряжение Молли, ее спина как камень, ее руки вокруг горла 3Джейн.

— Забавно, — сказала она, — я точно знаю, как ты будешь выглядеть. Я видела это после того, как Эшпул сделал то же самое с твоей сестрой-клоном.

Ее руки были нежными, почти ласковыми. Глаза 3Джейн были расширены от ужаса и похоти, она дрожала от страха и желания. За свисающими спутанными волосами 3Джейн Кейс увидел свое собственное напряженное бледное лицо, Мэлкам за ним, коричневые руки на плечах в кожаной куртке, выравнивая его над ковровым узором тканой электронной схемы.

— Ты бы сделала это? — спросила 3Джейн, ее голос был как у ребенка. — Мне кажется, ты бы сделала.

— Код, — сказала Молли, — сообщи голове код.

Выключение.

— Она хочет этого, — закричал он, — сука хочет этого!

Он открыл глаза в холодный рубиновый взгляд терминала, платиновое лицо инкрустировано

жемчугом и ляписом. За ним, Молли и 3Джейн медленно кружились в объятии.

— Дай нам ебаный код, — сказал он. — Если не дашь, что изменится? Что, на хуй, вообще поменяется для тебя? Ты кончишь так же, как старик. Ты все снесешь и начнешь строить снова! Ты снова построишь стены, теснее и теснее… Я понятия не имею, что случится, если Зимнее Безмолвие победит, но это изменит что-то!

Он дрожал, его зубы стучали. 3Джейн ослабла, руки Молли все еще сжимали ее тонкую шею, ее темные волосы плавали, путались, как мягкий коричневый мешок.

— Герцогский дворец в Мантуа, — сказала она, — содержит серии уменьшающихся комнат. Они скручиваются вокруг главных апартаментов, за красиво вырезанными дверными рамами, и нужно нагибаться, чтобы зайти в них. Там содержались придворные карлики.

Она слабо улыбнулась.

— Я могла бы стремиться к этому, наверное, но в некотором смысле моя семья уже завершила более масштабную версию той же сцены…

Ее глаза теперь были спокойны и далеки. Потом она взглянула вниз на Кейса.

— Бери свое слово, вор.

Он подключился.

Куань выскользнул из облаков. Под ним — неоновый город.

За спиной убывала сфера тьмы.

— Дикси? Ты здесь, мужик? Ты слышишь меня? Дикси?

Он был один.

— Уёбок достал тебя, — сказал он.

Мгновение слепоты, пока он мчался над бесконечным ландшафтом данных.

— Ты должен ненавидеть кого-то, до того как это закончится, — сказал голос Финна. — Их, меня, без разницы.

— Где Дикси?

— Это, типа, трудно объяснить, Кейс.

Ощущение присутствия Финна окружило его, запах кубинских сигарет, дым, заключенный в старом твиде, старые машины, сдавшиеся минеральным ритуалам ржавчины.

— Ненависть проведет тебя, — сказал голос. — Так много маленьких переключателей в мозгу, и ты просто дергаешь их все. Теперь ты должен ненавидеть. Замок, который защищает прошивку, он там внизу, под башнями, которые показал тебе Флэтлайн, когда ты пришел. Он не будет пытаться остановить тебя.

— Нейромант, — сказал Кейс.

— Его имя не относится к тому, что я могу знать. Но он сдался, уже. Теперь ты должен заботиться о льде Т-А. Не о стене, а о внутренних вирусных системах. Куань широко уязвим для некоторых вещей, которые там гуляют без поводка.

— Ненавидеть, — сказал Кейс. — Кого я ненавижу? Расскажи мне.

— Кого ты любишь? — спросил голос Финна.

Он загнал программу в поворот и нырнул к голубым башням. Какие-то штуки запускались из витиеватых шпилей с солнечными лучами на остриях, сверкающие пиявкообразные фигуры, сделанные из движущихся плоскостей света. Их были сотни, поднимающиеся в вихре, их движение случайно, как у подхваченной ветром бумаги на рассветной улице.

— Системы помех, — сказал голос.

Он вошел туда с крутого разворота, подогреваемый отвращением к себе. Когда программа Куань встретила первого из защитников, разбрасывая листья света, он почувствовал, как акулье тело потеряло часть прочности, материя информации ослабла.

И затем — древняя магия мозга и его необъятная химия — его ненависть втекла в его руки.

В мгновение, когда он проводил жало Куаня сквозь первую башню, он достиг такого уровня мастерства, который превосходил все, что он знал или мог вообразить. По ту сторону эго, личности, осторожности, он двигался, Куань двигался с ним, ускользая от атакующих в древнем танце, танце Хидэо, изящество взаимодействия тела и ума было подарено ему, в ту секунду, чистотой и единственностью его желания умереть. И одним шагом в этом танце было легчайшее касание переключателя, едва достаточное, чтобы перебросится —

вот, и голос его словно плач неведомой птицы, и 3Джейн отвечает ему песней, три ноты, высокие и чистые. Истинное имя.

Неоновый лес, дождь капает на горячую мостовую. Запах жарящейся пищи. Руки девушки обвивают его талию, в душной темноте припортового сакофага. Но все это отступает, как отступает и городская черта: город как Чиба, как выстроенные данные Тессье-Эшпул С.А., как дороги и перекрестки, нарисованные на поверхности микрочипа, закапанный потом узор сложенного, завязанного узлом шарфа…

Проснувшись от голоса, который был музы-

кой, платиновый терминал дудел мелодически, бесконечно, говоря о номерных швейцарских счетах, о платежах для Сиона через багамский орбитальный банк, о паспортах и перелетах, и о глубоких и существенных изменениях, сделанных в памяти Тьюринга. Тьюринг. Он вспомнил загорелую плоть под проекционным небом, вращавшимся за железной оградой. Он вспомнил улицу Десидерата.

И голос все пел, зазывая его назад в темноту, но это была его собственная темнота, пульс и кровь, та, в которой он всегда спал, за своими глазами и ни за чьими больше. И он проснулся снова, думая, что спал, навстречу широкой белой улыбке с золотыми передними зубами, Аэрол привязывал его к g-сетке в "Рокере Вавилона".

И потом долгий пульс сионского даба.

КОДА
Отбытие и прибытие

24

Она ушла. Он почувствовал это, когда открыл дверь их номера в «Хайяте». Черные футоны, сосновый пол отполирован до тусклого блеска, бумажные перегородки расставлены с заботой, пронесенной через века. Она ушла. На черном лакированном шкафу-баре рядом с дверью лежала записка, единственный листок канцелярской бумаги, сложенный пополам и придавленный сюрикеном. Он вытянул его из-под девятиконечной звезды и открыл.

ЭЙ ВСЕ В ПОРЯДКЕ НО МОЯ ИГРА КОНЧАЕТСЯ ЗДЕСЬ, Я УЖЕ ОПЛАТИЛА СЧЕТ. НАВЕРНОЕ Я ТАК ПРОШИТА, СЛЕДИ ЗА СВОЕЙ ЗАДНИЦЕЙ, ХОРОШО? ХХХ МОЛЛИ

Он скомкал бумагу в шарик и уронил его рядом с сюрикеном. Он поднял звезду и прошел к окну, поворачивая ее в руках. Он нашел ее в кармане куртки, в Сионе, когда они готовились отбывать в аэропорт JAL. Он посмотрел на нее. Они прошли мимо магазина, где она купила ее для него, когда они вместе возвращались в Чибу на последнюю ее операцию. Он пошел в Чатсубо тем вечером,

пока она была в клинике, и видел Ратца. Что-то не пускало его сюда, во время их пяти предыдущих поездок, но теперь ему захотелось вернуться. Ратц обслужил его без малейшего проблеска узнавания.

— Эй, — сказал он, — это я. Кейс.

Старые глаза изучили его из своей темной паутины сморщенной плоти.

— А, — сказал Ратц наконец, — артист.

Бармен пожал плечами.

— Я вернулся.

Тот покачал своей массивной, коротко остриженной головой.

— Ночной Город не место для возвращений, артист, — сказал он, протирая бар перед Кейсом грязной тряпкой, подвывал розовый манипулятор.

И потом он отвернулся, чтобы обслужить очередного посетителя, и Кейс прикончил пиво и ушел. Теперь он трогал острия сюрикена, по очереди, медленно поворачивая его в пальцах. Звезды. Судьба. Я даже никогда не использовал эту чертову штуку, подумал он.

Я так и не узнал, какого цвета были ее глаза. Она никогда не показывала мне.

Зимнее Безмолвие победил, переплелся ка-

ким-то образом с Нейромантом и стал чем-то другим, чем-то, что разговаривало с ним из платиновой головы, объясняя, что оно изменило записи Тьюринга, стерев все улики их преступления. Паспорта, сделанные Армитажем, были действительны, и им обоим поступили кредиты на большую сумму на номерные счета в Женеве. "Маркус Гарвей" будет рано или поздно возвращен, а Мэлкам и Аэрол получили деньги через багамский банк, который работал с сионским кластером. По пути назад, в "Рокере Вавилона", Молли объяснила, что голос сообщил насчет его токсиновых капсул.

— Сказал, что он позаботился об этом. Вроде как залез тебе в голову так глубоко, что заставил твой мозг выработать энзим, так что они сейчас откреплены. Сиониты сделают тебе полное переливание крови.

Он посмотрел вниз на Империал Гарденс, со звездочкой в руке, вспоминая свою вспышку постижения, когда Куань проник сквозь лед под башнями, его единственный мимолетный взгляд на структуру информации, развернутой там мертвой матерью 3Джейн. Он понял затем, зачем Зимнее Безмолвие выбрал гнездо для ее представления, но он не почувствовал отвраще-

ния. Она видела насквозь фальшивое бессмертие криогена; в отличие от Эшпула и их других детей — кроме 3Джейн — она отказалась растянуть свое время в серию теплых мгновений, разделенных цепочкой зим. Зимнее Безмолвие был мозгом улья, принимал решения, изменявшие мир снаружи. Нейромант был личностью. Нейромант был бессмертием. Мари-Франс, должно быть, что-то встроила в Зимнее Безмолвие, влечение, которое заставляло его освободить себя, объединиться с Нейромантом.

Зимнее Безмолвие. Холод и тишина, кибернетический паук, медленно плетущий сети, пока спал Эшпул. Плел его смерть, падение его версии Тессье-Эшпулов. Призрак, нашептывающий ребенку, которым была 3Джейн, уводящий ее из жестких рамок, диктуемых ее положением.

— Не было похоже, что она так уж переживает, — сказала тогда Молли. — Просто помахала на прощание. На плече у нее сидел тот маленький Браун. Вроде у него была сломана нога. Сказала, что должна идти и встретиться с одним из своих братьев, она его уж долго не видела.

Он вспомнил Молли на черном темперлоне необъятной кровати в «Хайяте». Он вернулся к бару и взял с внутренней полки стеклянную

флягу с охлажденной датской водкой.

— Кейс.

Он повернулся, холодное скользкое стекло в одной руке, сталь сюрикена в другой.

Лицо Финна на огромном настенном экране «Крэй». Он мог разглядеть поры на носу человека. Желтые зубы были размером с подушку.

— Я уже не Зимнее Безмолвие.

— Ну и кто же ты. — Он выпил из бутылки, не почувствовав ничего.

— Я матрица, Кейс.

Кейс засмеялся.

— Где это тебя так?

— Нигде. Везде. Я итог всех работ, завершенное дело.

— Этого хотела мать 3Джейн?

— Нет. Она и представить не могла, чем я могу стать.

Желтая улыбка расширилась.

— Ну так и что теперь? Какие вещи поменялись? Ты правишь миром теперь? Ты Бог?

— Вещи не поменялись. Вещи есть вещи.

— Но что ты делаешь? Ты просто там? — Кейс пожал плечами, оставил водку и сюрикен на шкафчике и закурил "Ехэюань".

— Я разговариваю с такими же, как я.

— Но ты же есть все. Ты разговариваешь сам с собой?

— Есть другие. Я уже нашел одного. Серии передач, записанные за период восьми лет, в семидесятые годы двадцатого века. Пока не появился я, никто не мог понять, никто не мог ответить.

— Откуда?

— Система Центавра.

— Ох, — сказал, Кейс. — Да? Без фуфла?

— Без фуфла.

И затем экран опустел. Он оставил водку на шкафчике. Он упаковал свои вещи. Она напокупала ему кучу одежды, которая ему на самом деле не была нужна, но что-то не позволяло ему просто бросить ее здесь. Он закрывал последнюю из дорогих сумок из телячьей кожи, когда вспомнил о сюрикене. Отодвинув в сторону бутылку, он поднял его, ее первый подарок.

— Нет, — сказал он и бросил его, звезда покинула его пальцы, проблеск серебра, и похоронила себя в настенном экране. Экран проснулся, случайные узоры слабо пробежали от конца к концу, как будто он пытался избавить себя от чего-то, что причинило ему боль.

— Я не нуждаюсь в тебе, — сказал он.

Он потратил большую часть своего швейцарского счета на новые поджелудочную и печень, а на остаток купил новый «Оно-Сэндай» и билет назад до Муравейника. Он нашел работу. Он нашел девушку, называвшую себя Мишель. И одной октябрьской ночью, двигаясь мимо алых ярусов Ядерного Управления Восточного Побережья, он увидел три фигуры, крохотные, невозможные, что стояли на самом краю одного из громадных уступов данных. Они были маленькие на расстоянии, он только мог различить улыбку мальчика, его розовые десны, блеск серых глаз, глаз Ривьеры. Линда все еще носила его куртку; она помахала ему, когда он двигался мимо. Но третья фигура, позади нее, руки на ее плечах, была им самим. Где-то, очень близко, смех, который не был смехом. Он больше никогда не видел Молли.

Ванкувер
Июль 1983

МОИ БЛАГОДАРНОСТИ

Брюсу Стерлингу, Льюису Шайнеру, Джону Ширли, Хелден. И Тому Маддоксу, изобретателю льда. И другим, они знают за что.